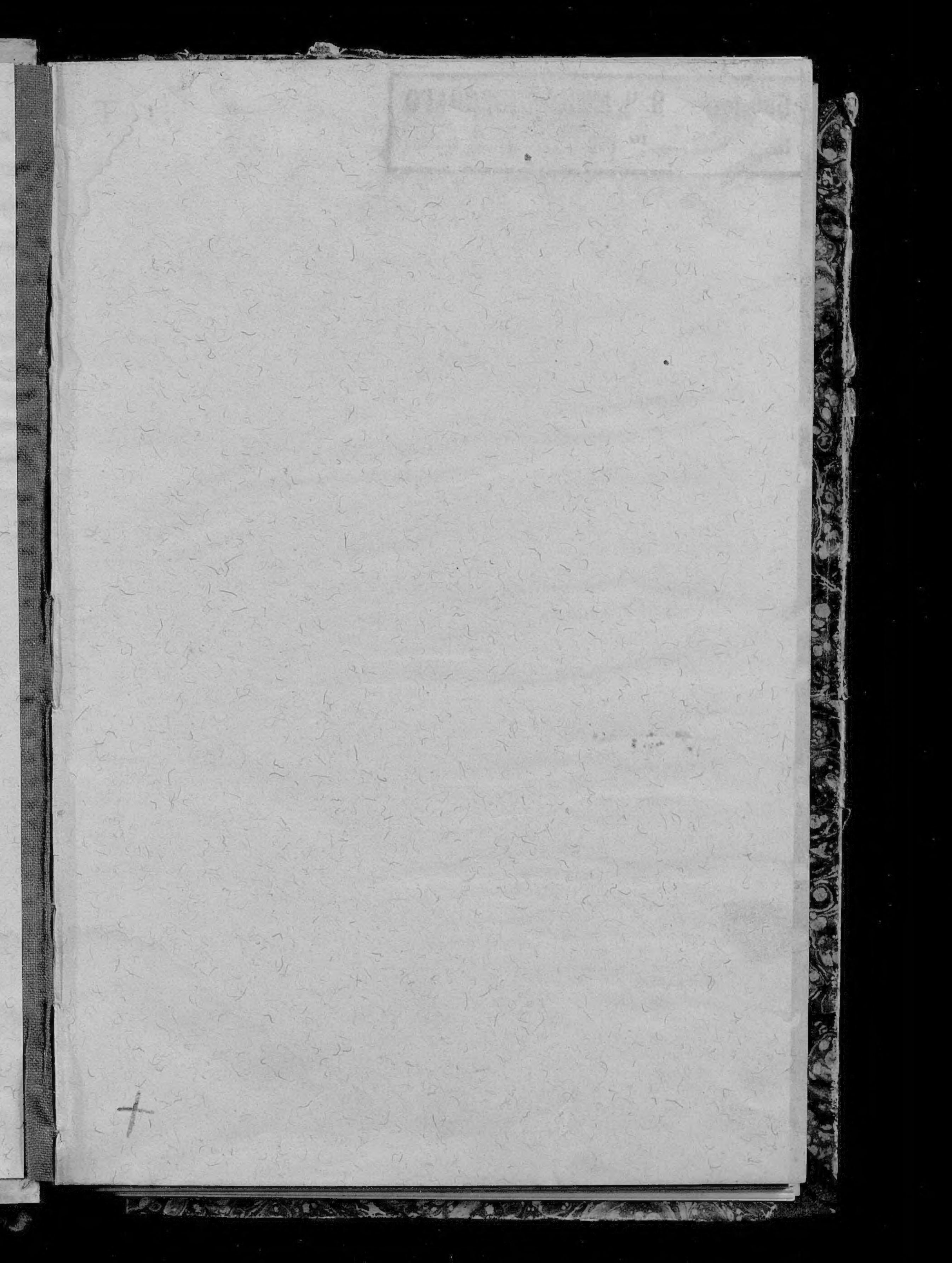
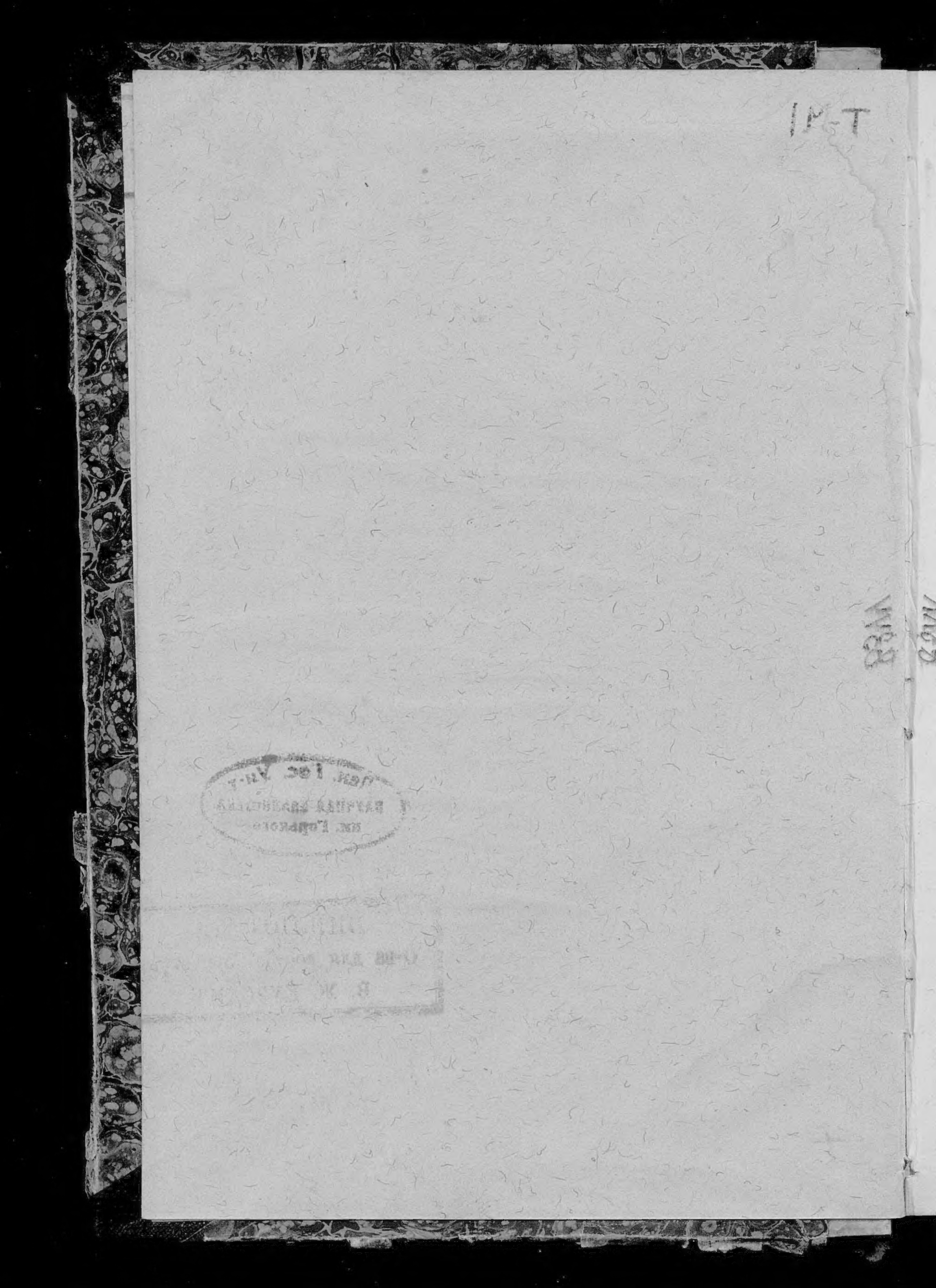


T-41

+





А. Г. Тимофеевъ.

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРІИ КРАСНОРѢЧІЯ.

(Демосфенъ.—Цицеронъ.—Средніе вѣка и эпоха до XVII стол. — Краснорѣчіе во Франціи въ XVII и XVIII вѣк.).



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книжный Магазинъ А. Ф. Цинзерлинга
бывшій Мелье и К°.
20. Невскій просп. 20.
1898.



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 декабря 1898 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящей работѣ въ общихъ чертахъ излагается исторія краснорѣчія (главнымъ образомъ, судебнаго) въ древнемъ мірѣ и въ послѣдующія эпохи до конца XVIII стол. Въ очеркахъ, касающихся среднихъ вѣковъ, XVII и XVIII стол., я ограничился почти исключительно исторіей французскаго краснорѣчія, такъ какъ Франція въ этомъ отношеніи даетъ наиболѣе богатый и интересный матеріалъ. Съ конца XVIII стол. уже начинается современное краснорѣчіе, очерки котораго въ Англіи, Германіи и Франціи будутъ издаваться отдѣльными книгами. Отдѣльную же книгу я предполагаю посвятить очеркамъ русскаго судебнаго краснорѣчія.

А. Тимофеевъ.

Демосфенъ.

I.

Исторія краснорѣчія во многихъ отношеніяхъ представляетъ для нашего времени значительный интересъ. Съ чисто технической точки зрѣнія она даетъ изучающему ораторское искусство понятіе о стилѣ и содержаніи рѣчей въ различныя эпохи, выясняетъ ихъ особенности, указываетъ ихъ хорошія и дурныя стороны, объясняетъ измѣненія, происходящія въ ихъ формѣ и содержаніи и, такимъ образомъ, доставляетъ возможность, сравнивая прошлое съ существующимъ, сознательно отнестись къ достоинствамъ и недостаткамъ ораторскихъ пріемовъ, употребляемыхъ въ настоящее время. Исторія краснорѣчія необходима и для пониманія современнаго стиля рѣчей, выработаннаго долгимъ историческимъ процессомъ постепеннаго и послѣдовательнаго развитія ораторскаго искусства. Если бы, напр., обратиться къ изученію краснорѣчія въ XVII и XVIII вѣкахъ безъ предварительнаго знакомства не только съ краснорѣчіемъ эпохи среднихъ вѣковъ или возрожденія, но и съ краснорѣчіемъ древняго міра, многое въ рѣчахъ разсматриваемаго періода неизбѣжно показалось бы необъяснимымъ и повело бы къ совершенно ложнымъ заключеніямъ и выводамъ. Такая же связь существуетъ и между краснорѣчіемъ не только отдѣльныхъ историческихъ эпохъ, но и краснорѣчіемъ у различныхъ народовъ.

Но цѣнность исторіи краснорѣчія обусловливается не одними разсмотрѣнными спеціальными соображеніями, она является частью общей исторіи культуры человѣчества, такъ какъ развитіе ораторскаго искусства зависитъ отъ государственнаго и общественнаго строя и нравственныхъ и умственныхъ силъ каждой эпохи: въ немъ до извѣстной степени отражается состояніе общества. Ораторская рѣчь выражаетъ существующія

въ данное время научныя, политическія и правовыя воззрѣнія. Ея главная задача—дать въ словѣ достойное выраженіе мыслямъ и убѣжденіямъ. Основное правило ораторскаго искусства требуетъ свободнаго проявленія взглядовъ оратора, искренности и вѣры въ правдивость его словъ, потому и процвѣтаніе ораторскаго искусства возможно только въ обществѣ, признающимъ основнымъ стимуломъ человѣческой дѣятельности не силу или слѣпое подчиненіе, но убѣжденіе. Если въ восточныхъ странахъ и государствахъ и являлись великіе ораторы, они были почти исключительно проповѣдниками какого либо религіознаго ученія — единственной области, въ которой могло проявиться свободное, искреннее убѣжденіе. Другія рѣчи восточныхъ ораторовъ отличаются необычайной цвѣтистостью слога, пышными преувеличеніями, но лишены главнаго, что создаетъ ораторское искусство—искренности и силы. Иное мы видимъ въ древнихъ греческихъ государствахъ и въ Римѣ. Въ Афинахъ, въ которыхъ народъ принималъ непосредственное участіе въ рѣшеніи государственныхъ и судебныхъ дѣлъ, немыслимо было, не владѣя словомъ, добиться успѣха, поддержать какіе либо государственные планы или отстоять чьи либо интересы въ судѣ.

Въ блестящій періодъ афинской исторіи Периклъ руководитъ государствомъ силою своего слова, глубокимъ нравственнымъ воздѣйствіемъ на массу. За Перикломъ идетъ цѣлый рядъ выдающихся ораторовъ; изученіе краснорѣчія постепенно становится важнымъ дѣломъ для каждаго афинскаго гражданина. Развитіе технической подготовки приводитъ къ появленію особой науки—реторики, цѣль которой научить хорошо говорить. Теорія ораторскаго искусства, преподаваемая такими замѣчательными учителями какъ Исократъ, была тѣсно соединена съ практикой; формы рѣчи постоянно мѣнялись сообразно съ требованіями жизни. Знаменитые ораторы, богато одаренные природой, прилагали всѣ усилія, чтобы развить свои способности и достигнуть такимъ образомъ возможнаго совершенства. Благодаря соединенію тщательной подготовки съ талантомъ и выработался такой ораторъ, какъ Демосфенъ, рѣчи котораго до сихъ поръ остаются высокимъ образцомъ искус-

ства. Аналогично развитіе ораторскаго искусства происходило и въ Римѣ; величайшій римскій ораторъ Цицеронъ окончилъ свою дѣятельность и жизнь въ эпоху паденія республиканскихъ учрежденій.

Когда прекратилась самостоятельная политическая жизнь народа въ Греціи и Римѣ, исчезла возможность и надобность отстаивать что либо силою слова, и были введены иные порядки, не дающіе мѣста для проявленія взглядовъ и мысли оратора,—отъ краснорѣчія осталась одна лишь форма, мертвыя правила, лишенныя одухотворявшей ихъ нѣкогда жизни. Ораторское искусство изъ предмета первой необходимости стало предметомъ роскоши, украшеніемъ досуга знатоковъ и цѣнителей, прежнія рѣчи замѣнились изысканной и изящной болтовней о чемъ угодно. Въ наше время, при измѣнившихся условіяхъ общественной и государственной жизни, обезпечивающей личности возможность высказывать свои убѣжденія и мысли, въ правовомъ государствѣ, ораторское искусство снова пріобрѣло высокое значеніе, стало необходимымъ для всякаго общественнаго дѣятеля, и теперь повсемѣстно замѣчается стремленіе къ подготовкѣ въ этомъ смыслѣ. Не говоря уже о томъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи произносить рѣчи учатся со школьной скамьи, и на континентѣ, гдѣ изученію ораторскаго искусства мѣшали исторически сложившіяся условія, оно привлекаетъ все больше и больше общественное вниманіе. Ораторское искусство, главнымъ образомъ, его исторія, начинаетъ составлять предметъ университетскаго преподаванія и имѣетъ свою богатую литературу. Это возрожденіе ясно указываетъ на вѣрность вышесказанной основной мысли о тѣсной связи ораторскаго искусства съ общественнымъ и государственнымъ строемъ.

II.

IV вѣкъ до Р. Х. былъ наиболѣе блестящимъ періодомъ краснорѣчія въ Аѳинахъ; въ теченіе этого столѣтія жило нѣсколько ораторовъ, имѣющихъ большое значеніе въ исторіи ораторскаго искусства,—предшественниковъ или современни-

ковъ Демосфена; краткій обзоръ ихъ рѣчей всего лучше можетъ выяснить особенности краснорѣчія въ эпоху, въ которую пришлось жить и дѣйствовать этому оратору.

Какъ извѣстно, по законамъ Солона, каждый аѳинянъ долженъ былъ лично охранять свои интересы на судѣ, участіе представителей дозволялось въ особыхъ исключительныхъ случаяхъ (напр. въ дѣлахъ малолѣтнихъ, женщинъ, и т. п.). Но такъ какъ большинство гражданъ не получало ораторской подготовки и не могло излагать передъ судомъ, довольно требовательнымъ въ этомъ отношеніи, свои дѣла такъ, чтобы судьи легко оріентировались въ доказательствахъ, то все-таки участіе свѣдущихъ и опытныхъ ораторовъ, обвинителей или защитниковъ, было необходимымъ, что и обусловливало существованіе логографовъ, т. е. лицъ, составлявшихъ рѣчи по дѣлу и передававшихъ ихъ заинтересованному лицу; послѣднее выучивало рѣчь наизусть и затѣмъ повторяло ее на судѣ. Такъ какъ и эта поправка не всегда оказывалась спасительной, потому что для многихъ и повтореніе рѣчи представляло большія затрудненія, то съ теченіемъ времени было допущено и прямое участіе представителей, являвшихся въ качествѣ друзей тяжущихся и по ихъ приглашенію, съ разрѣшенія суда, излагавшихъ обстоятельства дѣла. Лучшимъ изъ логографовъ слѣдуетъ признать Лизія, рѣчи котораго отличаются краткостью, ясностью, простотой, изяществомъ стиля, строгимъ соотвѣтствіемъ содержанія и построенія рѣчи съ обстоятельствами дѣла и характеромъ того лица, которое должно было произнести эту рѣчь. Нужно замѣтить, что краткость и ясность изложенія были необходимы для судебнаго оратора въ Афинахъ, такъ какъ время для произнесенія рѣчи опредѣлялось по часамъ и, слѣдовательно, ораторъ долженъ былъ пользоваться имъ съ большою осмотрительностью. Въ этомъ отношеніи рѣчи аѳинскихъ адвокатовъ иногда выгодно отличаются какъ отъ римскихъ, такъ и отъ современныхъ, въ которыхъ ораторъ, не связанный временемъ, не всегда строго обдумываетъ важность и систему излагаемыхъ фактовъ, не заботится о томъ, чтобы не говорить лишняго и не утомлять безцѣльно вниманія слушателей. Рѣчи Лизія по самымъ сложнымъ дѣламъ не заняли

бы болѣе 1—1½ часа, не считая, конечно, времени, уходящаго на представленіе доказательствъ. Простота стиля была нужна, потому что часто рѣчь приходилось заучивать и произносить малообразованнымъ, непривычнымъ къ говоренью тяжущимся, а изящество изложенія требовалось для удовлетворенія эстетическаго вкуса судей.

Центръ тяжести рѣчей Лизія лежитъ въ изложеніи дѣла и въ выясненіи его значенія не для однихъ тяжущихся, но и для всѣхъ гражданъ; общихъ фразъ во вступленіяхъ Лизія почти нѣтъ: «Должно, судьи, говоритъ онъ, начиная рѣчь противъ Агората, вамъ всѣмъ мстить за умершихъ друзей народа, мнѣ же въ данномъ случаѣ особенно, потому что Діонисидоръ былъ моимъ шуриномъ».

Далѣе слѣдуетъ изложеніе обстоятельствъ, при которыхъ произошла смерть Діонисидора. Такимъ образомъ въ началѣ рѣчи уже сразу указывается главный пунктъ судебнаго спора. Передача обстоятельствъ дѣла отличается большимъ искусствомъ, разсчитана на то, чтобы поддержать интересъ судей и въ то же время дать имъ вполнѣ опредѣленное представленіе о совершившемся, при этомъ не видно никакого усилія оратора, что либо скрыть или замаскировать; разсказъ кажется совершенно естественнымъ, — получается оптическій обманъ: подготовленная рѣчь кажется импровизаціей. Какъ на примѣръ можно указать на изложеніе въ рѣчи, написанной въ пользу Евфилета, убившаго въ своемъ домѣ слишкомъ галантнаго поклонника жены. Подсудимый передаетъ, какъ его навела на подозрѣнія одна старуха, близко знакомая съ его домашними обстоятельствами; затѣмъ въ нѣсколькихъ словахъ излагается внутренній процессъ, благодаря которому подозрѣнія усилились: «Сказавъ это, судьи, она (старуха) удалилась; я пришелъ въ сильное смущеніе; теперь все воскресло въ моемъ умѣ, и я сталъ сильно подозрѣвать, когда припомнилъ, какъ былъ запертъ въ ту ночь въ моей комнатѣ... какъ хлопнула сначала внѣшняя, потомъ внутренняя дверь... какъ мнѣ показалось, что моя жена нарумянена. Все это пришло мнѣ на умъ... Послѣ моего возвращенія домой, я приказалъ служанкѣ идти за мной на рынокъ, но привелъ ее къ знакомому и ска-

залъ ей, что мнѣ извѣстно все происходящее въ домѣ». Въ такомъ же тонѣ, чуждомъ всякой аффектаціи, безъ отступленій, продолжается пересказъ дальнѣйшихъ событій. Нигдѣ ораторъ не описываетъ возмущающихъ его чувствъ, но тѣмъ не менѣе эти чувства и обстановка событія возстаютъ передъ глазами слушателей и производятъ нужное для оратора впечатлѣніе, возбуждаютъ симпатію къ человѣку, отстаивающему свой домашній очагъ отъ противозаконныхъ покушеній. Яркимъ примѣромъ сдержанности Лизія можетъ служить мѣсто изъ рѣчи противъ Агората, въ которомъ описываются послѣднія минуты лицъ, приговоренныхъ къ смерти, благодаря доносу обвиняемаго, служившаго ненавистнымъ 30 тиранамъ: «Когда былъ произнесенъ надъ ними смертный приговоръ, и ихъ судьба рѣшилась, судьи, они позвали въ тюрьму проститься близкихъ къ нимъ женщинъ, кто сестру, кто мать, кто жену. Пригласилъ также придти въ темницу и Діонисидоръ мою сестру, свою жену; и по его приказанію она пришла въ траурномъ платьѣ съ распущенными волосами, какъ приличествуетъ той, чей супругъ находится въ столь печальномъ положеніи. Въ присутствіи моей сестры Діонисидоръ сдѣлалъ свои послѣднія распоряженія объ имуществѣ и объявилъ, что умираетъ по винѣ Агората, которому просилъ отомстить за него своего брата, меня и всѣхъ друзей». Моментъ, дающій богатый матеріалъ для самаго патетическаго описанія, передается здѣсь въ томъ же тонѣ, въ какомъ написана и вся рѣчь, но благодаря искусству оратора нѣсколько мелкихъ, мало замѣтныхъ на первый взглядъ штриховъ (приглашеніе проститься, траурное платье жены, порученіе отомстить) даютъ надлежащій колоритъ картинѣ и безъ всякаго сгущенія красокъ. Каждое обстоятельство, упоминаемое въ этомъ мѣстѣ, говоритъ судьямъ само за себя не менѣе убѣдительно, чѣмъ патетическое обращеніе къ ихъ чувствамъ. Ригоризмъ въ изложеніи несомнѣнно объясняется у Лизія стремленіемъ избѣгнуть упрека въ желаніи воздѣйствовать на страсти судей, что не одобрялось закономъ и могло дать матеріалъ для возраженій противнику.

Вопреки обычному пріему ораторовъ, прибѣгающихъ къ паѳосу въ заключеніяхъ, Лизій и здѣсь въ послѣднихъ словахъ,

долженствующихъ закрѣпить сказанное имъ въ памяти судей, не выходитъ изъ рамокъ сдержанности. Но хотя заключенiе и состоитъ, по большей части, въ краткомъ перечисленiи главныхъ пунктовъ дѣла и выводовъ, все же въ немъ проскальзываетъ настроенiе оратора, желанiе и надежда услышать справедливый приговоръ: «Я не оставилъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ Лизiй, кончая рѣчь противъ убiйцъ своего брата Палемарка (дѣло, въ которомъ ораторъ былъ глубоко затронутъ лично), безъ перечисленiя оскверненныхъ или проданныхъ ими святынь, ни города (Афины), значенiе котораго они уничтожили, ни разрушенiя ими верфей, ни убитыхъ ими, за которыхъ вы должны отомстить, хотя послѣ смерти, если не могли защитить ихъ при жизни. Я знаю, что они слышатъ насъ и узнаютъ нашъ приговоръ: кто изъ васъ оправдаетъ подсудимыхъ, какъ бы подтвердитъ тѣмъ смертный приговоръ... кто присудитъ ихъ къ наказанiю—отомститъ за умершихъ. Я кончаю обвиненiе. Вы слышали, видѣли, вы сами пострадали отъ нихъ. Они въ вашихъ рукахъ. Судите». Послѣдняя часть приведеннаго заключенiя доказываетъ, что Лизiй умѣлъ влiять на чувства судей, что объективный тонъ его рѣчей объясняется не отсутствiемъ умѣнья прибѣгать къ паѳосу, но обдуманнымъ разсчетомъ, подчиненiемъ требованiямъ времени и традицiямъ, сложившимся въ судебной практикѣ.

Въ противоположность ораторамъ нашего времени, Лизiй удѣлялъ нѣсколько меньше вниманiя доказательствамъ и не всегда входилъ въ ихъ подробную оцѣнку. Приводя доказательства, онъ старается ни на минуту не ослабить интереса изложенiя и въ то же время предупредить доводы и возраженiя противника, показать невѣроятность его оправданiй; онъ не упускаетъ изъ виду психологической стороны дѣла и старается убѣдить судей въ правотѣ своего клiента не только фактическими данными, но и указанiемъ на его характеръ и привычный способъ дѣйствiя, на отсутствiе мотива: «Люди называютъ меня, замѣчаетъ Лизiй устами обвиняемаго въ уничтоженiи священной маслины, плутомъ и хитрецомъ, такъ какъ я ничего не дѣлаю безъ основанiя и не продуманно... теперь я желалъ бы, чтобы всѣ были обо мнѣ такого мнѣнiя; тогда

вы были бы убѣждены, что я взвѣсилъ бы при подобномъ дѣйствіи, какую выгоду я получу отъ уничтоженія священной маслины и какой вредъ...»

Такими же качествами, какъ рѣчи Лизія, отличались и рѣчи другаго извѣстнаго логографа Исея, который обязанъ своею извѣстностью главнымъ образомъ тому, что онъ былъ учителемъ Демосфена. Стиль Исея отличается отъ стиля Лизія большей оживленностью изложенія, особенно благодаря частымъ обращеніямъ и вопросамъ, употребленію правовыхъ формулъ и законовъ. Послѣднее зависитъ отъ того, что Исей былъ не только ораторомъ, но и юристомъ-практикомъ, хорошо изучившимъ афинскіе законы. Практичность и дѣловитость составляли отличительные признаки его рѣчей. Исей четыре года (обычный срокъ обученія краснорѣчію въ то время) жилъ въ домѣ Демосфена, и вліяніе его пріемовъ сказывается особенно на первыхъ судебныхъ рѣчахъ его ученика. Въ рѣчахъ по дѣлу о взысканіи съ опекуновъ растраченнаго ими наслѣдства Демосфенъ, дебютировавшій этимъ, близко касавшимся его, процессомъ, воспользовался цѣлыми мѣстами изъ рѣчей Исея, что произошло, вѣроятно, въ силу того, что они были заучены Демосфеномъ по обычаю его времени наизусть. Вліяніемъ Исея объясняется и основательное знаніе Демосфеномъ афинскихъ законовъ, которое видно какъ въ его судебныхъ, такъ и политическихъ рѣчахъ.

Лизій и Исей ограничивались исключительно адвокатской практикой, другіе ораторы дѣйствовали и на судѣ и на трибунѣ; въ числѣ ихъ среди достойныхъ вниманія современниковъ Демосфена необходимо упомянуть о Ликургѣ, Гиперидѣ и Эсхинѣ. Первые два принадлежали къ одной партіи съ Демосфеномъ, послѣдній былъ его главнымъ противникомъ.

Ликургъ, происходившій изъ знатной и богатой афинской фамиліи, въ продолженіе долгой общественной и государственной дѣятельности образцово и безкорыстно выполнялъ свой гражданскій долгъ. Его высокія нравственныя качества доставляли ему такое вліяніе, какого врядъ ли бы онъ достигнулъ при другихъ условіяхъ, такъ какъ онъ не отличался блестящими талантами, которые могли бы выдѣлить его изъ толпы

многочисленныхъ политикановъ, боровшихся за власть и вліяніе. Благодаря неустанному труду, Ликургъ добился, однако, весьма значительныхъ успѣховъ и на ораторскомъ поприщѣ, хотя его рѣчи много уступаютъ рѣчамъ Лизія и другихъ выдающихся ораторовъ. Типичнымъ примѣромъ краснорѣчія Ликурга можетъ служить рѣчь, написанная имъ противъ Леократа, смертной казни котораго Ликургъ требовалъ за оставленіе имъ отечества послѣ Херонейской битвы, когда все населеніе Афинъ было призвано къ оружію. Хотя это обвиненіе было предъявлено черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ событія и самое преступленіе Леократа не могло нанести никакого ущерба Афинамъ, голоса судей при постановленіи приговора раздѣлились поровну между обвиненіемъ и оправданіемъ,—это обстоятельство въ достаточной мѣрѣ выясняетъ, какое сильное впечатлѣніе на судей произвело обвиненіе Ликурга. Рѣчь противъ Леократа уступаетъ рѣчамъ Лизія по отсутствію сжатаго, строго соотвѣтствующаго дѣлу изложенія. Ораторъ, какъ бы не довѣряя своимъ силамъ, старается расположить къ себѣ судей украшеніями рѣчи, вставляетъ въ нее массу цитатъ изъ поэтовъ о значеніи любви къ отечеству: приводитъ длинный монологъ изъ трагедіи Эврипида, нѣсколько отрывковъ изъ Гомера, цѣлую элегію Тиртея. Въ подкрѣпленіе своихъ словъ обвинитель обращается въ самыхъ пышныхъ формахъ къ божествамъ и героямъ, прибѣгаетъ къ постояннымъ повтореніямъ одной и той же мысли, стараясь сдѣлать ее такимъ способомъ понятной для слушателей, но въ сущности ослабляя ихъ вниманіе и заслоняя, не относящимися къ дѣлу орнаментами, важнѣйшіе доводы.

Въ рѣчи употребляются всѣ реторическія уловки, вопросы, сопоставленія; стремленіе предупредить заранѣе всевозможныя возраженія противника также нерѣдко отвлекаетъ оратора отъ прямаго пути. Но при указанныхъ недостаткахъ, объясняемыхъ особенностями дарованія и подготовки Ликурга, рѣчь его проникнута отъ начала до конца чувствомъ горячаго патріотизма, пышныя фразы и повторенія не препятствуютъ проявленію искренняго убѣжденія оратора въ правотѣ своего дѣла; нѣкоторыя мѣста дышатъ неподдѣльнымъ паѳосомъ: «Онъ (Леократъ) будетъ просить васъ, говоритъ обвинитель, выслушать его защиту

по законамъ, но спросите его: по какимъ? По тѣмъ ли, которымъ онъ измѣнилъ? Вы должны оставить его въ стѣнахъ города,—въ тѣхъ стѣнахъ, которыя онъ отказался охранять, одинъ изъ всѣхъ гражданъ? Онъ будетъ призывать боговъ, чтобы они спасли его отъ опасности, но какихъ боговъ? Не тѣхъ ли, храмы, святилища и изображенія которыхъ были имъ преданы?» Рѣчь заканчивается громкимъ призывомъ къ отмщенію за измѣну, чтобы дать спасительный урокъ на будущее время. Такимъ образомъ Ликургъ, по его пріемамъ, можетъ быть названъ риторомъ, въ его рѣчахъ отражаются признаки приближающейся эпохи упадка; но, какъ сказано выше, Ликургъ съ избыткомъ искупалъ темныя стороны своихъ рѣчей высокимъ нравственнымъ авторитетомъ и преданнымъ служеніемъ интересамъ отечества.

Другой выдающійся ораторъ національной партіи, Гиперидъ, былъ во всѣхъ отношеніяхъ противоположностью Ликурга. Дитя своего времени, преданный чувственнымъ удовольствіямъ, Гиперидъ, легкомысленный, изящный, вращавшійся въ обществѣ блестящихъ гетеръ, особенно извѣстенъ, какъ защитникъ Фрины, обвиненной въ безбожіи отвергнутымъ поклонникомъ. Его образъ жизни лишалъ его возможности вліять своей личностью, ставилъ его иногда въ затруднительное положеніе, но во всякомъ случаѣ Гиперидъ не жертвовалъ для удовлетворенія своихъ страстей и желаній политическими убѣжденіями и можетъ быть поставленъ на ряду съ Ликургомъ и Демосфеномъ. Характеръ Гиперида отразился и на его рѣчахъ. Его стиль многое заимствовалъ изъ комедій; онъ всегда остроуменъ, находчивъ, умѣетъ интересно изложить дѣло, блеснуть юморомъ, но въ то же время не въ состояніи подняться до истиннаго паѳоса, овладѣть чувствами и мыслями слушателей. Высшее въ ораторскомъ искусствѣ, какъ вѣрно замѣчаетъ Шеферъ, оставалось ему недоступнымъ. Изъ дошедшихъ до насъ рѣчей Гиперида полнѣе другихъ сохранилась рѣчь за Евксениппа, обвиненнаго въ государственной измѣнѣ. Гиперидъ защищаетъ своего кліента, не отвергая бездоказательнаго обвиненія, а выдвигая на первый планъ недобросовѣстную тактику доносчика. Указывая на развивающуюся страсть къ доносамъ, Гиперидъ

говоритъ, что прежде доносили о важныхъ и явныхъ преступленіяхъ «теперь на Діогнида и Антидора... доносятъ, будто бы они платятъ флейтщицамъ больше положеннаго закономъ... на Евксениппа сдѣланъ доносъ за сонъ, который по его словамъ онъ видѣлъ». Обвинитель собираетъ клеветы и сплетни, говоря, что «Евксениппъ выдалъ дочь за Филоклея, жилъ на счетъ Демотіона... это дѣлается для того, что если обвиненные... будутъ оправдываться отъ обвиненій, не относящихся къ дѣлу, судьи возразятъ имъ: «зачѣмъ вы намъ это говорите?....» если не скажутъ объ этомъ ни слова... то не опровергнутое обвиненіе всегда вызоветъ сомнѣніе судей». Такимъ способомъ Гиперидъ въ легкой и остроумной формѣ ведетъ всю аргументацію по этому дѣлу, ни разу не теряя твердой почвы и избѣгая всего, что могло бы произвести неблагопріятное впечатлѣніе на судей—геліастовъ.

Эсхинъ, не разъ сталкивавшійся съ Демосфеномъ и уничтожавшій старанія и планы своего великаго противника, былъ недюжиннымъ человѣкомъ, проложившимъ себѣ дорогу собственнымъ трудомъ и способностями. Постепенно изъ бѣднаго и незамѣтнаго гражданина онъ возвысился до вліятельнаго вождя партіи, услуги котораго если не высоко, то дорого цѣнились македонскимъ царемъ. Въ молодости Эсхинъ не получилъ систематической ораторской подготовки, не былъ ни въ какой школѣ, очевидно, по недостатку средствъ, а не желанія. Это обстоятельство и давало ему возможность впослѣдствіи отличать себя отъ профессіональныхъ ораторовъ, ссылаться въ свою пользу на неподготовленность въ этомъ смыслѣ; чего, однако, нельзя допустить безусловно: несомнѣнно, что впослѣдствіи, какъ и всѣ въ его время, Эсхинъ познакомился съ реторическими сочиненіями, тщательно обработывалъ и обдумывалъ свои рѣчи. Шеферъ (Schaefer, A. Demosthenes und seine Zeit, 2-te Ausgabe, 1885, I. T., стр. 257 и слѣд.) чрезвычайно подробно изучившій эпоху Демосфена, отмѣчаетъ весьма крупное дарованіе Эсхина и вѣрно указываетъ главное достоинство его рѣчей въ искусномъ изложеніи обстоятельствъ дѣла, въ горячности, въ увлеченіи оратора, рѣчь котораго въ патетическихъ мѣстахъ нерѣдко достигаетъ большого блеска и красоты. Основной его недоста-

токъ — это отсутствіе въ рѣчи внутренней, жизненной силы, даваемой лишь вѣрой оратора въ собственныя слова, почему и рѣчи Эсхина, блестящія по внѣшности, не захватываютъ слушателя, оставляютъ его холоднымъ и спокойнымъ, вызывая лишь временами удивленіе передъ хорошо построенной фразой или удачно выраженной мыслью. Въ этомъ отношеніи между Демосфеномъ и Эсхиномъ непроходимая пропасть. Лучшею рѣчью Эсхина считается, написанная имъ противъ Демосфена по поводу присужденія послѣднему золотого вѣнка,— къ этому дѣлу я еще вернусь впослѣдствіи.

Говоря объ ораторахъ, жившихъ въ эпоху Демосфена, нельзя обойти молчаніемъ Исократа, бывшаго также врагомъ Демосфена. но въ отличіе отъ другихъ сторонниковъ Филиппа не изъ личныхъ разсчетовъ, а по убѣжденію. Расположеніе Исократа стоило царю только нѣсколькихъ любезныхъ писемъ въ отвѣтъ на присылаемыя ему рѣчи. Исократъ былъ человѣкомъ съ крайне ограниченнымъ идейнымъ горизонтомъ, онъ служилъ одной мысли — спасти и объединить Грецію путемъ войны съ Персіей; эту мысль онъ предполагалъ сначала осуществить подъ гегемоніей Афинъ и Спарты, затѣмъ Филиппа, въ которомъ онъ упорно видѣлъ безкорыстнаго вождя эллиновъ въ великомъ общемъ дѣлѣ борьбы съ варварами. Когда послѣ Херонейской битвы стало немыслимо обольщеніе на счетъ истинныхъ намѣреній Филиппа, разочаровавшійся въ дѣлѣ всей своей жизни, Исократъ, тогда уже 98-лѣтній старецъ, уморилъ себя голодомъ, чтобы не пережить крушенія своихъ надеждъ и мечтаній. Исократъ представлялъ изъ себя едва ли не единственный въ древности примѣръ человѣка не только изучавшаго ораторское искусство, но и считавшагося знаменитымъ учителемъ краснорѣчія, изъ школы котораго вышло не мало извѣстныхъ дѣятелей, и въ то же время не бывшаго въ состояніи говорить публично: робость и отсутствіе достаточно сильнаго голоса дѣлали для Исократа недоступной ораторскую трибуну. Ему оставалось составленіе рѣчей дома, въ качествѣ литературныхъ произведеній, въ которыхъ онъ отстаивалъ свои завѣтныя мысли объ объединеніи Греціи и борьбѣ съ варварами. Прекрасный стилистъ, доводящій, благодаря тщательной

кабинетной работѣ, отдѣлку слога до совершенства, Исократъ имѣетъ значеніе въ исторіи греческаго краснорѣчія по внѣшней формѣ рѣчей, составляемыхъ имъ въ безукоризненныхъ періодахъ; содержаніе ихъ однообразно и не выходитъ за уровень того, что встрѣчается вообще въ рѣчахъ риторовъ и софистовъ.

Чтобы дать понятіе о характерѣ рѣчей Исократа, я остановлюсь на панегерикѣ (похвальное слово), написанномъ въ 380 г. до Р. Х. и на рѣчи въ честь празднованія Панафиней (въ 340 и 339 г. до Р. Х.), которыя, не смотря на раздѣляющія ихъ срокъ лѣтъ, немногимъ разнятся другъ отъ друга. Отличительныя особенности названныхъ рѣчей—обиліе общихъ мѣстъ, разсужденій, отступленій и отсутствіе увлеченія, быстраго хода и развитія аргументаціи, что объясняется какъ тѣмъ, что рѣчи не предназначались для произнесенія, такъ и спокойнымъ характеромъ Исократа, не дѣятеля, а сторонняго наблюдателя совершающихся событій. Ему не нужно было беречь времени или бояться нетерпѣнія слушателей.

Во вступленіи къ первой рѣчи находится длинное разсужденіе о задачахъ ораторскаго искусства, о томъ, насколько законна обработка ранѣе уже затронутыхъ другими темъ, затѣмъ начинается изслѣдованіе гегемоніи Афинъ и Спарты, причемъ авторъ удаляется въ миѳическія эпохи, говоритъ о посѣщеніи Аттики Деметрою, объ обращеніи къ Афинамъ Ѳиванскихъ героевъ, сыновей Геркулеса и т. д. Въ общихъ мѣстахъ говорится о самыхъ различныхъ предметахъ, напр., о развитіи наукъ и искусствъ въ Афинахъ, о преимуществахъ краснорѣчія передъ другими искусствами. Оживляется изложеніе лишь въ мѣстахъ, затрогивающихъ чувствительную струну оратора; описаніе положенія Персидской монархіи выходитъ жизненнымъ и интереснымъ. Мастерски изобразивъ разложеніе Персіи, Исократъ заканчиваетъ его слѣдующими вѣрными замѣчаніями: «результатъ всего сказаннаго такой: кто шелъ въ Персію не только на грабежъ.... но даже войной противъ царя, тотъ возвращался съ большею безопасностью, чѣмъ посольства, отправляемыя съ мирными предложеніями», и далѣе объясняетъ нравственную основу паденія великой азіатской державы: «Не-



возможно, чтобы люди, такимъ образомъ воспитанные и управляемые (какъ Персы), обладали какой-нибудь добродѣтелью.... большая часть ихъ представляетъ безпорядочную толпу.... лучше выдрессированную для рабства, чѣмъ наша (греческая) прислуга.... знатнѣйшіе никогда не учились справедливости, заботѣ объ общественномъ благѣ и любви къ отечеству, но все время занимаются тѣмъ, что обходятся надменно съ низшими и рабски служатъ высшимъ.... утопаютъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ». Приведенное мѣсто даетъ вѣрное представленіе о слогѣ Исократа всегда ровномъ, тщательно отдѣланномъ, иногда не лишенномъ легкаго юмора, который, впрочемъ, занимаетъ очень незначительное мѣсто. Во второй рѣчи (въ честь Панафиней), написанной Исократомъ въ глубокой старости, недостатки его манеры сказываются сильнѣе; и прежде многорѣчивый ораторъ становится прямо уже болтливымъ старикомъ, не могущимъ справиться съ отвлеченіями въ сторону, при чемъ самъ сознаетъ, что поступаетъ противъ правилъ преподаваемаго имъ искусства: «Разумный человѣкъ, замѣчаетъ онъ, извиняясь въ напрасныхъ отступленіяхъ, не долженъ увлекаться обиліемъ трактуемаго имъ предмета потому лишь, что сумѣетъ сказать о немъ больше другихъ, но долженъ сообразоваться съ временемъ» и дальше ссылается на старческую болтливость. Въ рѣчи вообще пространно восхваляются добродѣтели древнихъ мужей съ Агамемнона и не малая часть ея посвящена собственной особѣ Исократа, объясняетъ читателямъ его достоинства и положеніе, въ которомъ онъ находится, выгодно отличающее его отъ другихъ ораторовъ; въ этой рѣчи дѣлается и характерное замѣчаніе о томъ, что Исократъ, не заботясь о вкусахъ толпы и своихъ выгодахъ, не составляетъ рѣчей со сказочнымъ или выдуманнымъ разнообразнымъ содержаніемъ, но служитъ своими рѣчами лишь общему благу. Это замѣчаніе указываетъ на то, что стиль рѣчей Ликурга съ его напыщенностью и стремленіемъ заинтересовать слушателей былъ моднымъ и распространеннымъ въ то время. Затѣмъ въ рѣчи снова перебираются различныя стороны гегемоніи Спарты и Афинъ, и приводится цѣлый большой діалогъ приверженца Спарты съ Исократомъ. Если при-

нять во вниманіе, сказанное о рѣчахъ Исократа, ихъ формѣ и содержаніи, то можно съ большой вѣроятностью сдѣлать выводъ о положеніи греческаго краснорѣчія, современнаго Демосфену, какъ клонящагося къ вырожденію въ реторику, утрачивающаго свою прежнюю силу и значеніе. Тѣмъ болѣе это положеніе вещей оттѣняетъ геній Демосфена, величайшаго и послѣдняго оратора Греціи, не соблазнившагося торной дорогой къ успѣху и популярности, прокладываемой риторами и софистами, но оставшагося вѣрнымъ лучшимъ завѣтамъ греческаго искусства.

III.

Краснорѣчіе въ Греціи и Римѣ олицетворяется въ двухъ именахъ Демосфена и Цицерона. Въ судьбѣ обоихъ есть общая черта: они жили и дѣйствовали въ эпоху, заканчивающую періодъ народоправства; свободныя учрежденія Греціи и Рима не долго пережили великихъ ораторовъ. Общее между ними также и то, что оба они пытались содѣйствовать сохраненію отживавшаго государственнаго строя и оба своей жизнью заплатили за вѣрность убѣжденіямъ и идеаламъ. Въ остальномъ между Демосфеномъ и Цицерономъ большое различіе. Демосфенъ былъ типомъ вождя, увѣреннаго въ правильности избраннаго имъ пути, фанатически служащаго своей идеѣ; онъ не зналъ колебаній и компромиссовъ, не отступалъ передъ неудачами: «Величіе его, по вѣрному замѣчанію Нибура, въ томъ, что онъ неутомимъ, его не останавливаетъ несчастіе, оскорбленіе, его не смущаетъ равнодушіе или плохое исполненіе данныхъ имъ печальныхъ совѣтовъ». Цицеронъ, напротивъ, избѣгалъ борьбы и принималъ въ ней участіе, вынужденный необходимостью, послѣ долгихъ сомнѣній. Блестящій и остроумный адвокатъ, оппортюнистъ и скептикъ, онъ слишкомъ высоко цѣнилъ мирное, спокойное пользованіе жизнью, чтобы бравировать бурями, многимъ поступался и на многое закрывалъ глаза, поэтому и имя его тускнѣетъ передъ именемъ Демосфена, вся жизнь котораго была неустаннымъ трудомъ и самоотверженнымъ служеніемъ благу и величію Греціи. Его оружіемъ было слово, его авторитетъ покоился не на громкомъ

имени, богатствѣ и престижѣ власти, но на силѣ убѣжденія, честности и разумности, даваемыхъ имъ совѣтовъ.

Среди риторовъ и софистовъ, не всегда строго проводившихъ границу между честнымъ и безчестнымъ, нравственнымъ и безнравственнымъ, Демосфенъ рѣзко выдавался въ этомъ отношеніи и не торговалъ своей совѣстью. Правда, сохранилось нѣсколько анекдотовъ, бросающихъ тѣнь на этическія правила Демосфена, самый важный изъ нихъ объ участіи его сначала въ дѣлѣ противъ богатаго банкира Апполлодора, потомъ за него, но текстъ сохранившихся по этому дѣлу рѣчей преставляется сомнительнымъ, и виновность Демосфена остается недоказанной. Равнымъ образомъ нельзя вывести неблагопріятныхъ для него заключеній изъ пріема денежныхъ суммъ отъ персидскаго царя, интересы котораго относительно Македоніи совпадали со стремленіями національной партіи въ Афинахъ, вождемъ которой является Демосфенъ. Принятыя имъ, весьма значительныя, суммы пошли, какъ онѣ и предназначались, на покупку оружія и военныхъ припасовъ для борьбы съ Македоніей; Демосфену не было надобности въ данномъ случаѣ поступаться своими убѣжденіями и взглядами. Въ дѣлѣ Гарпала (казначея Александра Македонскаго, бѣжавшаго отъ его гнѣва съ огромнымъ похищеннымъ богатствомъ—1500 талантовъ) принятіе Демосфеномъ подкупа представляется мало вѣроятнымъ; обвиненіе Демосфена судомъ ничего не доказываетъ, такъ какъ процессъ велся его ожесточенными противниками, добившимися обвинительнаго приговора на основаніи непровѣреннаго по существу постановленія ареопага. Враги Демосфена воспользовались въ этомъ случаѣ затруднительнымъ положеніемъ Афинъ, оказавшихъ покровительство Гарпалу, и достигли такимъ способомъ осужденія вождя враждебной Александру партіи. Самъ Демосфенъ смотрѣлъ на рѣшеніе суда, какъ на величайшую несправедливость. Находясь въ изгнаніи, онъ жаловался на неблагодарность отечества и говорилъ, что если бы ему предстояло выбирать между смертью и государственною дѣятельностью и онъ могъ бы предвидѣть всѣ ея дурныя стороны: заботы, ненавистъ, клевету, процессы, — онъ выбралъ бы смерть. Эти жалобы доказываюѳъ, что и

могучія силы Демосфена были, наконецъ, надломлены долгой борьбой среди постоянныхъ опасностей и безпощадныхъ нападеній на его личность, увѣнчавшихся въ концѣ концовъ успѣхомъ, что было вдвойнѣ оскорбительно для Демосфена, послѣ того какъ онъ болѣе 20 лѣтъ поработалъ на общую пользу.

Но если доказательства недобросовѣстности и продажности Демосфена заставляютъ многаго желать въ ясности и убѣдительности (особенно если припомнить громадное число его противниковъ, не стѣснявшихся никакими средствами) — то, напротивъ, доказательства его гражданской доблести и неподкупности не оставляютъ никакихъ сомнѣній. Демосфенъ всегда исполнялъ безъ уклоненій государственныя повинности по снаряженію кораблей и устройству зрѣлищъ, не стараясь уменьшить возлагаемые на него расходы; корыстолюбивыя побужденія были ему совершенно чужды, и македонскій царь не могъ подкупить его, не смотря на то, что не въ его привычкахъ было беречь золото въ подобныхъ случаяхъ. Состояніе Демосфена не увеличивалось отъ его государственной дѣятельности. Въ отношеніи къ народу Демосфенъ держался честнаго и прямаго образа дѣйствій, онъ не подчинялся желаніямъ толпы, разъ считалъ ихъ несовмѣстимыми со своими убѣжденіями. Теопомпъ передаетъ, что однажды въ народномъ собраніи Демосфенъ былъ избранъ обвинителемъ, но отказался; когда его отказъ вызвалъ шумныя, настойчивыя требованія, онъ заявилъ прямо: «Я готовъ служить вамъ, афиняне, совѣтникомъ, даже когда вы этого не желаете, но доносчикомъ я не стану даже и по вашей волѣ». Неудивительно поэтому, что къ рѣчамъ Демосфена народъ прислушивался не только со вниманіемъ, но и съ довѣріемъ, и что не смотря на неудачи, на ожесточенныя нападки враговъ, онъ до конца пользовался огромнымъ уваженіемъ и авторитетомъ.

Демосфенъ получилъ отъ природы могучій государственный умъ и исключительныя способности, но онъ никогда не достигъ бы занятаго имъ положенія, если бы расчитывалъ только на свои дарованія и не трудился надъ ихъ развитіемъ и укрѣпленіемъ. Въ Афинахъ нельзя было имѣть успѣхъ на ораторской трибунѣ только содержаніемъ рѣчей; какъ бы оно ни

было хорошо и какъ бы ни были обширны познанія и разумны совѣты оратора, — отъ него безусловно требовалась безукоризненная внѣшняя обработка рѣчи; жестикуляція и дикція нерѣдко рѣшали побѣду или пораженіе оратора. Демосфенъ не отличался въ молодости изяществомъ произношенія (онъ заикался, невѣрно произносилъ нѣкоторыя буквы), жестикуляція его была лишена пластичности и красоты, что мѣшало впечатлѣнію его первыхъ рѣчей. Сохранилась масса разсказовъ томъ, какого труда стоило Демосфену побороть эти недостатки; многое, можетъ быть, въ нихъ и преувеличено, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Демосфенъ сдѣлалъ все возможное, чтобы выработать совершенство какъ произнесенія, такъ и формы рѣчи. Благодаря такой настойчивой и постоянной работѣ, то, что раньше давалось Демосфену путемъ тяжелыхъ усилій, впослѣдствіи вошло въ привычку, стало отличительнымъ естественнымъ признакомъ его рѣчей и поддержало его славу. О трудолюбіи Демосфена единогласно говорятъ всѣ источники, оно служило предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ надъ нимъ, не остававшихся, впрочемъ, безъ мѣткаго отвѣта: Плутархъ разсказываетъ,что однажды противникъ Демосфена, не совсѣмъ свободный отъ наклонности къ тайному похищеніи чужой собственности, замѣтилъ, что всѣ его рѣчи пахнутъ лампою, Демосфенъ согласился съ этимъ, прибавивъ: «я знаю, почему тебѣ не нравится, что у меня ночью горитъ лампа.»

Демосфенъ никогда не переставалъ работать: на вершинѣ славы, безспорно первенствуя на трибунѣ, онъ избѣгалъ по примѣру другихъ ораторовъ выступать передъ народомъ съ импровизаціей, возражая на дѣлаемые ему упреки, что не можетъ рѣшиться предложить государству какой-либо совѣтъ, не обдумавъ и не обсудивъ его предварительно. По обычаю риторовъ Демосфенъ тщательно составлялъ свои рѣчи письменно; послѣ него осталось 56 не использованныхъ имъ вступленій самаго различнаго характера. Но соблюдая внѣшнія правила реторики, Демосфенъ далеко не слѣдовалъ традиціямъ той или другой школы: онъ не ограничился обученіемъ Исея (вліяніе котораго на Демосфена было указано выше), а заимствовалъ у всѣхъ учителей и направленій лучшее, что они могли дать.

«Демосфенъ, какъ говоритъ Діонисій Галикарнасскій, извѣстный греческій историкъ, овладѣлъ всѣмъ лучшимъ, что было у другихъ ораторовъ, но избѣгнулъ ихъ недостатковъ». Онъ пользовался всѣми ораторскими средствами и разнообразилъ свой стиль, смотря по обстоятельствамъ дѣла. Простое и патетическое, грустное и смѣшное одинаково удавались великому мастеру; въ этомъ отношеніи его сравнивали съ двумя великими людьми Греціи—Гомеромъ и Платономъ. Словомъ, въ Демосфенѣ соединялись вполнѣ всѣ качества оратора: и содержаніе и форма его рѣчей были одинаково безукоризненны; древніе писатели имѣли поэтому основаніе поставить его выше другихъ ораторовъ, за нимъ даже сохранилось въ древности какъ бы исключительное право на имя оратора: слово «ораторъ» безъ имени и дальнѣйшихъ опредѣленій обозначало обыкновенно Демосфена, какъ «поэтъ»—Гомера.

Перу Демосфена принадлежатъ какъ судебныя, такъ и политическія рѣчи. Первыя также отличаются большимъ искусствомъ, блещутъ удачнымъ изложеніемъ дѣла, бытовыми картинами, сравненіями, замѣчательнымъ развитіемъ доказательствъ и умѣньемъ воздѣйствовать на умъ и чувство судей. Но эти рѣчи носятъ слишкомъ специфическій характеръ, они были приспособлены къ афинскимъ судамъ, внѣ которыхъ значительно теряется ихъ интересъ. Демосфенъ, какъ логографъ отличался отъ другихъ знаменитыхъ судебныхъ ораторовъ сравнительно немногимъ. Здѣсь онъ больше всего по необходимости подчинялся существующимъ обычаямъ и порядкамъ. Другое дѣло его политическія рѣчи, главнымъ образомъ и составившія его славу. Въ нихъ онъ совершенно самостоятеленъ и своеобразенъ. Это сказывается уже въ манерѣ относиться къ своимъ противникамъ. Въ судебныхъ рѣчахъ, согласно съ духомъ времени, Демосфенъ не щадитъ личныхъ нападокъ и высмѣиваній, въ политическихъ рѣчахъ онъ мало касается личностей противниковъ, его занимаетъ сущность вопроса, на него направлено вниманіе оратора, и личное никогда не заслоняетъ общаго. Въ виду такого значенія политическихъ рѣчей Демосфена я остановлюсь только на нихъ, какъ дающихъ наиболѣе вѣрное понятіе о его краснорѣчіи.

IV.

Въ рѣчахъ Демосфена очень мало излишнихъ украшеній, свидѣтельствующихъ о богатствѣ слога оратора, но не нужныхъ для дѣла. Демосфенъ выше всего ставилъ краткость и ясность изложенія; для доказательства чего либо по его мнѣнію, не нужно длинныхъ рѣчей, если ораторъ не дѣлаетъ безполезныхъ отступленій и не повторяется. Обыкновенно уже во вступленіи сказывается строгій выдержанный характеръ рѣчи, сразу выдвигается ея главное основаніе, приковывается вниманіе слушателей; они вводятся въ предметъ обсужденія: «Убѣжденный, говоритъ Демосфенъ въ 4-й филиппикѣ, что предметъ настоящихъ разсужденій великія и настоятельныя нужды государства, я попытаюсь, афиняне, указать вамъ на мой взглядъ самое выгодное рѣшеніе.... ваши ошибки.... привели насъ къ настоящему положенію... здѣсь (въ народномъ собраніи) вы мало внимательны... дома васъ не только не занимаютъ важныя дѣла, но вы даже не сохраняете о нихъ воспоминанія!...» Далѣе, ораторъ немедленно переходитъ къ дѣйствіямъ Филиппа и къ обсужденію обстоятельствъ, вызвавшихъ его рѣчь.

Искусство Демосфена также ярко сказывается въ изложеніи, въ которомъ онъ иногда несомнѣнно превосходитъ замѣчательнѣйшихъ логографовъ. Какъ примѣръ изложенія Демосфена можно привести отрывокъ изъ рѣчи о вѣнкѣ, содержащій описаніе событій послѣ взятія Элатеи Филиппомъ: «Былъ вечеръ, когда къ пританамъ пріѣхалъ гонецъ съ извѣстіемъ о паденіи Элатеи. Тотчасъ же одни изъ нихъ, вставъ изъ за стола, прогнали торговцевъ съ площади (гдѣ собиралось народное собраніе).... другіе послали за стратегами и приказали бить тревогу. Въ городѣ началось сильное движеніе. На слѣдующее утро на разсвѣтѣ пританы созвали совѣтъ... вы же отправились въ собраніе, и, прежде чѣмъ совѣтъ пришелъ къ какому либо рѣшенію, народъ уже занялъ свои мѣста. И когда вышли члены совѣта, и пританы объявили въ общее свѣдѣніе полученное ими извѣстіе... и глашатай провозгласилъ: кто хочетъ говорить! Никто не вызвался. Хотя глашатай нѣсколько

разъ повторялъ вызовъ, никто не выходилъ, а тутъ были всѣ стратеги, ораторы, и отечество ждало спасительнаго совѣта, потому что, когда глашатай по закону дѣлаетъ свой вызовъ, его голосъ по праву можетъ считаться голосомъ отечества». Трудно представить въ немногихъ словахъ болѣе живую и патетическую картину событій, чѣмъ вышеприведенное описаніе и сдѣлать это съ такою простотою, не прибѣгая къ отступленіямъ, къ лирическимъ восклицаніямъ и прочимъ риторическимъ средствамъ, имѣющимся въ распоряженіи оратора. Здѣсь каждая фраза вполнѣ соотвѣтствуетъ общему фону картины и даетъ чувствовать важность и значеніе происходящаго.

Но было бы ошибочно думать, что по примѣру нѣкоторыхъ логографовъ, Демосфенъ ограничивался въ рѣчахъ изложеніемъ дѣла и указаніемъ возможно лучшаго рѣшенія трактуемаго вопроса: сила его таланта выражалась также и въ общихъ мѣстахъ, въ умѣніи развивать общія мысли, поддерживая ими свои положенія. Касаясь внутренняго положенія македонской монархіи, военнаго государства, созданнаго и державшагося неразборчивой политикой Филиппа, Демосфенъ говоритъ, что сила этой монархіи кажется значительной лишь до перваго потрясенія и поясняетъ свою мысль слѣдующими словами: «какъ въ человѣческомъ тѣлѣ, пока держатся силы и здоровье, не чувствуются прежніе ушибы и страданія, но при первой болѣзни пробуждаются, проявляются и всѣ скрытые до тѣхъ поръ недуги, такъ и въ монархіяхъ и въ другихъ государствахъ, все кажется благополучнымъ и спокойнымъ, пока далеко война, но когда она приближается къ границамъ проявляется безпорядокъ и открываются недостатки».

Въ соединеніи съ предшествующимъ изложеніемъ приведенное общее мѣсто пріобрѣтаетъ вѣсъ рѣшающаго доказательства.

Демосфенъ часто прибѣгаетъ въ своихъ рѣчахъ къ разсужденіямъ и сентенціямъ, оцѣниваетъ дѣйствія различныхъ лицъ и ихъ внутреннія побужденія по началамъ народной мудрости. «Онъ зналъ, говоритъ онъ о Филиппѣ, что, при обыкновенномъ ходѣ человѣческихъ дѣлъ, отсутствующіе всегда устраняются присутствующими, невнимательные и небрежные

тѣми, которые не боятся опасностей и трудовъ». Совѣты Демосфена носятъ всегда практическій оттѣнокъ; онъ не требуетъ и не желаетъ неисполнимаго, но сообразуется со средствами и обстоятельствами даннаго момента, и эта практичность именно дѣлаетъ его совѣты особенно цѣнными: «Ваша ошибка, (дѣло идетъ объ афинянахъ и ихъ отношеніи къ Македоніи)—это стремленіе дѣлать больше чѣмъ нужно. Утрированная роскошь въ въ вашихъ постановленіяхъ, и ничего на дѣлѣ. Лучше начинать съ малаго, и когда будетъ видно, что сдѣланнаго недостаточно, прибавлять понемногу».

Въ доказательствахъ Демосфенъ пользуется всѣми средствами. Его аргументы связываются другъ съ другомъ въ неразрывную цѣпь, каждое звено которой положено по тщательному соображенію о его достоинствѣ и силѣ. Но выставляя свои положенія, ораторъ никогда не упускаетъ случая разбить доводы противника, внимательно слѣдитъ за ходомъ его мыслей, не увлекается въ сторону, если тотъ пытается отвести его отъ настоящаго пути, но, напротивъ, замѣчаетъ неправильности его пріемовъ, устанавливаетъ и укрѣпляетъ надлежащую точку зрѣнія на дѣло прежде, чѣмъ перейти къ нападенію. Въ рѣчи о вѣнкѣ Эсхинъ нападаетъ на Демосфена косвенно: рѣчь непосредственно была направлена противъ Ктезифона, предложившаго наградить Демосфена золотымъ вѣнкомъ; Демосфенъ и отмѣчаетъ это слабое мѣсто противника: «Онъ оставляетъ прямую дорогу и вмѣсто того, чтобы тотчасъ взяться за доказательства, онъ долгое время играетъ обвиненіями, насмѣшками и ругательствами; обвиняетъ меня, но требуетъ суда надъ Ктезифономъ, и въ то время какъ причина всего спора его вражда ко мнѣ, онъ отнюдь не выступаетъ противъ меня, но старается лишить чести другого». Въ случаѣ надобности Демосфенъ съ большой ловкостью прибѣгаетъ къ доводамъ противника, истолковывая ихъ въ свою пользу и, такимъ образомъ, обращая на противника выкованное послѣднимъ оружіе. Напр. Эсхинъ, обвиняя Демосфена, ставилъ ему въ укоръ частые процессы, которые ему приходилось вести, и привелъ въ примѣръ нѣкоего Кефалоса, хорошаго гражданина, котораго никогда не заставляли отвѣчать

передъ судомъ; Демосфенъ возразилъ на это: «Онъ говоритъ, что Кефалосъ славенъ тѣмъ, что его никода не обвиняли! Счастливый жребій въ самомъ дѣлѣ! Но можно-ли поэтому упрекать того, кого часто обвиняли, но никогда не могли уличить въ чемъ-либо противозаконномъ? Что же касается этого (Эсхина), то въ отношеніи къ нему я также имѣю право пользоваться славой Кефалоса, такъ какъ онъ никогда не жаловался на меня въ судъ».

Имѣя дѣло съ легко возбуждающейся народной массой подозрительной, недовѣрчивой, ревниво охраняющей свои преимущества, окруженный вліятельными противниками, Демосфенъ долженъ былъ дѣйствовать очень осторожно и тактично, чтобы осуществить намѣченныя имъ цѣли. Умѣнье обходить подводные камни было необходимымъ, и Демосфенъ обладалъ имъ въ высокой степени. Въ его время въ Афинахъ существовалъ законъ, грозившій смертною казнью каждому, кто предложитъ обратить деньги, назначенныя на увеселенія, на какія-нибудь другія государственныя надобности, между тѣмъ афинская казна была пуста, а для войны съ Филиппомъ требовались хорошіе финансы; Демосфенъ во второй Олинѳской рѣчи, не имѣя возможности открыто напасть на упомянутый законъ, предложилъ афинянамъ назначить коммиссію не для составленія новыхъ законовъ, которыхъ у нихъ слишкомъ много, но для отмѣны законовъ, по обстоятельствамъ времени ставшихъ вредными, и затѣмъ указалъ, что онъ имѣетъ въ виду законъ о театрѣ и военной службѣ. Такимъ образомъ Демосфенъ избѣжалъ формальнаго нарушенія закона, и въ то же время высказался вполнѣ ясно о желательности измѣненія стараго порядка.

Въ заключеніяхъ Демосфенъ рѣдко прибѣгалъ къ паѳосу или къ фразамъ, предназначеннымъ для эффектнаго окончанія рѣчи. Въ самыхъ важныхъ случаяхъ онъ довольствовался простымъ и краткимъ обращеніемъ къ слушателямъ, составленнымъ съ замѣчательной силой, и потому оставлявшимъ глубокое впечатлѣніе: «Вотъ истины, закончилъ напр., Демосфенъ четвертую Филиппику, сказанныя вамъ смѣло... я не говорилъ вамъ рѣчи полной искусственныхъ пріемовъ, соткан-

ной изъ лести и обмана, доставляющей золото оратору, но предающей насъ врагу. Или измѣните свое поведеніе или пеняйте на себя, когда все погибнетъ». Иногда заключеніе служитъ для того, чтобы основательно укрѣпить въ памяти слушателей сказанное, возстановить передъ ними въ немногихъ словахъ выводы, которые могли затеряться въ продолжительной аргументаціи, таково заключеніе первой Олинѳской рѣчи: «Я говорю кратко, что каждый долженъ платить пропорціонально состоянію; каждый долженъ быть опредѣленное время на военной службѣ, каждый долженъ свободно выражать свое мнѣніе... Если вы поступите такъ, афиняне, вы будете не только рукоплескать сейчасъ оратору, но впослѣдствіи вы будете рукоплескать себѣ при счастливомъ оборотѣ вашихъ дѣлъ».

Мрачный и твердый характеръ Демосфена, его глубокое знаніе слабостей и тайныхъ пружинъ человѣческихъ дѣйствій дѣлало его особенно сильнымъ въ ироніи, въ нападеніи на противника. Яснѣе всего эти качества Демосфена обнаруживались въ цитированной уже рѣчи о вѣнкѣ. Какъ извѣстно эта рѣчь была вызвана тѣмъ, что злѣйшій врагъ Демосфена Эсхинъ, надѣясь на то, что неудачи національной политики Демосфена (дѣло происходило послѣ торжества Македоніи въ 330 г. до Р. Х.) помогутъ вызвать противъ него раздраженіе судей и народа, обвинилъ Ктезифона, предложившаго наградить Демосфена золотымъ вѣнкомъ. Демосфенъ принялъ вызовъ, и послѣ многолѣтней политической борьбы первый разъ лицомъ къ лицу столкнулся съ врагомъ на почвѣ личной защиты. Въ рѣчахъ Эсхина и Демосфена подводились итоги всей дѣятельнести послѣдняго и національной партіи, разумѣется, съ разныхъ точекъ зрѣнія. Ненависть прорвалась наружу, и противники пустили въ ходъ другъ противъ друга всѣ бывшія въ ихъ распоряженіи средства. Неудивительно, что въ день судебнаго засѣданія, долженствовавшаго рѣшить вопросъ о томъ, кто правъ, національная или македонская партія, было, по свидѣтельству очевидцевъ, огромное стеченіе гражданъ и иностранцевъ. Эсхинъ сдѣлалъ все, чтобы вызвать гнѣвъ толпы противъ Демосфена, обвиняя его въ гибели Ѳивъ и во всѣхъ пораженіяхъ, понесенныхъ Афинами, въ принятіи

подкупа отъ персидскаго царя; назвалъ его губителемъ и злымъ геніемъ Греціи, употребляющимъ свой ораторскій талантъ во вредъ отечеству, сравнилъ его рѣчь съ пѣніемъ сиренъ, увлекавшихъ къ гибели всѣхъ слушавшихъ ихъ, напомнилъ объ опасностяхъ, грозившихъ отъ македонскаго царя за почетъ, оказываемый его завѣдомому врагу.

Демосѳенъ не только блестяще опровергнулъ всѣ нареканія на его государственную дѣятельность и доказалъ разумность образа дѣйствій своей партіи, но уничтожилъ лично противника, обрушившись на него всею силой горькой и презрительной ироніи. Насмѣхаясь надъ ораторскими пріемами Эсхина, его ложнымъ паѳосомъ и фразами, Демосфенъ сослался на свою нелюбовь къ личнымъ нападеніямъ (что было вполнѣ справедливо, какъ выше сказано, относительно его политическихъ рѣчей) и, объявивъ себя вынужденнымъ отступить отъ своихъ правилъ, продолжалъ: «нужно знать характеръ и происхожденіе этого человѣка... столь мало стѣсняющагося въ выраженіяхъ... Въ самомъ дѣлѣ, еслибы меня обвинялъ Эакъ, Радомантъ или Миносъ, а не простой нанизыватель словъ... то не думаю, чтобы и они пользовались такимъ необычайнымъ слогомъ и восклицали бы такимъ трагическимъ тономъ: о, земля, о, солнце! о, добродѣтель!.. Ты рѣшаешься произносить названіе добродѣтели, безчестный человѣкъ»?.. Далѣе онъ наноситъ тяжелый ударъ самолюбію Эсхина, касаясь его личныхъ отношеній къ македонскому царю: «онъ (Эсхинъ) называетъ это, конечно, дружбой и гостепріимствомъ и говоритъ въ своей рѣчи: «онъ упрекаетъ меня за знакомство съ Александромъ». Я тебя упрекаю за знакомство съ Александромъ»? Когда оно было? Развѣ ты почтенъ имъ? Я не называю тебя знакомымъ ни Филиппа, ни Александра, до такой степени я не лишенъ разсудка, иначе нужно бы называть поденщиковъ друзьями и знакомыми ихъ хозяевъ: наемникомъ раньше Филиппа, теперь Александра называю тебя я и всѣ здѣсь присутствующіе. Если ты этому не вѣришь, то спроси ихъ, или лучше я сдѣлаю это за тебя. Какъ вы думаете, афиняне, Эсхинъ наемникъ или знакомый Александра. Ты слышишь, что они говорятъ». Результатомъ рѣчи

было полное торжество Демосфена, побѣжденный Эсхинъ долженъ былъ со стыдомъ удалиться въ изгнаніе.

V.

Жизнь не баловала Демосфена. Тяжелыхъ трудовъ и усилій стоила ему слава, среди заботъ и опасностей прошла его государственная дѣятельность. Участь великихъ людей очень различна. Идеалы однихъ живутъ въ будущемъ; разбивая препятствія, созданныя прошлымъ и настоящимъ, они идутъ впередъ. Немногіе достигаютъ при жизни цѣли своихъ стремленій, большая часть умираетъ, не войдя въ обѣтованную землю, сдѣлавъ только первые шаги, но ихъ силу поддерживаетъ гордая вѣра въ будущее. Въ другомъ положеніи находятся тѣ, идеалы которыхъ лежатъ въ прошломъ, въ отживающихъ формахъ общественной и государственной жизни,—невозможность добиться результатовъ, рядъ неудачъ и разочарованій единственно, что ожидаетъ ихъ на жизненномъ пути. Демосфенъ принадлежалъ къ послѣднему типу дѣятелей, и это наложило особый трагическій отпечатокъ на его личность, придало его лицу то суровое, скорбное выраженіе, которое сохранилось на статуяхъ.

Все, достигнутое Демосфеномъ лично: слава оратора, авторитетъ государственнаго человѣка, не было для него цѣлью, а только средствомъ. Его цѣлью, которой онъ жертвовалъ всѣмъ, были свобода и величіе Греціи и его родного города, которому принадлежало въ ней одно изъ первыхъ мѣстъ. Объединить Грецію, вернуть прежнія времена, доставить ей господство надъ варварами, сохранить въ полномъ объемѣ свободу и силу греческихъ государствъ—вотъ, что составляло жизненную задачу Демосфена до конца его дней. Онъ хотѣлъ сдѣлать свою эпоху достойной предковъ и сохранить унаслѣдованное отъ нихъ значеніе Греціи. Конечно, теперь историку и изслѣдователю легко, изучивъ матеріалы, отмѣтить точные признаки разложенія, ослабленіе началъ, хранившихъ самостоятельную политическую жизнь Греціи, но участники той эпохи, современники Демосфена, не могли быть такими спокойными наблю-

дателями: ясная теперь цѣпь причинъ и слѣдствій была неуловима тогда; государства еще жили, вели войны, заключали миръ; прошлое, переполненное великими воспоминаніями, было еще близко. Естественно было думать, что причины упадка временны. Наибольшая опасность грозила тогда отъ Македоніи и Демосфенъ отдалъ всѣ свои силы на разоблаченіе замысловъ и на противодѣйствіе политикѣ Филиппа. Началась безпримѣрная борьба между Демосфеномъ и Филиппомъ, продолжавшаяся первымъ послѣ смерти врага съ его сыномъ и наслѣдниками власти послѣдняго. Положеніе противниковъ было далеко не равное. Филиппъ, основатель македонскаго могущества, богато одаренный отъ природы, являлся замѣчательнымъ полководцемъ и правителемъ. Онъ былъ неутомимъ въ трудахъ, отваженъ въ бою, презиралъ опасности, личнымъ своимъ примѣромъ и авторитетомъ увлекалъ за собой македонянъ, образовалъ изъ нихъ грозную и сильную армію. Средства его быстро росли, одна область за другою должны были склоняться передъ его могуществомъ. По мѣрѣ увеличенія силъ росли и замыслы: гегемонія въ Греціи, покореніе народовъ до Дуная были лишь первой стадіей къ широкимъ завоевательнымъ планамъ въ Азіи, гдѣ разложившаяся деспотія персидскаго царя казалась богатой и вѣрной добычей. Замѣчательный полководецъ и администраторъ, Филиппъ былъ въ то же время ловкимъ дипломатомъ, умѣвшимъ многаго добиваться, не прибѣгая къ оружію, при этомъ онъ не стѣснялся въ средствахъ, которыя были для него всегда хороши, если вели къ цѣли. Какъ македонскій царь, онъ безпрепятственно располагалъ одинъ всѣми рессурсами своей страны, могъ дѣйствовать, не ожидая и не спрашивая ничьего совѣта. Даже счастье и случай благопріятствовали ему и нерѣдко давали неожиданный перевѣсъ надъ противниками.

Демосфенъ не ошибался въ значеніи и достоинствахъ македонскаго царя и вѣрно характеризовалъ его въ своихъ рѣчахъ. Такъ, напр., онъ изображалъ его энергію: «Я видѣлъ, что у Филиппа, нашего врага, потерянъ глазъ, сломана ключица, повреждена рука.... что онъ готовъ отдать любую часть тѣла, чтобы остальное жило въ славѣ». Въ другомъ мѣстѣ,

сопоставляя себя и Филиппа, Демосфенъ указываетъ, что тотъ былъ «главнокомандующій арміей, его солдаты освоились съ войной.... финансы были въ хорошемъ состояніи». Все, что онъ считалъ нужнымъ, онъ могъ выполнить тотчасъ; не разглашая задуманнаго, не обсуждая публично, не боясь обвиненія въ нарушеніи законовъ. Что могъ противопоставить такому врагу Демосфенъ? Государственное устройство Афинъ не благопріятствовало веденію быстрой и энергичной политики. Средства государства были истощены, нравственные идеалы, дававшіе нѣкогда такую силу афинскому патріотизму и мужеству, въ значительной мѣрѣ изсякли. Афиняне прежде всего жаждали покоя, дозволявшаго пользоваться мирными благами жизни, заниматься торговыми дѣлами; ихъ мало интересовало положеніе Греціи; отдаленныя опасности не вызывали въ нихъ безпокойства. Легкомысленный народъ, искавшій вездѣ, даже во время обсужденія государственныхъ дѣлъ забавы и развлеченія, не любилъ серьезныхъ разсужденій и сложныхъ политическихъ разсчетовъ. Во время сказанная острота, удачное слово могли рѣшить судьбу важнаго дѣла: когда, вернувшись съ посольствомъ отъ Филиппа, Демосфенъ, вопреки мнѣнію пословъ, своихъ сотоварищей, былъ противъ предложеній Филиппа, поддерживаемыхъ большинствомъ и упорно отстаивалъ свое мнѣніе въ народномъ собраніи, Филократъ, глава посольства, покончилъ дѣло замѣчаніемъ: «Неудивительно, афиняне, что мы съ Демосфеномъ держимся разнаго мнѣнія: я пью вино, онъ воду». Въ народѣ послышался смѣхъ и пренія прекратились.

Партія, во главѣ которой стоялъ Демосфенъ, должна была опираться на собственныя силы и преодолѣвать ежеминутно возникавшія препятствія, не ожидая ниоткуда помощи. Это положеніе блестяще рисуетъ Демосфенъ въ одной изъ своихъ рѣчей: «Нѣкогда народъ.... располагалъ всѣми милостями, былъ господиномъ своихъ должностныхъ лицъ.... Теперь, наоборотъ, должностныя лица располагаютъ милостями, все дѣлается ими, достигается черезъ нихъ. Вы, остальные, измельчавшіе граждане, обезсиленный народъ, безъ союзниковъ и денегъ, на васъ смотрятъ, какъ на слугъ, какъ на чернь

сильную только численностью; вы болѣе, чѣмъ счастливы и, тѣмъ, что вамъ даютъ часть театральныхъ денегъ, распредѣляютъ съѣстные припасы и, что составляетъ верхъ низости, вы считаете себя обязанными тѣмъ, кто раздаетъ вамъ ваше же собственное достояніе.... но возможно ли, чтобы люди, ведущіе такой низкій и достойный презрѣнія образъ жизни, одушевлялись благородными и возвышенными чувствами? Чувства, обыкновенно соотвѣтствуютъ образу жизни. Я, конечно, не сталъ бы удивляться, если бы вы отнеслись хуже къ тому, кто говоритъ о безпорядкахъ въ государствѣ, чѣмъ къ тому, кто въ нихъ виноватъ. Вы не всегда предоставляете свободу все говорить, я даже удивленъ, что пользуюсь ею въ настоящую минуту».

Во второй филиппикѣ Демосфенъ упрекаетъ афинянъ въ бездѣятельности, въ наклонности лишь къ безплоднымъ разсужденіямъ въ народномъ собраніи, отчего всегда выходитъ такъ, что Филиппъ преуспѣваетъ въ дѣлахъ, афиняне въ рѣчахъ. Демосфенъ, слѣдовательно, не обманывался и не питалъ особенныхъ иллюзій относительно успѣха. «Я вхожу на каѳедру, съ грустью говоритъ онъ въ первой филиппикѣ, обращаясь къ народу, вопреки увѣренности въ осуществленіи моихъ совѣтовъ, но убѣжденный, что въ вашемъ интересѣ ихъ выполнить». Демосфенъ видѣлъ надвигающуюся бурю, зналъ, что надо сдѣлать, былъ силенъ сознаніемъ положенія и способовъ его поправить, но безсиленъ въ осуществленіи своихъ проектовъ и плановъ, а, быть можетъ, нѣтъ ничего тяжелѣе, какъ предвидѣть гибель и крушеніе защищаемаго дѣла и не быть въ состояніи своевременно предупредить опасность. Такую нравственную пытку пришлось испытывать Демосфену, мрачныя предсказанія котораго обыкновенно принимались въ разсчетъ, когда уже было поздно. «Чѣмъ я располагалъ для сопротивленія такому врагу?—замѣчаетъ онъ, оправдываясь отъ обвиненія Эсхина,—ничѣмъ. Даже право всходить на эту трибуну я раздѣлялъ съ вѣрными наемниками Филиппа.... Ты называешь меня низкимъ, Эсхинъ, за то, что я одинъ не восторжествовалъ надъ арміями Филиппа.... моими рѣчами?—чѣмъ другимъ я могъ распоряжаться?»

Казалось бы, что при такомъ настроеніи, идя противъ большинства, имѣя возможность разсчитывать лишь на немногихъ и видя громадное преимущество противника, Демосфенъ долженъ бы былъ отказаться отъ безнадежной борьбы, уйти отъ общественной дѣятельности, замкнуться въ узкій кругъ своихъ частныхъ интересовъ. Онъ этого не сдѣлалъ, потому что вопреки всему въ немъ жило глубокое убѣжденіе въ правильности его дѣйствій. Паденіе и измельчаніе общественныхъ идеаловъ онъ считалъ преходящимъ явленіемъ, онъ глубоко вѣрилъ въ человѣка, въ его достоинства и не могъ помириться съ тѣмъ, чтобы греческій народъ отказался отъ своей первенствующей роли въ пользу Македоніи по малодушію, недостатку мужества и патріотизма. «Никто бы не осмѣлился сказать, чтобы ему (Филиппу).... приличествовало стремиться къ господству надъ эллинами.... а вамъ, афиняне, которые каждый день видятъ въ рѣчахъ и трагедіяхъ примѣры добродѣтелей предковъ, приличествуетъ такая трусость, чтобы самимъ отдать Филиппу свободу Греціи». Демосфенъ также не могъ примириться съ мыслью, чтобы безчестная политика Филиппа, исполненная лжи и обмановъ, могла торжествовать надъ правомъ и справедливостью: «когда величіе человѣка, какъ величіе Филиппа, создано честолюбіемъ и обманомъ, самой легкой неудачи, малѣйшаго удара довольно, чтобы сломить и уничтожить его; невозможно, афиняне, нѣтъ, невозможно, чтобы несправедливый, обманщикъ, клятвопреступникъ имѣлъ постоянно успѣхъ. Онъ можетъ разъ обмануть и достигнуть осуществленія своихъ надеждъ.... но.... онъ не замедлитъ увидѣть разрушеніе и распаденіе зданія его счастья» Одушевленный вѣрой въ правоту своего дѣла, Демосфенъ до конца не измѣнялъ тому, что онъ считалъ долгомъ; для него самого былъ такъ ясенъ и понятенъ путь, по которому слѣдовало идти, что онъ не могъ согласиться съ мыслью, что афиняне не пойдутъ по этому пути; каждый ударъ, наносимый Филиппомъ, казался ему ударомъ грома, долженствовавшимъ пробудить народъ изъ временной спячки, и тогда все будетъ спасено и пойдетъ какъ надо.

Неудачи и несчастія не ослабляли энергіи Демосфена: въ

его рѣчахъ наряду съ язвительными упреками народу указывается выходъ изъ затруднительнаго положенія, возбуждается надежда на побѣду, національная гордость и мужество; онъ требуетъ отъ афинянъ довѣрія къ собственнымъ силамъ, видитъ источникъ бѣдствій не въ матеріальныхъ средствахъ Филиппа, а въ недостойномъ поведеніи афинянъ. Возможность неудачи не колеблетъ его предположеній. Успѣхъ сраженія во власти судьбы, люди должны исполнять свой долгъ, чтобы по крайней мѣрѣ погибнуть съ честью. Вотъ программа, поддерживаемая рѣчами Демосфена. И бывали моменты (напр. передъ Херонейской битвой), когда вся Греція прислушивалась къ его голосу, когда его краснорѣчіе торжествовало не только надъ золотомъ Филиппа и рѣчами подкупленныхъ имъ ораторовъ, но и надъ страхомъ передъ его арміями. Незадолго, напр., до Херонейской битвы послы Филиппа явились въ Ѳивы раньше афинскихъ съ самыми соблазнительными предложеніями; ѳиванцы были давно во враждѣ съ афинянами, и македонская партія въ Ѳивахъ была уже вполнѣ увѣрена въ побѣдѣ, когда появленіе Демосфена повело къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Онъ до такой степени, говоритъ греческій историкъ Теопомпъ, съумѣлъ вдохнуть мужество въ ѳиванцевъ и взволновать ихъ честолюбіе, что они забыли всѣ остальныя соображенія, опасенія и разсчеты. Но моменты общаго одушевленія и пробужденія національнаго сознанія не были ни часты, ни продолжительны. Счастье неизмѣнно покровительствовало Македоніи, и, казалось, таинственная, неумолимая судьба тяготѣла надъ послѣдними вспышками греческаго патріотизма. Демосфенъ долженъ былъ сознаться въ тщетѣ своихъ усилій: «не я властелинъ судьбы, говоритъ онъ въ рѣчи о вѣнкѣ, но судьба властелинъ всего сущаго».

Филиппъ не долго пережилъ побѣду подъ Херонеей. Послѣ его смерти послѣдовала новая неудачная попытка освобожденія. Смерть Александра застала Демосфена въ изгнаніи. Греція снова зашевелилась, Демосфенъ немедленно принялъ участіе въ движеніи и былъ съ торжествомъ возвращенъ въ Афины; архонты, жрецы и народъ встрѣтили его въ Пиреѣ. Но это движеніе не было удачнѣе предыдущихъ: первые успѣхи скоро

смѣнились пораженіями. Союзные силы греческихъ городовъ разсѣялись и Антипатръ, намѣстникъ Македоніи, сталъ на границѣ Аттики. Основнымъ условіемъ мира была выдача враждебныхъ Македоніи ораторовъ, между которыми Демосфенъ занималъ первое мѣсто. Послѣднее дѣйствіе трагедіи быстро приближалось къ развязкѣ. Все было кончено, надежды не оставалось. Демосфенъ, Гиперидъ и другіе осужденные искали спасенія въ бѣгствѣ, македонскіе отряды слѣдовали за ними по пятамъ. Демосфенъ скрылся въ храмѣ Посейдона въ Калавріи (въ Арголидѣ). Но боги Греціи, которые нѣкогда охраняли жизнь гонимыхъ и беззащитныхъ, также утратили свой престижъ; вѣра въ нихъ умирала вмѣстѣ со свободой и самостоятельностью Греціи. Окруженный солдатами Антипатра, Демосѳенъ, не желая отдаться врагамъ живымъ, принялъ ядъ и умеръ въ стѣнахъ святилища.

Событія пошли своимъ ходомъ, и, наконецъ, судьба стала благосклонной къ Демосфену, съ именемъ котораго соединялось воспоминаніе о послѣднихъ свободныхъ дняхъ Афинъ. Сограждане воздвигли ему мѣдную статую, на пьедесталѣ которой была выбита надпись: «Если бы сила Демосфена равнялась могуществу его духа, никогда македонскій мечъ не побѣдилъ бы Греціи».

Борьба кончилась. Побѣдилъ сильнѣйшій. Но если мы не будемъ судить о рѣшеніи спора по внѣшнему успѣху, всегда непрочному и сомнительному, а взглянемъ глубже и признаемъ, что защита права противъ силы, отстаиваніе высокихъ началъ нравственнаго порядка имѣютъ несомнѣнно большее значеніе въ жизни человѣчества, чѣмъ эфемерныя военныя побѣды, мы будемъ имѣть право сказать, что Демосфенъ умеръ не побѣжденнымъ.

Цицеронъ.

I.

Римское краснорѣчіе стало развиваться подъ греческимъ вліяніемъ въ періодъ расцвѣта внѣшняго могущества римской республики, преодолѣвшей самаго страшнаго врага — Карѳагенъ. Первымъ выдающимся ораторомъ въ Римѣ былъ знаменитый Катонъ старшій, которому приписывалось до 150 рѣчей, не дошедшихъ до нашего времени; затѣмъ изъ цѣлаго ряда именъ государственныхъ дѣятелей, отличавшихся умѣньемъ говорить, я отмѣчу только Гракховъ, Марка Антонія, Красса и Гортензія, послѣдній былъ исключительно адвокатомъ и по характеру очень напоминалъ Гиперида; благодаря своему образу жизни онъ безплодно растратилъ богатыя силы и долженъ былъ уступить другимъ мѣсто, на которое давалъ ему право выдающійся талантъ.

Но имена всѣхъ римскихъ ораторовъ блѣднѣютъ передъ именемъ Цицерона, рѣчи котораго не только возбуждали, но и возбуждаютъ удивленіе и восторгъ слушателей и читателей. Цицерона можно назвать ораторомъ всего цивилизованнаго міра, съ твореніями котораго при классической системѣ образованія подростающія поколѣнія знакомятся на школьной скамьѣ.

Въ исторіи ораторскаго искусства значеніе Цицерона весьма велико—подражаніе ему, пользованіе его пріемами долгое время было обычнымъ явленіемъ. Благодаря Цицерону латинское краснорѣчіе оттѣснило на задній планъ греческое Было ли заслужено такое предпочтеніе, оказываемое Цицерону? На первый взглядъ подобные вопросы являются излишними: самая извѣстность рѣчей Цицерона, ихъ повсемѣстное распространеніе и изученіе, предполагающія всеобщее признаніе ихъ достоинствъ, могутъ считаться достаточнымъ отвѣтомъ, но всеобщее призна-

ніе еще не равносильно истинѣ, объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ исторія «всеобщихъ» человѣческихъ заблужденій.

Демосфенъ не вызывалъ крупныхъ разногласій въ оцѣнкѣ его личности и таланта. Писатели, отдающіе первенство Цицерону, признаютъ геній Демосфена и ставятъ его непосредственно за первымъ; наоборотъ, Цицеронъ на ряду съ горячими поклонниками нашелъ и рѣзкихъ критиковъ въ исторической литературѣ нашего времени, которые нападаютъ и на его характеръ и на рѣчи. Въ римской литературѣ (за немногими и не авторитетными исключеніями) мнѣніе о Цицеронѣ выражается въ словахъ, написанныхъ о немъ Квинтиліаномъ: «Небо послало на землю Цицерона... для того, чтобы дать въ немъ примѣръ до какихъ предѣловъ можетъ дойти могущество слова». Съ этимъ мнѣніемъ согласны многіе и теперь: «Слава Цицерона до такой степени громка, что всѣ другіе знаменитости его времени блѣднѣютъ рядомъ съ нимъ и почти совсѣмъ теряются... Болѣе еще замѣчательный, какъ адвокатъ, чѣмъ въ роли политическаго оратора, онъ высказываетъ здѣсь всѣ свои лучшія качества, и краснорѣчіе его въ этомъ родѣ не имѣетъ себѣ равнаго даже у Демосфена». (Морилло и Дебенъ. Судебные ораторы въ древнемъ мірѣ. Спб. 1895 г., стр. 101—102). Совсѣмъ иначе смотритъ на Цицерона извѣстный историкъ Момсенъ: для него Цицеронъ только эгоистъ, въ зависимости отъ временныхъ обстоятельствъ бывшій то демократомъ, то аристократомъ, то монархистомъ. Онъ умѣлъ лишь дѣйствовать, когда все было уже рѣшено и безъ его вмѣшательства; всѣ его сочиненія отличаются поверхностностью и отсутствіемъ мысли; онъ не былъ не только великимъ ораторомъ, но даже и хорошимъ адвокатомъ. Единственное его достоинство—мастерство стиля,—оно и доставило ему безсмертіе, благодаря поддержкѣ школьной рутины. Если этотъ портретъ дѣйствительно схожъ съ оригиналомъ, то, конечно, слѣдуетъ удивляться тому успѣху, которымъ пользовался Цицеронъ при жизни и пользуется послѣ смерти. Неужели одинъ стиль можетъ замѣнить всѣ другія качества и уравновѣсить недостатки? Въ Римѣ, какъ и вездѣ и всегда, было много ораторовъ, умѣвшихъ составлять гладкія фразы, изъ нихъ ни одинъ не имѣлъ

и сотой доли авторитета Цицерона, и этотъ авторитетъ всецѣло былъ созданъ его собственными силами. «Цицеронъ, справедливо говоритъ Буассье, не имѣвшій ни знатнаго происхожденія, ни денегъ, постоянно побѣждалъ всѣхъ остальныхъ. Онъ былъ назначенъ квесторомъ, эдиломъ, достигъ консульства лишь только потребовалъ его... и ни одна изъ этихъ должностей ничего не стоила ни его чести, ни его достоянію». Очевидно, что въ характеристику Момсена вкралась крупная ошибка. Ее можно объяснить какъ реакцію противъ господствующаго настроенія, противъ бездоказательнаго преклоненія передъ Цицерономъ, которое мы унаслѣдовали отъ предшествовавшихъ столѣтій. Ближайшее ознакомленіе съ характеромъ и дѣятельностью Цицерона вполнѣ подтверждаетъ эту мысль и лишній разъ указываетъ на опасность быстрыхъ и одностороннихъ обобщеній и оцѣнокъ историческихъ личностей.

II.

Было бы странно отрицать, что Цицеронъ даже для того, чтобы стать незнающимъ соперниковъ стилистомъ, долженъ былъ обладать замѣчательными способностями и что эти способности получили обработку. Если рѣчи Цицерона и не всегда похожи на обычныя дѣловыя рѣчи современныхъ юристовъ, переполненныя ссылками и комментаріями законовъ, то было бы несправедливо ставить это въ укоръ эрудиціи Цицерона, такъ какъ въ его время дѣятельность адвоката и юрисконсульта не совпадали другъ съ другомъ; главнымъ въ процессахъ, разбираемыхъ на форумѣ передъ лицомъ выборныхъ судей и народа, было умѣнье повлiять на ихъ чувства, завладѣть ихъ симпатіями, почему законодательному матеріалу и отводится въ рѣчахъ Цицерона второстепенное мѣсто. Разницу въ положеніи юрисконсультовъ и ораторовъ Цицеронъ опредѣляетъ въ рѣчи за Мурену, гдѣ онъ отзывается о первыхъ не въ слишкомъ почтительной формѣ; нужно припомнить, что наука права въ Римѣ въ эпоху Цицерона далеко не достигла еще процвѣтанія, которому такъ содѣйствовали условія обще-

ственной и государственной жизни во времена имперіи. «Нашелся какой то... писецъ Флавій, говоритъ Цицеронъ, который открылъ тайны юрисконсультовъ, сдѣлавъ извѣстными народу дни судебныхъ засѣданій. Онъ лишилъ опытныхъ юристовъ всей ихъ мудрости. Послѣдніе пришли въ отчаяніе, опасаясь... что впредь будутъ обходиться безъ нихъ... и выработали особыя формулы процесса, чтобы сдѣлать свое участіе необходимымъ... Юриспруденція наука пустыхъ формулъ и фиктивныхъ тонкостей... Искусство оратора столь же трудно, какъ важно и почтенно... Отъ юрисконсульта ждутъ полезныхъ совѣтовъ, отъ оратора—спасенія жизни... Совѣтъ и рѣшенія (юрисконсульта) часто уничтожаются рѣчью оратора, а имѣютъ успѣхъ только поддерживаемые ею».

Конечно, по господствующему нынѣ взгляду на римское право, какъ на «писанный разумъ», Цицерона можно обвинить въ легкомысліи, но, во первыхъ, въ его время, какъ уже сказано, римское право далеко не было совершеннымъ и, во вторыхъ, какъ свидѣтельствуютъ рѣчи Цицерона, онъ былъ тѣмъ не менѣе основательно знакомъ съ правомъ и нападалъ въ сущности на преувеличенныя претензіи юрисконсультовъ, нападалъ по своему обыкновенію, можетъ быть съ большимъ увлеченіемъ, чѣмъ слѣдовало. Но если даже и оставить въ сторонѣ вопросъ о занятіяхъ юриспруденціей, нужно будетъ признать, что отъ оратора во время Цицерона требовалась значительная подготовка и обширныя познанія, и что Цицеронъ въ этомъ отношеніи удовлетворялъ самымъ строгимъ требованіямъ.

Для оратора его времени было необходимо знакомство съ извѣстными тогда науками, особенно съ исторіей и философіей, не говоря уже объ изученіи реторики. Цицеронъ съ усердіемъ занимался всѣмъ этимъ, онъ самъ говорилъ въ рѣчи за поэта Архія: «природа безъ ученія часто... способствуетъ достиженію славы и добродѣтели... Но въ то же время... если къ прекраснымъ природнымъ качествамъ прибавить воспитаніе и образованіе, получается нѣчто чудное и необычайное». Въ этой же рѣчи находится извѣстное похвальное слово наукамъ, спутникамъ всѣхъ возрастовъ въ счастіи и несча-

стіи. Цицеронъ, какъ и Демосфенъ, отличался изумительнымъ трудолюбіемъ; работа составляла его обыкновенное времяпрепровожденіе; онъ не любилъ разсѣянной свѣтской жизни и находилъ лучшее развлеченіе въ научныхъ и философскихъ занятіяхъ. О количествѣ его труда свидѣтельствуетъ масса весьма обширныхъ сочиненій, трактующихъ разнообразные вопросы философіи, политики и реторики. Самъ Цицеронъ смотрѣлъ на свою славу и успѣхи, какъ на результатъ работы: чтобы сдѣлаться ораторомъ по его мнѣнію «надо отречься отъ удовольствій, избѣгать забавъ, распроститься съ развлеченіями, играми и пирами».

Закончивъ уже образованіе и удачно выступивъ на судебной трибунѣ въ дѣлѣ Росція Америйскаго, Цицеронъ уже въ 30-лѣтнемъ возрастѣ, отправился въ Грецію, гдѣ продолжалъ занятія краснорѣчіемъ у многихъ выдающихся риторовъ. Съ такой же серьезностью и добросовѣстностью какъ къ наукамъ, Цицеронъ относился и къ принимаемымъ на себя судебнымъ дѣламъ, тщательно изучая ихъ въ подробностяхъ и возможно меньше оставляя на долю капризной импровизаціи: Цицеронъ хорошо зналъ, какое преимущество даетъ въ спорѣ знаніе дѣла, умѣлая тактика и опытность оратора. Въ рѣчи противъ Цецилія Нигера, желавшаго выступить обвинителемъ Верреса, Цицеронъ такъ описываетъ положеніе, въ которомъ мало знакомый съ ораторскими пріемами Цецилій очутился бы по отношенію къ противной сторонѣ (Верреса предполагалъ защищать извѣстный адвокатъ Гортензій): «Какъ онъ (Гортензій) будетъ играть тобой, Цецилій! Съ какой легкостью онъ получитъ рядъ тріумфовъ!.. Сколько разъ онъ предоставитъ тебѣ выборъ между доказательствами, между отрицаніемъ или утвержденіемъ какого либо факта, чтобы затѣмъ съ полнымъ успѣхомъ разбить выбранное... когда онъ перечислитъ всѣ пункты обвиненія, перечтетъ ихъ по пальцамъ, сдѣлаетъ видъ что возразилъ на все и во всемъ оправдался, ты станешь бояться, что позвалъ въ судъ невиннаго. И что сдѣлается съ тобой, когда онъ прибѣгнетъ къ паѳосу, возбудитъ сожалѣніе къ подсудимому, зажжетъ негодованіе противъ тебя въ судьяхъ... Подумай объ этомъ теперь; не только рѣчью онъ уничтожитъ тебя, но однимъ жестомъ, движеніемъ

онъ ошеломитъ тебя, смутитъ твои мысли». Эта живая картина, рисующая одного изъ самыхъ ловкихъ и сильныхъ адвокатовъ, современника Цицерона, съ которымъ ему не разъ приходилось состязаться съ перемѣннымъ счастіемъ, доказываетъ, какъ внимательно относился Цицеронъ ко всему, что могло имѣть вліяніе на дѣло. Такимъ образомъ Цицерона нельзя ни въ чемъ упрекать съ точки зрѣнія адвокатской добросовѣсности, въ смыслѣ изученія дѣла или личной подготовки.

Все приведенное выше не дозволяетъ сомнѣваться въ томъ, что Цицеронъ былъ очень хорошимъ, прекрасно подготовленнымъ адвокатомъ, и что, слѣдовательно, успѣхъ его адвокатскихъ рѣчей объясняется не дурнымъ вкусомъ современниковъ, а заключающимися въ нихъ реальными достоинствами. Примѣръ того, какъ убѣдительно умѣлъ Цицеронъ отстаивать интересы своихъ кліентовъ, представляетъ защита Лигарія, обвиненнаго во враждебныхъ замыслахъ противъ Цезаря. Плутархъ передаетъ, что Цезарь до разсмотрѣнія дѣла рѣшилъ не извинять Лигарія, насмѣшливо замѣтивъ: «намъ ничто не мѣшаетъ послушать Цицерона послѣ такого перерыва». Однако, краснорѣчіе защитника такъ подѣйствовало на диктатора, что онъ измѣнилъ свое рѣшеніе и позволилъ Лигарію остаться въ Римѣ.

Но если съ этой стороны адвокатская дѣятельность Цицерона не заслуживаетъ порицаній, то нѣсколько иначе обстоитъ дѣло относительно нѣкоторыхъ другихъ, очень важныхъ вопросовъ адвокатской этики. Въ настоящее время профессіональная честность адвоката не можетъ дозволить ему предлагать свои услуги различнымъ сторонамъ въ процессѣ, отстаивать то, противъ чего онъ раньше ратовалъ. Каждый адвокатъ можетъ принять дѣло и приводить соображенія въ пользу кліента лишь по совѣсти и убѣжденію. Въ древности это правило соблюдалось далеко не строго. Въ Афинахъ логографы продавали свои рѣчи кому угодно, что было для нихъ тѣмъ легче, что они не всегда выступали въ процессахъ лично. Мы видѣли, что и на имя Демосфена наброшена тѣнь такого же непростительнаго, съ точки зрѣнія морали, образа дѣйствій,

хотя это обвиненіе и не доказано. Практика римскихъ адвокатовъ не отличалась отъ греческой, это не одобрялось, но допускалось. Одинъ изъ названныхъ нами ораторовъ, Маркъ Антоній, прадѣдъ тріумвира, никогда не позволялъ записывать своихъ рѣчей, чтобы не быть уличеннымъ въ противорѣчіи собственнымъ утвержденіямъ. Цицеронъ, правда, въ немногихъ случаяхъ (сохранились свѣдѣнія о двухъ) не всегда былъ способенъ устоять противъ обстоятельствъ, такъ онъ не сумѣлъ отказаться отъ защиты Ватинія, лично презираемаго имъ человѣка, въ виду того, что на этомъ настаивалъ Помпей, тогда какъ раньше готовился обвинять его. Защита оказалась неудачной, чѣмъ Цицеронъ остался очень доволенъ. Другой случай: рѣчь Цицерона за Клуенція противъ Оппіаника, тогда какъ раньше онъ говорилъ въ пользу послѣдняго (хотя косвенно въ защиту другаго участника преступленія). Въ этомъ процессѣ Цицерону прямо пришлось считаться съ нападеніемъ противника на самопротиворѣчіе оратора, и Цицеронъ пытался отстоять свое положеніе слѣдующими, нельзя сказать, чтобы слишкомъ удачными доводами: «Мнѣ противопоставляютъ важный авторитетъ, постыдно забытый мною, мой собственный... въ концѣ концовъ я повторяю то, что мнѣ говорили... Очень ошибаются, если думаютъ въ нашихъ рѣчахъ найти наши собственныя мысли. Мы говоримъ по обстоятельствамъ времени и дѣла... если бы дѣла могли защищать сами себя, никто бы не обращался къ оратору». Кромѣ того онъ оправдывается тѣмъ, что, выступая первый разъ по просьбамъ друзей, онъ не разсмотрѣлъ хорошенько дѣла и ошибся. Извиненія эти очень слабы: если Цицеронъ ошибся сначала, то во всякомъ случаѣ долженъ былъ не выступать противъ своего бывшаго кліента, а воздержаться отъ всякаго участія въ дѣлѣ, не говоря уже о томъ, что на такую неосмотрительность адвокатъ не имѣетъ права ссылаться. Конечно, адвокатъ говоритъ «по обстоятельствамъ времени и мѣста», но это не значитъ, что онъ имѣетъ право защищать или обвинять не по убѣжденію, а по личнымъ соображеніямъ. Оправданіе въ данномъ дѣлѣ Цицеронъ можетъ найти въ нравахъ эпохи, особенностяхъ своего характера и положенія среди враждеб-

ныхъ другъ другу партій и въ своей обычной добросовѣстности въ другихъ случаяхъ, но это только смягчаетъ вину.

Другая не симпатичная, вызывающая много нареканій, черта въ рѣчахъ Цицерона—это самовосхваленіе, оцѣнка, и весьма благосклонная, собственныхъ заслугъ. Въ его рѣчахъ постоянно напоминается про подвиги, про грозившія ему опасности. Заговоръ Катилины былъ неизсякаемымъ источникомъ, изъ котораго Цицеронъ черпалъ щедрою рукою похвалы своей особѣ. Вторая филиппика начинается съ заявленія, что въ последніе двадцать лѣтъ всякій врагъ государства объявлялъ немедленно войну Цицерону, и затѣмъ тотчасъ же слѣдуетъ напоминаніе о казни сообщниковъ Катилины. Эта черта характера ясно выражается вообще въ филиппикахъ, гдѣ, въ противоположность Демосфену, въ политическихъ рѣчахъ говорившему не о себѣ, а о государствѣ, о средствахъ отстоять и спасти отечество, все сводится, главнымъ образомъ, къ опроверженію личныхъ нападокъ Антонія на Цицерона и безпощаднѣйшему разбору дѣятельности и домашней жизни послѣдняго; вслѣдствіе этого рѣчи какъ бы представляютъ личный споръ между Цицерономъ и Антоніемъ объ ихъ достоинствахъ, заслугахъ, взаимныхъ обязательствахъ и отношеніяхъ. Но и въ этомъ случаѣ можно сказать въ защиту Цицерона, что если онъ много говоритъ о себѣ, то онъ и сдѣлалъ достаточно, для того чтобы извинить его тщеславіе, въ особенности въ старости, въ послѣдніе дни его жизни, поддерживаемое и обстоятельствами: тогда Цицеронъ былъ первымъ и вліятельнымъ членомъ сената, могъ смотрѣть на себя, какъ на руководителя республики.

Къ числу существенныхъ недостатковъ Цицерона принадлежитъ чрезмѣрная живость его характера, иногда граничившая съ легкомысліемъ, стремленіе блеснуть удачнымъ каламбуромъ побѣждало въ немъ нерѣдко требованія благоразумія и осмотрительности. Цицеронъ пользовался для проявленія своего юмора всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, не обращая вниманія на то, кого онъ задѣваетъ, друзей или противниковъ. Въ его остротахъ главная цѣль не оскорбить или осмѣять кого-либо, а скорѣе показать свое искусство и умѣнье

(а послѣднія были очень велики), и посмѣяться; между тѣмъ это свойство Цицерона создавало массу обиженныхъ имъ и личныхъ враговъ среди всѣхъ партій. Цицерону не прощали его злоязычія, имѣвшаго въ древности большой успѣхъ, такъ что издавались даже сборники остротъ Цицерона, не всегда удачныхъ съ нашей точки зрѣнія, но въ иныхъ случаяхъ весьма ядовитыхъ и мѣткихъ. Въ біографіи Цицерона, написанной Плутархомъ, собрано довольно много образчиковъ его остроумія. Однажды Крассъ замѣтилъ, что никто изъ его рода не жилъ долѣе 60 лѣтъ; потомъ онъ отказался отъ своихъ словъ, ссылаясь на то, что ему не для чего было говорить этого. «Ты зналъ, — возразилъ ему Цицеронъ, что римлянамъ это будетъ пріятно слышать, и старался заискать у нихъ». Нѣкто Публій Конста, не имѣя ни знаній, ни таланта, считалъ себя юристомъ; Цицерону пришлось вызвать его въ качествѣ свидѣтеля, Конста заявилъ, что ничего не знаетъ. «Ты думаешь, вѣроятно, что тебя спрашиваютъ о законахъ»,—сказалъ ему раздосадованный Цицеронъ. Когда въ лагерѣ Помпея послѣ пораженія, кто-то въ видѣ утѣшенія указалъ какъ на хорошее предзнаменованіе на то, что у нихъ осталось семь орловъ, Цицеронъ возразилъ ему: «Твое утѣшеніе было бы прекрасно, если бы вели войну съ галками». (Плутархъ. Сравнительныя Жизнеописанія, перев. В. Алексѣева, т. VIII, стр. 69 и слѣд.).

Сравнивая Цицерона съ Демосфеномъ, я указалъ на значеніе неустойчивости его мнѣній, отсутствіе способности вѣрить и идти, не отступая, разъ выбранной дорогой — признаковъ глубокаго и сильнаго характера и желѣзной воли. Цицеронъ жилъ въ эпоху разложенія и паденія, когда скептицизмъ охватилъ верхніе слои римскаго общества; онъ не относился къ слову съ такимъ уваженіемъ, какъ Демосфенъ. Избалованный успѣхами, знакомый съ человѣческими слабостями, изучившій закулисную сторону тогдашняго ораторскаго искусства, Цицеронъ сознательно позволялъ себѣ злоупотреблять своими силами, самъ забавлялся эффектомъ своихъ словъ и рѣчей, разсчитанно пользуясь для этого реторическими правилами. Оттого нѣкоторыя части его рѣчей, особенно политическихъ

(болѣе слабыхъ) отличаются многословіемъ, реторичностью, отсутствіемъ истиннаго чувства. «На этотъ разъ, пишетъ онъ, напр., Аттику по поводу одной рѣчи, я употребилъ весь ящикъ съ духами Исократа и даже коробочки его учениковъ». «Если я когда-либо призывалъ себѣ на помощь періоды, энтимемы, метафоры.... такъ именно тутъ, я уже не говорилъ, а просто кричалъ».... пишетъ онъ въ другомъ письмѣ къ Аттику (Буассье, Цицеронъ и его друзья, стр. 125 и слѣд.). Естественно, такое отношеніе къ дѣлу должно было отразиться и отражалось дурно на рѣчахъ Цицерона и на его репутаціи, но это бывало въ исключительныхъ случаяхъ; въ судебныхъ рѣчахъ, въ которыхъ опять-таки въ противоположность Демосфену, лучше всего проявился геній Цицерона, этотъ недостатокъ чувствуется мало. Еще Руссо сдѣлалъ замѣчаніе, что Демосфенъ—ораторъ, Цицеронъ—адвокатъ; съ этимъ замѣчаніемъ можно согласиться, нисколько не умаляя славы Цицерона, вполнѣ законно сохраняющаго названіе великаго оратора.

Цицерона упрекаютъ еще въ недостаткѣ мужества, принимая за трусость его постоянныя колебанія и нерѣшительность, но это можетъ быть объяснено иначе: характеромъ Цицерона и обстоятельствами его времени. Отрицать его мужество было бы несправедливо; припомнимъ, что въ процессѣ Росція онъ выступилъ, когда молчали другіе, подвергая себя не малой опасности противодѣйствіемъ вліятельному вольно-отпущеннику всемогущаго Суллы. Онъ не побоялся начать рѣчь съ нападенія на грознаго противника: «Вы видите,— сказалъ онъ, толпу знаменитыхъ ораторовъ, хранящихъ молчаніе.... они всѣ говорятъ, что нужно разрушить неслыханный заговоръ, направленный противъ Секста; но они не рѣшаются сдѣлать этого, такъ какъ знаютъ, что въ наши несчастные дни наказываютъ мужество добродѣтели; они явились въ мѣсто засѣданія потому, что таковъ долгъ ихъ профессіи, они хранятъ молчаніе, чтобы избѣжать опасности». И впослѣдствіи Цицеронъ не отказывался отъ защиты своихъ друзей ни передъ народомъ, ни передъ Цезаремъ: «Вы обвиняете меня,—со спокойной гордостью замѣчаетъ онъ въ рѣчи за Рабирія, въ томъ, что я часто спасаю отъ осужденія государственныхъ преступниковъ». Когда

противники обвиняемаго подняли сильный шумъ въ томъ мѣстѣ рѣчи, гдѣ Цицеронъ призналъ согласнымъ съ правомъ и общественнымъ благомъ убійство мятежника, въ которомъ обвинялся его кліентъ, Цицеронъ не смутился, но, напротивъ, продолжалъ: «да я бы благодарилъ боговъ, если бы могъ сказать, что Рабирій своей рукой убилъ врага римскаго народа. Что мнѣ за дѣло до криковъ! Они не смутятъ меня, напротивъ, придадутъ мнѣ мужество. Вѣрьте мнѣ, что никогда бы римскій народъ. .. не сдѣлалъ меня консуломъ, если бы считалъ меня способнымъ смутиться отъ этихъ тщетныхъ криковъ.... Какъ! они уже стихаютъ. прекращаются, отчего же вы не остановили въ самомъ началѣ эти слабые голоса, свидѣтельствующіе только о своей малочисленности и глупости?»

Правда, мужество измѣнило однажды Цицерону, во время защиты Милона; но видя тогда форумъ, занятый вооруженными солдатами Помпея, въ намѣреніяхъ котораго ораторъ имѣлъ основанія сомнѣваться, онъ самъ сознается въ своемъ страхѣ и объясняетъ его причины: «Можетъ быть стыдно,— говоритъ онъ, поддаваться боязни, начиная говорить за самаго смѣлаго изъ людей ... но я сознаюсь, что обстановка новаго суда пугаетъ мои взгляды, которые, куда бы я ихъ ни направилъ, поражаются необычайнымъ зрѣлищемъ.... стражи, разставленной повсюду, хотя назначенной для предупрежденія безпорядковъ, однако устрашающей своимъ видомъ оратора.... хорошо говорить, что они полезны и даже необходимы для безопасности.... все-таки трудно удержаться отъ впечатлѣнія страха». Цицеронъ не былъ солдатомъ, не участвовалъ въ открытой борьбѣ, и предстоящая возможность ея могла подѣйствовать на его нервы,—это еще не дѣлало его трусомъ.

Наиболѣе широкое поле для нападеній представляетъ государственная дѣятельность Цицерона, игравшаго замѣтную роль въ республикѣ, имѣвшаго вліяніе въ сенатѣ и въ народномъ собраніи, прошедшаго всѣ служебныя ступени и почести, даваемыя римскимъ народомъ. Несомнѣнно, Цицерона одушевляли благородныя намѣренія, онъ мечталъ о благодарности современниковъ и безсмертіи въ потомствѣ. Отстаивая Марія отъ взводимыхъ на него обвиненій, онъ указывалъ, «что всякій

работаетъ на благо государства, въ надеждѣ на память въ потомствѣ.... непобѣдимое чувство переноситъ надежды (великихъ людей) на далекое будущее, обѣщаетъ въ награду за добродѣтель безсмертіе», но эти намѣренія не имѣли строго опредѣленной формы; у Цицерона не было своей программы; онъ хотѣлъ охранить римскую республику и до конца оставался вѣренъ республиканскимъ идеаламъ, но у него не было, какъ выше говорилось, достаточной силы духа и вѣры въ свое дѣло, онъ не любилъ борьбы, хотѣлъ спокойно наслаждаться благами жизни, что въ его время было невозможно. Республиканскія учрежденія сохранились больше по имени; одна военная диктатура смѣнялась другой, участь государства зависѣла отъ борьбы личныхъ честолюбій; слова, убѣжденія ничего не значили, все рѣшало оружіе. Марій, Сулла, Помпей, потомъ Цезарь были вершителями судебъ республики. Партіи ожесточенно боролись другъ съ другомъ, смерть и изгнаніе, потеря имущества были участью побѣжденныхъ. Побѣдители не слишкомъ много стѣснялись законностью своихъ дѣйствій. Каждая партія желала завладѣть Цицерономъ, пріобрѣсти его услуги, воспользоваться его авторитетомъ: напр., при столкновеніи Цезаря и Помпея оба вождя настойчиво приглашали Цицерона въ свой лагерь, нужно было сдѣлать выборъ, примкнуть къ кому-нибудь рѣшительно и безповоротно. Цицеронъ не обладалъ характеромъ Брута или Катона, и никакъ не могъ сдѣлать этого выбора. Въ силы республиканской партіи онъ мало вѣрилъ, честолюбивые планы Помпея и Цезаря, едва ли могли быть для него симпатичны. Среди постоянныхъ сомнѣній и колебаній Цицеронъ оказался въ самомъ затруднительномъ положеніи. Всѣ его дѣйствія вызывали неудовольствіе: «Если я говорю, жалуется онъ Аттику, согласно моимъ убѣжденіямъ, меня считаютъ безумцемъ, если я дѣйствую въ своихъ интересахъ—меня обвиняютъ въ рабскихъ наклонностяхъ; если я молчу, говорятъ, что я трушу». И Цицеронъ выбралъ путь самый неудобный въ то время, но сообразный съ его характеромъ: онъ старался примирить враждующіе элементы, образовать союзъ умѣренныхъ и при ихъ помощи спасти республику; но умѣренность, драгоцѣнное качество въ подготовитель-

ной стадіи, совершенно безполезна, когда началась открытая борьба, и когда прежде всего нужны смѣлость, энергія и быстрота дѣйствій. Когда дѣло Помпея было проиграно, Цицеронъ рѣшилъ удалиться отъ общественной дѣятельности, въ видахъ личной безопасности примирившись съ Цезаремъ; но ему пришлось отказаться отъ этихъ плановъ и выступить въ защиту ствоихъ друзей, враговъ диктатора. Главнымъ образомъ для ихъ спасенія Цицеронъ въ защитительныхъ рѣчахъ рѣшился льстить Цезарю и восхвалять его милосердіе и кротость, что, впрочемъ, было согласно съ дѣйствительностью, такъ какъ Цезарь обходился сравнительно очень мягко со своими врагами. «Послѣ долгаго молчанія».... началъ Цицеронъ свою рѣчь въ защиту Марцелла, «я выступаю сегодня съ рѣчью, сенаторы, чтобы также свободно, какъ всегда, выразить свои чувства и мысли. Свидѣтель столь рѣдкой доброты, столь удивительнаго и необычайнаго милосердія, умѣренности столь совершенной въ неограниченной власти, чудесной и почти божественной мудрости, къ чему я сталъ бы долѣе молчать? Да, мнѣ казалось, что Цезарь, возвращая Марцелла республикѣ и сенату, возвратилъ слово ему и мнѣ, возвратилъ авторитетъ вамъ и республикѣ». Но этотъ способъ дѣйствія былъ только приспособленіемъ къ обстоятельствамъ, бороться съ которыми Цицеронъ считалъ безполезнымъ.

Смуты по смерти Цезаря снова бросили его въ пучину партійной борьбы. Республиканская партія подняла голову, вождемъ ея въ Римѣ оказался Цицеронъ, имя котораго Брутъ провозгласилъ надъ трупомъ диктатора. На этотъ разъ Цицеронъ не колебался. Онъ былъ увлеченъ борьбой и успѣхомъ и, несмотря на свой преклонный возрастъ, выказалъ чисто юношеское увлеченіе, открыто ставъ на защиту республики. «Онъ сдѣлался,—замѣчаетъ Буассье, гораздо живѣе и свободнѣе прежняго.... ни одинъ изъ окружающихъ его молодыхъ людей не выказываетъ столько рѣшимости, сколько онъ самъ». Въ это время Цицеронъ впалъ въ крупную ошибку, возвысивъ Октавія и облегчивъ ему возможность уничтожить республику, но великій ораторъ не былъ глубокимъ государственнымъ дѣятелемъ, и не его вина, что онъ дѣйствовалъ, какъ умѣлъ,

когда судьба возложила на него несоотвѣтствующее его силамъ бремя—охрану разрушающейся республики; онъ не былъ Атлантомъ, способнымъ поддержать эту громаду, но честно погибъ подъ ея развалинами.

Соображая всѣ хорошія и дурныя стороны личности и дѣятельности Цицерона, можно сказать, что онъ былъ великій адвокатъ и честный человѣкъ, по мѣрѣ силъ и возможности служившій отечеству, старавшійся всегда выполнить то, что онъ считалъ своимъ долгомъ. Это понимали и современники, на глазахъ которыхъ проходила жизнь Цицерона. Онъ пользовался громадной популярностью въ высшихъ и низшихъ слояхъ римскаго населенія; его справедливость и честность среди всеобщей продажности и безнравственности доставляли ему расположеніе и въ провинціяхъ; въ Сициліи и Киликіи о немъ остались наилучшія воспоминанія. Два раза, — послѣ уничтоженія заговора Катилины и подъ конецъ его жизни, послѣ побѣды войскъ республики надъ Антоніемъ, — сенатъ и народъ выражали ему свою признательность, какъ спасителю отечества. Его изгнаніе по проискамъ Клодія (длившееся 16 мѣсяцевъ) вызывало общія сожалѣнія, пока, наконецъ, поддерживаемый Помпеемъ, сенатъ рѣшилъ не издавать никакихъ законовъ и не заниматься государственными дѣлами до возвращенія Цицерона. Его встрѣчали всѣ города Италіи, все населеніе Рима вышло ему на встрѣчу, «казалось, что весь городъ сорвался съ своихъ основъ, чтобы привѣтствовать меня», говоритъ Цицеронъ, вспоминая этотъ счастливый день своей жизни. Такая любовь и популярность не даются даромъ и могутъ служить краснорѣчивымъ отвѣтомъ порицателямъ великаго оратора. «Если сопоставить, говоритъ Титъ Ливій, оцѣнивая жизнь и дѣятельность Цицерона, его добродѣтели и пороки, то слѣдуетъ признать, что онъ былъ великимъ человѣкомъ, сильной и возвышенной душой, достойной вѣчной памяти».

III.

Ознакомленіе съ рѣчами Цицерона лучше всякихъ разсужденій можетъ показать, насколько основательны были пох-

валы, расточаемыя его таланту. Если онѣ и теперь способны заинтересовать и увлечь читателя, то само собой разумѣется, что эффектъ, производимый ими на слушателей, былъ въ нѣсколько разъ сильнѣе. Напечатанная рѣчь оратора теряетъ половину своего значенія и силы, приходится многое дополнять и дорисовывать, чтобы возстановить въ истинномъ свѣтѣ образъ оратора и по блѣдной копіи дать надлежащее понятіе объ оригиналѣ.

Вступленія Цицерона состоятъ изъ общихъ разсужденій, постепенно вводящихъ слушателей въ намѣренія и взгляды оратора, или въ указаніи на выдающіяся особенности дѣла и связанныя съ ними событія. Цицеронъ не жалѣетъ красокъ и словъ уже въ началѣ рѣчи, онъ не держится простоты Демосфена, его привлекаютъ яркія, красивыя картины. «Вы спаслись, римляне, начинаетъ онъ третью рѣчь противъ Катилины, отъ гибели угрожавшей вамъ: ваше имущество, вы сами, ваши жены, ваши дѣти не будутъ добычей яростнаго врага; республика еще существуетъ... Этотъ столь знаменитый и цвѣтущій городъ спасенъ отъ огня и меча, почти вырванъ изъ рукъ суровой судьбы; сохраненъ и возвращенъ вамъ сегодня.»

Цицеронъ не упускалъ также случая во вступленіи уже расположить въ свою пользу судей, заставить ихъ благосклонно отнестись къ рѣчи и доводамъ; таково вступленіе первой рѣчи противъ Верреса: «Судьи, вы можете сегодня разсѣять ненависть, внушаемую патриціями и снять поношеніе съ судовъ; я приписываю милости боговъ, но не обстоятельствамъ, этотъ счастливый случай, котораго всѣ желали: вы знаете, какія позорящіе для васъ и государства слухи ходятъ въ Римѣ и за его предѣлами; громко говорятъ, что наиболѣе виновный человѣкъ не осуждается, если онъ богатъ.» И затѣмъ указываетъ, что въ дѣлѣ Верреса, богатаго сановника, уже осужденнаго общественнымъ мнѣніемъ, судьи могутъ и должны поступить по справедливости, такъ какъ это необходимо съ политической точки зрѣнія. Подобный пріемъ, непозволительный въ наше время, въ процессахъ, въ которыхъ не замѣшаны партійныя страсти, былъ очень понятенъ въ

Римѣ въ то время, когда судъ надъ вліятельными членами какой либо партіи могъ легко свестись къ личнымъ счетамъ и предубѣжденіямъ.

Богатство стиля въ рѣчахъ Цицерона особенно отражается на обиліи и разнообразіи общихъ мѣстъ и отступленій, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отводящихъ оратора отъ главной нити его разсужденій. Обыкновенно общія мѣста служатъ Цицерону для обоснованія какой либо части его аргументаціи. Такимъ характеромъ отличается извѣстное общее мѣсто о необходимой оборонѣ въ рѣчи за Милона: «Есть, римляне, не писанный законъ, но рожденный съ нами, который мы не изучали, не получали и не читали, но который мы почерпнули, вдохнули, всосали въ себя на лонѣ природы, законъ который касается не нашихъ нравовъ, но нашего существованія... онъ требуетъ, этотъ законъ, чтобы всякое средство защиты было признано законнымъ, если нашей жизни грозитъ насиліе, если она подвергается нападенію разбойника или врага, потому что законы смолкаютъ при шумѣ оружія; они не требуютъ, чтобы ждали ихъ помощи, если тотъ, кто желалъ бы ихъ защиты, можетъ пасть жертвой несправедливости до полученія законнаго покровительства.»

Иногда общія разсужденія и сентенціи предназначаются для склоненія судей къ большей снисходительности, переходятъ въ обращеніе къ благоразумію и милосердію. Въ той же рѣчи за Милона, желая пріобрѣсти поддержку Помпея, Цицеронъ обратилъ его вниманіе на измѣнчивость судьбы, непрочность человѣческаго величія: «Посмотри, великій Помпей, посмотри насколько измѣнчива и неустойчива сцена міра, насколько счастье непостоянно и непрочно, насколько друзья маловадежны... Придетъ день, когда при одномъ изъ переворотовъ, слишкомъ частыхъ у насъ... ты пожалѣешь, быть можетъ, о самомъ вѣрномъ другѣ, самомъ храбромъ человѣкѣ, самомъ твердомъ характерѣ.»

Я уже упоминалъ о наклонности Цицерона съ юмору, о томъ, что этотъ юморъ вызывался желаніемъ посмѣяться и пошутить, былъ, по большей части. чуждъ злостности. Комическій элементъ, легкая насмѣшка постоянно встрѣчаются въ

рѣчахъ Цицерона, въ судебныхъ и политическихъ, иногда въ самые важные моменты. Напр. въ разгаръ борьбы съ Катилиной Цицеронъ рекомендуетъ заговорщикамъ оставитъ Римъ и послѣдовать за вождемъ «чтобы онъ не тосковалъ и не высохъ со скуки по нимъ.» Цицеронъ не отказывался отъ юмора и въ рѣчахъ, гдѣ требовалась большая сдержанность, борьба шла съ серьезными и достойными уваженія противниками. Напр. Катонъ обвинялъ Мурену въ избирательной агитаціи недозволенными закономъ средствами; Цицеронъ, обращая все обвиненіе въ шутку, сводя его къ обычнымъ, признаваемымъ практикой пріемамъ кандидатовъ, представилъ обвиненіе, какъ результатъ увлеченія Катона стоицизмомъ и, не щадя обвинителя, въ комическомъ видѣ изобразилъ и ученіе стоиковъ и мотивы, побудившіе Катона выступить обвинителемъ: «Былъ геніальный философъ Зенонъ... онъ училъ, что мудрецъ не долженъ подчиняться никакому авторитету, никогда не прощать ошибокъ... такое же зло убить курицу безъ необходимости, какъ задушить собственнаго отца; мудрецъ ни въ чемъ не сомнѣвается, не раскаивается... по этимъ правиламъ Катонъ дѣйствуетъ въ данномъ дѣлѣ. «Я объявилъ въ сенатѣ, что обвиню кандидата»—Ты сказалъ это въ гнѣвѣ? «Нѣтъ, мудрецъ никогда не сердится.»... Перечисливъ затѣмъ, якобы примѣненныя Катономъ къ дѣлу Мурены, положенія стоической философіи, Цицеронъ приглашаетъ его къ большей умѣренности и снисходительности, приводя въ примѣръ другаго стоика Туберона, который благодаря не во время проявленному философскому принципу простоты и воздержанія, слишкомъ скупо угостилъ на похоронахъ Сципіона Африканскаго народъ, за что потерялъ его расположеніе и не могъ получить даже преторства. Какъ извѣстно, Катонъ, слушая рѣчь защитника Мурены, ограничился пренебрежительнымъ замѣчаніемъ: «какой шутникъ у насъ консулъ».

Юморъ давалъ Цицерону средства опровергнуть утвержденія противника въ тѣхъ случаяхъ, когда они были шатки, и ораторъ могъ довольствоваться тѣмъ, что въ комическихъ чертахъ развивалъ предположенія, высказанныя противникомъ, и тѣмъ ясно доказывалъ ихъ несостоятельность. Въ дѣлѣ ак-

тера Росція противная сторона утверждала, что свидѣтель Клувій далъ ложное показаніе о полученіи значительной денежной суммы однимъ участникомъ процесса. Для того чтобы разбить это бездоказательное заявленіе, Цицеронъ рисуетъ цѣлую картину самаго процесса предполагаемаго склоненія Росціемъ Клувія ко лжесвидѣтельству. Изображаетъ, какъ Росцій, лично незнакомый съ Клувіемъ, состоятельнымъ человѣкомъ, пользующимся хорошей репутаціей, отправляется къ нему и, поздоровавшись, сладкимъ голосомъ проситъ его оказать услугу, солгать передъ судомъ. «Клувій безъ сомнѣнія, заканчиваетъ Цицеронъ, отвѣтилъ: я съ удовольствіемъ солгу изъ любви къ тебѣ... стану лжесвидѣтельствовать, если тебѣ въ этомъ есть выгода; я готовъ, не нужно было даже приходить ко мнѣ—ты просишь такого пустяка, что довольно было бы написать письмо»: Но ни въ одной рѣчи Цицеронъ не пользовался юморомъ въ такой степени, какъ въ рѣчи по дѣлу Целія, обвиненнаго въ покушеніи на отравленіе своей бывшей возлюбленной, знатной римской дамой, не отличавшейся строгостью нравовъ и, вдобавокъ, принадлежащей къ враждебной Цицерону фамиліи Клодія. Обвиненіе было употреблено лишь какъ средство мести и было опаснымъ не по силѣ представленныхъ доказательствъ, а по самому характеру, приписываемаго подсудимому преступленія, строго каравшагося римскими законами. Поэтому при обсужденіи доказательствъ и характера противниковъ Цицеронъ далъ просторъ своему остроумію; въ заключеніе же онъ перешелъ въ патетическій тонъ и, чтобы сохранить за собой симпатію судей, составилъ его въ выраженіяхъ обычныхъ для дѣлъ подобнаго рода. Защищая Целія, Цицеронъ въ словахъ и картинахъ, нѣсколько шокирующихъ современныя понятія о приличіи и сдержанности, обрисовалъ Клодію и ея образъ жизни безъ всякой пощады, предварительно, впрочемъ, извинившись передъ нею за предстоящія нападенія и пообѣщавъ возможную, совмѣстную съ долгомъ защитника, сдержанность, потому что онъ (Цицеронъ) никогда не старался быть врагомъ женщинъ, особенно тѣхъ, которыя очень любятъ мужчинъ. Обвиненіе утверждало, что Целій, подкупивъ раба Клодіи, поручилъ своему другу Лицинію пере-

редать отраву подкупленному рабу въ общественныхъ баняхъ; рабъ донесъ госпожѣ, и Лициній попался въ ловушку, началъ передавать отраву при спрятавшихся въ ваннѣ двухъ свидѣтеляхъ. Цицеронъ разбиваетъ это обвиненіе, указывая, что для передачи не зачѣмъ было выбирать общественныхъ бань, что свидѣтели не могли спрятаться тамъ въ одеждѣ, что въ одеждѣ ихъ не пропустили бы туда, если только не предположить, что Клодія успѣла пріобрѣсти особое расположеніе хозяина бань. «Я ожидалъ съ нетерпѣніемъ услышать имена этихъ честныхъ людей... но оставимъ разговоръ объ ихъ мужествѣ и благоразуміи... они спрятались въ ванну... Лициній пришелъ, въ рукѣ у него былъ ящикъ, онъ началъ передавать его рабу... онъ еще не передалъ его, когда почтенные свидѣтели безъ имени бросились на него. Лициній, протянувшій уже руку съ ящикомъ, отдернулъ ее... и обратился въ бѣгство... Весь этотъ фарсъ, поставленный старой комедіанткой... былъ разыгранъ очень дурно... почему армія, состоящая въ распоряженіи этой женщины, дозволила ускользнуть Лицинію? Нѣтъ ни доказательствъ ни правдоподобія въ дѣлѣ... Я жду все-таки этихъ свидѣтелей. Да, мое сердце дрожитъ отъ нетерпѣнія познакомиться съ этими молодыми франтами... храбрыми людьми, помѣщенными ихъ предводительницей въ ваннѣ. Я спросилъ бы ихъ, какъ это они спрятались? Была ли для нихъ ванна троянскимъ деревяннымъ конемъ, въ которомъ сидѣли эти герои, вооруженные за дѣло женщины?» Преувеличенное пользованіе юморомъ вредитъ, однако, только немногимъ рѣчамъ Цицерона, въ другихъ, напротивъ, комическій элементъ является у него сильнымъ оружіемъ, уничтожающимъ доводы противника.

Цицеронъ обладаетъ громаднымъ запасомъ словъ и выраженій, въ его рѣчахъ чувствуется замѣчательная непринужденность стиля; видно, что ораторъ не затруднялся пріисканіемъ словъ, и это свойство краснорѣчія Цицерона повело къ нѣкоторой, если возможно такъ выразиться, роскоши стиля, иногда доходящей до вычурности, вслѣдствіе массы эпитетовъ и реторическихъ фигуръ. Цицеронъ не всегда соблюдаетъ собственныя правила, набрасываемыя имъ въ діалогахъ объ ора-

торѣ (одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній Цицерона, не безполезномъ и для современнаго оратора), объ умѣренности въ украшеніяхъ рѣчи. Примѣры этому не трудно найти въ рѣчахъ Цицерона, я ограничусь однимъ. Во второй рѣчи противъ Катилины Цицеронъ сопоставляетъ обѣ стороны заговорщиковъ и защитниковъ существующаго порядка въ слѣдующихъ пышныхъ выраженіяхъ: «Въ этой войнѣ съ одной стороны сражается скромность, съ другой стороны — наглость, у насъ мудрая умѣренность, у враговъ—самая отвратительная распущенность; здѣсь прямота — тамъ ложь, здѣсь благочестіе—тамъ преступленіе, здѣсь твердость — тамъ увлеченіе; здѣсь честь — тамъ безчестіе, здѣсь мудрость — тамъ страсть. Наконецъ, справедливость, сдержанность, мужество, благоразуміе, всѣ добродѣтели борются противъ несправедливости, разврата, низости, дерзости, противъ всѣхъ пороковъ». Какъ бы ни была настроена аудиторія, обиліе такихъ мѣстъ, выражающихъ одну мысль множествомъ словъ, дѣлаетъ подъ конецъ рѣчь утомительной для слушателей; самая искренность оратора можетъ быть легко заподозрѣна, а это отразится и на результатѣ рѣчи. Точно также Цицеронъ переходитъ за предѣлы и въ характеристикѣ Катилины въ той же рѣчи: «Есть ли въ Италіи, говоритъ онъ, отравитель, гладіаторъ, разбойникъ, убійца, отцеубійца, поддѣлыватель, развратникъ, сводникъ, расточитель, соблазнитель, проститутка, развратитель юношества, испорченный человѣкъ, наконецъ, злодѣй, которые не признались бы въ томъ, что жили съ Катилиной въ самой большой пріязни»? Далѣе продолжается въ томъ же родѣ. Какъ бы ни былъ черенъ Катилина, все-таки можно было ограничиться меньшимъ количествамъ словъ, безъ вреда для общаго тона характеристики.

Въ приведенныхъ отрывкахъ ораторъ какъ бы выказываетъ богатство своего слога и знаніе реторическихъ пріемовъ, но дѣлаетъ это съ превышеніемъ должной мѣры, въ ущербъ дѣйствительной красотѣ и силѣ своей рѣчи. Негодованіе, близкая опасность, увлеченіе борьбы могутъ лишь отчасти объяснить образъ дѣйствій Цицерона, въ этомъ отношеніи рѣчи Демосфена выгодно отличаются сдержанностью и тактичностью

оратора. Наклонность къ реторическимъ эффектамъ проявляется у Цицерона въ употребленіи извѣстныхъ, шаблонныхъ пріемовъ, какъ напр. упоминаніе о богахъ и обращеніе къ нимъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Цицеронъ не раздѣлялъ вѣры народа въ ея грубыхъ формахъ, между тѣмъ, напр въ рѣчахъ противъ Катилины онъ съ чрезвычайной подробностью распространяется о знаменіяхъ и предсказаніяхъ, съ необыкновеннымъ вниманіемъ разсказываетъ о передвиженіи статуи Юпитера, связывая его съ открытіемъ противогосударственнаго заговора. Въ филиппикѣ онъ возражаетъ противъ празднествъ въ честь Цезаря, какъ мѣры, могущей вызвать гнѣвъ боговъ. И здѣсь, по всей вѣроятности, забота о внѣшней формѣ взяла верхъ, и ораторъ высказывалъ не то, что онъ дѣйствительно думалъ, а что могло подѣйствовать на суевѣрныхъ слушателей, но это ужъ слишкомъ argumentum ad hominem.

Такимъ образомъ самый характеръ дарованій Цицерона вызываетъ въ нѣкоторыхъ рѣчахъ преобладаніе формы надъ содержаніемъ; правда, эта форма красива, въ ней сказывается великій мастеръ, она нравилась и нравится слушателямъ и читателямъ, но при громадномъ талантѣ Цицеронъ могъ и умѣлъ и безъ такихъ пріемовъ достигать своихъ цѣлей сочетаніемъ безукоризненной формы съ прекраснымъ содержаніемъ, глубоко одушевляться своими убѣжденіями и идеалами и отстаивать то, что онъ считалъ достойнымъ защиты и похвалы.

Неудивительно, что при разсмотрѣнныхъ особенностяхъ стиля Цицерона, совершенство котораго признается даже Момсеномъ, изложеніе событій въ его рѣчахъ приковываетъ вниманіе слушателей, отличается яркостью красокъ и образностью. Вотъ напр. изложеніе момента убійства Клодія: «Въ пять часовъ вечера, или около этого, Милонъ встрѣчаетъ Клодія, который находится передъ дверьми дачи. Тотчасъ толпа вооруженныхъ людей бросается на него (Милона) съ возвышенности. Они окружаютъ повозку и убиваютъ кучера. Милонъ высвобождается изъ своего плаща, выскакиваетъ изъ экипажа и мужественно защищается. Спутники Клодія обнажаютъ мечи; одни нападаютъ на Милона сзади, другіе, считающіе его мертвымъ, бьютъ подоспѣвшихъ рабовъ. Послѣд-

ніе, вѣрные слуги, полные усердія и мужества или погибли, защищая господина, или видя, что центръ боя у повозки, что имъ мѣшаютъ идти на помощь, слыша, что Клодій самъ кричитъ о смерти Милона и думая, что это правда... я разскажу все какъ происходило, не имѣя намѣренія уходить отъ обвиненія: рабы Милона безъ приказанія ихъ господина, безъ его вѣдома, внѣ его присутствія сдѣлали то, что каждый изъ насъ желалъ бы видѣть сдѣланнымъ для себя въ подобныхъ обстоятельствахъ». Здѣсь Цицеронъ съ большой осторожностью передаетъ обстоятельства происшествія, поведшаго къ сильному обостренію между партіями. Картина получается вполнѣ естественная и правдоподобная: ораторъ ничего не обходитъ и ничего не скрываетъ. Въ послѣднихъ словахъ, избѣгая самого термина убійство, чтобы не возбудить волненія слушателей, онъ доканчиваетъ свой разсказъ въ описательныхъ выраженіяхъ. Изложенія Цицерона не уступаютъ встрѣчающимся въ рѣчахъ Демосфена, они только отличаются отъ послѣднихъ большею субъективностью оратора, въ нихъ попадается изложеніе его чувствъ и настроеній; разсказъ нерѣдко становится патетическимъ, перемѣшивается съ общими мѣстами. То же самое въ нападеніяхъ и характеристикахъ: напр. въ рѣчи за Клуенція, Цицеронъ такъ рисуетъ дѣятельность его матери: «она собрала и заставила говорить свидѣтелей противъ сына; все ея имущество, богатство предназначены для этой прекрасной цѣли. Наконецъ, чтобы погубить своего сына, она ѣдетъ изъ Ларинума, или скорѣе летитъ въ Римъ; смѣлая, богатая, жестокая, она вездѣ успѣваетъ, во все вмѣшивается».

Превосходный стилистъ, Цицеронъ былъ опытнымъ и ловкимъ діалектикомъ. Доказательства въ его рѣчахъ группируются очень искусно: все взвѣшивается и обсуждается, ораторъ смѣло идетъ на встрѣчу противнику и самъ разсматриваетъ опасные для него пункты. Впечатлѣніе аргументаціи поддерживается и усиливается всѣми реторическими средствами, паѳосомъ и ироніей. Ораторъ внимательно изучаетъ личность участниковъ процесса, изслѣдуетъ мотивы и причины ихъ дѣйствій, въ этомъ отношеніи адвокатскія рѣчи Цицерона стоятъ очень высоко.

Цицеронъ также часто, какъ къ юмору, прибѣгалъ и къ паѳосу, особенно въ заключеніяхъ, гдѣ онъ согласно съ обычаями, установившимися въ римскихъ судахъ, не жалѣлъ усилій, чтобы перетянуть на свою сторону расположеніе и милосердіе судей. Заключенія его рѣчей поэтому обыкновенно не имѣли непосредственной связи съ дѣломъ. Въ нихъ говорилось, главнымъ образомъ, о семьѣ обвиняемаго, о немъ самомъ объ его заслугахъ отечеству, характерѣ; иногда Цицеронъ прибѣгалъ къ личному вліянію на судей, умоляя объ оправданіи изъ расположенія къ нему. Патетическое настроеніе достигало здѣсь высшей степени. Такъ, кончая рѣчь за Планція, Цицеронъ умолялъ судей: «сдѣлайте такъ, чтобы я могъ исполнить обѣщаніе, даваемое мною столько разъ, потому что я на васъ разсчитывалъ... Ваши слезы, судьи, которыя смѣшиваются съ моими, мѣшаютъ мнѣ говорить дальше. Онѣ разсѣиваютъ мою боязнь. Да, я надѣюсь, что вы сдѣлаете для Планція то, что сдѣлали бы для меня». Слезами онъ закончилъ рѣчь и за Милона: «Кончимъ, говоритъ онъ, я чувствую, что слезы заглушаютъ мой голосъ, а Милонъ не позволяетъ мнѣ плакать. Все, что я прошу у васъ, римляне,... приговора согласнаго съ вашими истинными чувствами», и напоминаетъ, что ихъ усердіе будетъ вознаграждено не только народомъ, но и Помпеемъ. Заключенія такого характера считались бы неумѣстными въ настоящее время, когда въ процессахъ и на трибунѣ личное значеніе оратора не заслоняетъ его аргументовъ; во время Цицерона на форумѣ передъ судьями и народомъ, въ рукахъ котораго была кара и милость, они не вызывали ничьего удивленія, были вполнѣ нормальными и обычными.

IV.

Въ римской имперіи краснорѣчіе стало быстро падать и вырождаться въ безсодержательныя реторическія упражненія. Какъ ни была разнуздана борьба партій во время Цицерона, всетаки еще республиканскія учрежденія имѣли значеніе, форумъ былъ открытъ для оратора, выраженія: «сенатъ и рим-

скій народъ» не сдѣлались еще лишенной содержанія формулой. Имперія, по выраженію Тацита, «eloquentiam sicut omnia pacavit» (смирила краснорѣчіе, какъ все другое). Политическихъ рѣчей не было возможности произносить, да это и было бы безцѣльно: все рѣшалось въ совѣтахъ государя, его волею; разсужденія сената были пустой формальностью, противорѣчіе воли цезаря, высказываніе свободныхъ и независимыхъ мнѣній было немыслимо, могло навлечь на оратора самыя тяжелыя и непріятныя послѣдствія гнѣва властелина. Оставался судъ, но и здѣсь произошла постепенно перемѣна огромной важности: суды утратили характеръ народныхъ, съ форума они перешли въ закрытыя залы, изъ рукъ выборныхъ судей— въ руки должностныхъ лицъ. Адвокатская дѣятельность также измѣнилась. Исчезла необходимость говорить передъ большой аудиторіей, пріобрѣтать симпатію слушателей, чтобы, такимъ образомъ, достигнуть почетнаго положенія въ государствѣ, вмѣсто этого ораторы стали заботиться о клакерахъ, мнѣніемъ которыхъ дорожить не было надобности. Судьи-чиновники требовали иныхъ рѣчей, чѣмъ прежніе. Все, придававшее особый отпечатокъ рѣчамъ—общія мѣста, паѳосъ, иронія, все это стало теперь имѣющимъ мало значенія украшеніемъ рѣчи; успѣхъ дѣла зависѣлъ больше отъ практической ловкости и административныхъ связей адвоката.

Типичнымъ адвокатомъ того времени былъ Регулъ, мало талантливый, но работящій человѣкъ, добившійся высокаго положенія и богатства посредствомъ удачныхъ доносовъ въ царствованіе первыхъ римскихъ императоровъ. Содержаніе рѣчей стало также инымъ, чѣмъ прежде; нельзя было касаться общихъ вопросовъ, выходить за тѣсные предѣлы разсматриваемыхъ судомъ случаевъ; нападать было возможно только на тяжущихся. Понятно, что идейный уровень судебныхъ рѣчей не замедлилъ понизиться, предметомъ обсужденія стали ничтожныя мелочи обыденной жизни, личности и частные споры.

Другою сдѣлалась и подготовка, получаемая молодежью; прежняя имѣла замѣчательныхъ ораторовъ, государственныхъ дѣятелей, свиту которыхъ она составляла дома и на форумѣ; теперь было не у кого учиться; школы риторовъ, преподавав-

шія безжизненныя правила, скелетъ живаго искусства, ничего не давали взамѣнъ того, что было раньше. И въ нихъ трактовались, какъ темы для рѣчей, не имѣющіе значенія вопросы. Вниманіе обращали лишь на изложеніе; риторы и ихъ ученики старались превзойти другъ друга въ искусной комбинаціи словъ и выраженій, въ плавности періодовъ, въ умѣньи говорить не стѣсняясь и не затрудняясь; изысканная болтовня вытѣснила настоящее искусство. По свидѣтельству Тацита удачная мысль или выраженіе нерѣдко записывались, переходили изъ города въ городъ, отъ оратора къ оратору.

Высоко цѣнилось также умѣнье въ изобиліи украшать рѣчь цитатами изъ поэтовъ и писателей; ораторы жестикулировали какъ актеры, не стѣснялись парадоксами и безпорядочностью плана. Многорѣчивость сдѣлалась признакомъ оратора; рѣчи стали скучны и безсодержательны. Знатоки и цѣнители, замѣнившіе аудиторію, обращали вниманіе на искусные, причудливые обороты рѣчи, (напримѣръ, вмѣсто того, чтобы сказать ротъ, говорили: передняя души, дверь слова и т. п.). Для пресыщеннаго вкуса новой эпохи Цицеронъ казался устарѣвшимъ и неинтереснымъ, онъ былъ слишкомъ робокъ, не пользовался въ должной мѣрѣ эффектами и украшеніями; находили, что онъ «медлителенъ во вступленіяхъ, многорѣчивъ въ изложеніи, увлекается отступленіями, недостаточно поддается чувству», его рѣчи сравнивали «со стѣной грубаго зданія: она крѣпка и прочна, но мало отполирована и блестяща».

Адвокатская этика раздѣлила судьбу краснорѣчія: нажива сдѣлалась лозунгомъ адвокатовъ; нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, Марцеллъ Эприй и Вибій Криспъ имѣли состояніе въ 300 милл. сестерцій; о богатствѣ адвокатовъ говоритъ и Тацитъ въ своемъ діалогѣ объ ораторахъ и причинахъ упадка краснорѣчія. Единственнымъ отраднымъ исключеніемъ изъ толпы корыстолюбивыхъ и продажныхъ адвокатовъ и риторовъ, является Плиній Младшій, талантливый ораторъ, который велъ дѣла безкорыстно и добросовѣстно и пользовался большимъ уваженіемъ со стороны современниковъ; стиль его рѣчей вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ его времени: Плиній говоритъ

изысканно и реторично. Другимъ ораторомъ, заслуживающимъ упоминанія, былъ Квинтиліанъ, оставившій хорошее руководство къ ораторскому искусству. Судьба сдѣлала его придворнымъ и хвалителемъ Домиціана, слѣдовательно, трудно говорить объ искренности его краснорѣчія; онъ замѣчателенъ какъ теоретикъ, основательно изучившій ораторское искусство.

Періодъ упадка римскаго краснорѣчія важенъ потому, что произведенія, написанныя въ это время, имѣли значительное вліяніе на ораторское искусство послѣдующихъ вѣковъ, особенно благодаря твореніямъ первоклассныхъ писателей, напр., Тита Ливія, исторія котораго изобилуетъ вымышленными отъ лица различныхъ героевъ рѣчами, вызвавшими многочисленныхъ подражателей. Чтобы уяснить существенныя черты рѣчей Тита Ливія, я остановлюсь на рѣчахъ царя македонскаго Филиппа и его двухъ сыновей Персея и Деметрія, взаимно обвинявшихъ другъ друга въ противогосударственныхъ замыслахъ и въ покушеніи на братоубійство. «Несчастный отецъ,—такъ обращается у Ливія македонскій царь къ своимъ сыновьямъ,—я долженъ судить моихъ двухъ сыновей, одного обвинителя, другого обвиняемаго въ братоубійствѣ и найти въ лонѣ моего семейства безчестіе клеветы или преступленія... Я разсчитывалъ на то, что и народы слагаютъ оружіе и соединяются договорами, что частныя лица часто отказываются отъ вражды... Сколько разъ, относясь съ отвращеніемъ при васъ къ братскимъ раздорамъ, я вамъ указывалъ на ихъ ужасныя послѣдствія: на полное разрушеніе домовъ и государствъ. Сколько разъ я приводилъ вамъ лучшіе примѣры? Я вамъ говорилъ о двухъ спартанскихъ царяхъ... я припоминалъ вамъ о двухъ братьяхъ Евменѣ и Атталѣ... я искалъ даже въ Римѣ примѣровъ!» За этими примѣрами слѣдуетъ патетическое описаніе поведенія обоихъ сыновей, не идущихъ по стезѣ добродѣтели, и послѣ этого только, при слезахъ всѣхъ присутствующихъ, Персей, обвинитель, получилъ возможность перейти къ обвиненію, тоже со слезами. Безъ всякихъ доказательствъ онъ напалъ на брата за его ночной приходъ съ вооруженными людьми и затѣмъ сталъ упрекать его въ попыткахъ завладѣть трономъ, вопреки праву и волѣ отца, довольно утомительно

повторяя въ разныхъ выраженіяхъ одну и ту же мысль: «Проклятните, —говорилъ онъ,—теперь жажду трона, вызовите фурій, преслѣдующихъ братьевъ, раздѣленныхъ несогласіемъ... Пусть желавшій убить брата испытаетъ гнѣвъ боговъ и отца, пусть тотъ, кто долженъ былъ погибнуть отъ братоубійцы, найдетъ убѣжище въ добротѣ и справедливости отца». Персей подробно излагаетъ затѣмъ опасности, грозящія отъ римлянъ, и сношенія съ ними Деметрія. Деметрій возражаетъ брату также съ лицомъ, «орошеннымъ слезами»: «Всѣ средства защиты, мой отецъ,—говоритъ онъ,—отнялъ у меня обвинитель. Проливая ложныя слезы, чтобы погубить меня, онъ набросилъ подозрѣніе на мои искреннія слезы». Опровергая обвиненія брата, Деметрій указываетъ, что онъ не могъ имѣть этого намѣренія въ день торжественныхъ жертвоприношеній: «Какъ!—патетически восклицаетъ онъ,—очищенный этой жертвой... я могъ думать объ ядѣ, мечѣ, братоубійствѣ. О! Какой жертвой я могъ бы омыть душу, загрязненную подобнымъ нечестіемъ?» Далѣе онъ очень распространенно говоритъ о пирѣ, о своемъ опьяненіи, вызвавшемъ приходъ къ брату, и заканчиваетъ мольбой, обращенной къ отцу, о милосердіи и упреками брату, напоминая ему, что онъ, какъ старшій, долженъ быть защитой младшаго, а теперь обвиняемый «находитъ гибель тамъ, гдѣ долженъ былъ найти спасеніе».

Слѣдуетъ замѣтить, что рѣчи Тита Ливія принадлежатъ все таки къ лучшему времени, когда традиціи славнаго прошлаго не успѣли еще исчезнуть; въ III—IV вѣкахъ по Р. Х. его краснорѣчіе было бы блѣднымъ и недостаточно богатымъ украшеніями. Характерные признаки новаго видны уже, однако, и на Титѣ Ливіи: живая, блестящая аргументація смѣняется у него холодными академическими разсужденіями; реторическія фигуры и пышныя выраженія служатъ замѣстителями истиннаго чувства. Слезы, обращенія, восклицанія, примѣры постоянно употребляются для усиленія впечатлѣнія доводовъ, и, не смотря на это обиліе внѣшнихъ проявленій чувствъ, рѣчь остается холоднымъ произведеніемъ, говорящемъ только объ умѣ и искусствѣ, а не объ убѣжденіи и увлеченіи оратора.

Средніе вѣка и эпоха до XVII столѣтія.

I.

Прошли вѣка медленной агоніи западной римской имперіи; германскія племена, нахлынувшія неудержимымъ потокомъ, постепенно осѣли и образовали прочныя государства; побѣжденное населеніе бывшихъ римскихъ провинцій должно было подчиниться новымъ порядкамъ. Германцы принесли съ собою глубокое чувство личной независимости и свободы; принципу безусловнаго подчиненія, которымъ былъ проникнутъ строй римской имперіи, они противопоставили начало личности, признаніе ея правъ, основывающееся, однако, на ея силѣ. Изъ амальгамы стараго и новаго подъ сильнымъ вліяніемъ христіанства, воспринявшаго многія римскія начала, постепенно образовался феодальный строй. Началась новая историческая эпоха.

Выше было сказано, что ораторское искусство въ послѣдніе вѣка римской имперіи выродилось въ реторику, что отъ него осталась безжизненная форма надъ изученіемъ и разработкой которой (какъ и въ другихъ областяхъ знанія) шла муравьиная работа грамматиковъ и риторовъ, усердныхъ, но мало самостоятельныхъ и талантливыхъ ученыхъ. Что могли принести съ собою средніе вѣка въ отношеніи къ ораторскому искусству, находившемуся въ крайнемъ упадкѣ уже не одно поколѣніе? Было два мыслимыхъ рѣшенія вопроса. Новые люди, представители иной эпохи, воспринявъ прежнія, застывшія формы ораторскаго искусства, должны были переработать ихъ, влить въ нихъ новое содержаніе и на этой почвѣ создать свое своеобразное слово, соотвѣтствующее вновь народившимся по-

требностямъ и вкусамъ. Второе рѣшеніе состояло въ чуждомъ критики пользованіи переданнымъ наслѣдствомъ, въ механическомъ приспособленіи формъ и правилъ римской и греческой реторики, въ преклоненіи передъ внѣшней стороной рѣчи, что не исключало, конечно, неизбѣжныхъ отступленій и дополненій, которыя духъ времени влагаетъ въ самыя консервативныя стремленія незамѣтно для исполнителей, старающихся только подражать и воспроизводить, но не создавать

Для того, чтобы развитіе ораторскаго искусства пошло въ первомъ направленіи—подверглось снова творческой разработкѣ,—нужны были условія, которыя допустили бы и поддержали это движеніе. Развитіе краснорѣчія зависитъ прежде всего отъ уваженія къ слову, отъ такого общественнаго порядка, въ которомъ рѣчь, убѣжденіе играютъ значительную роль, содѣйствуютъ осуществленію практическихъ цѣлей, созидаютъ и разрушаютъ. Необходима также и возможность воздѣйствовать на слушателей; мы видѣли, какое значеніе аудиторія имѣла въ исторіи греческаго и римскаго краснорѣчія оратора безъ толпы, безъ массы слушателей быть не можетъ. Процвѣтаніе краснорѣчія немыслимо также, если рѣчь оратора не связана съ жизнью, не изъ нея черпаетъ свое содержаніе, не отвѣчаетъ жизненнымъ запросамъ и требованіямъ времени, въ противномъ случаѣ оно становится школьнымъ упражненіемъ, теряетъ силу и обаяніе, какъ это и случилось въ римской имперіи. Наконецъ, не можетъ быть краснорѣчія, когда ораторъ не въ состояніи проявить своего убѣжденія, когда онъ долженъ говорить не то, что думаетъ и не такъ, какъ думаетъ, а подчиняясь непреодолимымъ внѣшнимъ вліяніямъ. Свобода изслѣдованія и мысли—основное условіе ораторскаго искусства. Въ немъ источникъ силы и красоты рѣчи. Эти условія въ средніе вѣка встрѣчались лишь по исключенію, что и отразилось на характерѣ краснорѣчія. Феодальный строй основывался на внѣшней, физической силѣ и на обычаѣ, вылившемся въ строго опредѣленныя, неизмѣнныя формулы. Рѣшителемъ судебъ государствъ и частныхъ лицъ былъ мечъ, а не слово. Свобода изслѣдованія, противорѣчившая обычаямъ, колебавшая устои жизни, неумолимо преслѣдовалась; въ об-

ласти вѣры все должно было безпрекословно подчиняться авторитету католицизма, грознаго не только земнымъ могуществомъ, но и державшаго ключи отъ будущаго блаженства. Этотъ авторитетъ далеко переходилъ за предѣлы собственно богословскихъ наукъ, онъ охватывалъ всю умственную жизнь, какъ бы объединялъ различныя отрасли знанія, направлялъ ихъ на служеніе одной идеѣ, указывалъ точныя границы движенія, переходъ за которыя влекъ гибель души и тѣла. Наука, въ которой больше всего воплощалось стремленіе человѣческаго духа къ познанію, философія, должна была сдѣлаться «служанкой богословія». Наконецъ, въ судахъ дѣло рѣшалось по строго установленнымъ обычаямъ и формуламъ,—условія, при которыхъ негдѣ было развернуться краснорѣчію обвинителей или защитниковъ.

Если принять во вниманіе сказанное, то не трудно будеть придти къ выводу, что средневѣковое краснорѣчіе не могло обладать творческой силой истиннаго искусства, что оно должно было оставаться на почвѣ чистой реторики, жить одной внѣшней формой, въ причудливой обработкѣ которой тогда видѣли сущность краснорѣчія. Оратору не было мѣста въ государственной жизни; политическаго краснорѣчія почти не существовало; ораторское искусство развивалось преимущественно на церковныхъ каѳедрахъ, въ университетахъ и, наконецъ, въ судахъ.

II.

Обращаясь къ ближайшему ознакомленію съ различными видами средневѣковаго краснорѣчія, остановимся сначала на научныхъ лекторскихъ рѣчахъ. Извѣстенъ характеръ средневѣковой науки — схоластики; ея представители занимались изученіемъ различныхъ понятій и опредѣленій, имѣвшихъ мало отношенія къ дѣйствительности. Необычайныя логическія тонкости, разрѣшеніе отвлеченнѣйшихъ метафизическихъ вопросовъ поглощало все ихъ время и вниманіе. Опыта, изслѣдованія почти не существовало; наука находилась въ заколдованномъ кругу авторитета и традицій. Эрудиція заклю-

чалась въ знаніи возможнаго большаго числа авторовъ, въ приведеніи громаднаго числа цитатъ pro и contra какого либо положенія. Важнымъ признакомъ учености являлось знаніе латинскаго языка, которое одно уже отдѣляло избранныхъ отъ непосвященной черни. Латинскія фразы и слова пріобрѣли вслѣдствіе этого особое значеніе, стали необходимой принадлежностью ученой рѣчи. Погоня за внѣшней формой, игра логическими понятіями привели къ тому, что, за немногими исключеніями, средневѣковые ученые были дѣйствительно «темными людьми» (obscuri viri), надъ которыми такъ безпощадно смѣялся отважный боецъ реформаціонной эпохи—Ульрихъ фонъ Гуттенъ. Реакція противъ средневѣковыхъ университетовъ замѣтно проявилась въ XVI в., въ которомъ, между прочимъ, научные и ораторскіе пріемы, употреблявшіеся профессорами Сорбонны, подверглись язвительной насмѣшкѣ Рабле, мастерски пародировавшаго ихъ въ своемъ романѣ «Жизнь Гаргантюа и Пантагрюэля». Какъ образецъ я приведу отрывокъ изъ рѣчи ученаго софиста, яко-бы посланнаго Сорбонной, чтобы выхлопотать обратно у великана Гаргантюа колокола собора Парижской Богоматери, снятые имъ вмѣсто колокольчиковъ для лошади, отличавшейся колоссальными размѣрами. Послѣ вступленія софистъ излагаетъ сущность своей просьбы въ слѣдующихъ выраженіяхъ, испещренныхъ латинскими фразами, (главнымъ образомъ словомъ clocha (колоколъ) «О, господинъ, Domine, clochidonnaminor nobis... Всѣ ими (колоколами) пользуются. Если ваша кобыла находитъ ихъ хорошими, то тоже самое думаетъ и нашъ факультетъ, quae comparata est iumentis insipientibus et similis facta eis est; Psalmo nescio quo, (который сравнивается съ неразумными животными и сдѣлался подобенъ имъ; изъ псалма, не знаю какого). Ego sic argumentor. Omnis clocha clochabilis in clocherio clochando clochans, clochativo clochare facit clochabiliter clochantes. (Здѣсь игра словомъ clocha, которому придаются всевозможныя грамматическія формы).... Городъ безъ колоколовъ все равно, что слѣпой безъ палки, оселъ безъ пахвы и корова безъ бубенчиковъ. До тѣхъ поръ, пока вы ихъ не возвратите, мы не перестанетъ взывать къ вамъ, какъ слѣпой, потерявшій палку, ревѣть, какъ оселъ

безъ пахвы и мычать, какъ корова безъ бубенчика». (Oeuvres de Rabelais. t I. стр. 61). Заключеніе составлено совершенно въ такомъ же родѣ. Въ этомъ отрывкѣ, хотя и въ каррикатурномъ преувеличеніи, находятся отличительныя черты схоластическаго краснорѣчія: цитаты непремѣнно по латыни безъ особой заботы объ ихъ содержаніи и происхожденіи, стремленіе украшать рѣчь сравненіями, и на ряду съ этимъ поразительная бѣдность мысли и слога, разъ ораторъ выходитъ за предѣлы цитатъ и авторитетовъ.

О судебномъ краснорѣчіи можно говорить лишь съ XV вѣка, даже во Франціи, гдѣ адвокатура весьма рано заняла довольно важное мѣсто при судахъ. Въ народной литературѣ XIII вѣка уже указывается на значительные адвокатскіе гонорары, на роскошь ихъ жилищъ и стола, свидѣтельствующія о томъ, что ихъ помощь цѣнилась дорого. Однако, въ тѣ эпохи адвокаты были скорѣе юрисконсультами, знатоками законовъ, но не ораторами; даже въ уголовныхъ процессахъ, дающихъ теперь наибольшій просторъ проявленію таланта судебнаго оратора, тогда (до XV в.) рѣчи не имѣли большого значенія. Отъ XIV вѣка сохранился образчикъ судебнаго краснорѣчія, формула, произносимая адвокатомъ при передачѣ имъ отъ лица кліента вызова противнику на судебный поединокъ; адвокатъ начиналъ съ просьбы, обращенной къ судьямъ, о разрѣшеніи прочесть его вызовъ, съ многочисленными оговорками на счетъ того, что онъ говоритъ противъ такого то не по своему желанію, что онъ противъ него ничего не имѣетъ, наоборотъ готовъ всегда служить ему, съ Божьей помощью, во всѣхъ случаяхъ исключая настоящаго дѣла, что онъ говоритъ согласно письменному порученію, которое у него въ рукахъ. Затѣмъ слѣдовало разрѣшеніе суда съ напоминаніемъ адвокату объ осторожности, что было не лишне, такъ какъ за оскорбленіе онъ могъ самъ подвергнуться весьма непріятнымъ послѣдствіямъ, сдѣлаться стороной въ процессѣ. Въ такой же, заранѣе опредѣленной формѣ, давался отвѣтъ и адвокатомъ противной стороны.

Древнѣйшія, дошедшія до насъ, рѣчи французскихъ адвокатовъ относятся къ XV в., когда старые процессуальные

обычаи стали понемногу выходить изъ употребленія и судебныя рѣчи постепенно освобождались отъ оковъ, налагаемыхъ на нихъ обычаями. Въ XV вѣкѣ нѣкій Карлъ де Савоази, со своими слугами напалъ на процессію Парижскаго университета, направлявшуюся въ церковь, при чемъ въ начавшейся свалкѣ нѣкоторые студенты были убиты у подножія алтаря. Представителемъ интересовъ университета былъ избранъ Жерсонъ, извѣстный богословъ и профессоръ, одинъ изъ первыхъ авторитетовъ того времени; излагая обстоятельства дѣла, Жерсонъ придерживается особо точныхъ выраженій, стараясь не упустить ни одного признака преступленія. «Эти преступники, говоритъ онъ о слугахъ де Савоази, набросились и начали бить нѣсколькихъ студентовъ, которые очень тихо, благочестиво и просто шли процессіей, вооруженные не болѣе чѣмъ ягнята, и что еще хуже, преслѣдовали ихъ... до церкви Св. Екатерины... Очень преступно и заслуживаетъ большого наказанія нападеніе на храмъ Іисуса Христа, гдѣ всѣ должны быть въ безопасности». Далѣе ораторъ приводитъ аргументы въ пользу справедливости своего утвержденія о неприкосновенности христіанскаго храма изъ языческой миѳологіи и исторіи, приводитъ примѣръ похищенія Елены Прекрасной изъ храма Венеры, убійство Ахилла въ храмѣ, гибель Галловъ, разграбившихъ храмъ Аполлона Дельфійскаго и тому подобные, столь же достовѣрные и поучительные факты. Затѣмъ слѣдуетъ разсужденіе объ университетѣ и значеніи поступка де Савоази, а въ заключеніе Жерсонъ выражаетъ надежду на то, что «justus laetabitur» (правый будетъ веселиться), и что судъ не обратитъ вниманія на «купленнаго» адвоката противной стороны. Все заканчивается оригинальной перефразировкой мѣста изъ библіи: «И да будетъ памятно то, что говорилъ Даніилъ Валтасару, увидѣвшему на стѣнѣ руку, начертавшую тремя пальцами mane techel phares... которые означаютъ три судебныхъ сословія президентовъ, совѣтниковъ и нотаріусовъ; они, соединенные въ судебномъ засѣданіи и въ приговорѣ противъ виновнаго, должны сдѣлать mane (взвѣсить время, протекшее со времени обиды), techel... (опредѣлить тяжесть дѣянія, взвѣсивъ всѣ его обстоятельства), наконецъ phares id

est divisio, т. е. отдѣлить свѣтъ отъ тьмы. Столь ученая рѣчь, щедро пересыпанная латинскими текстами и поясненіями на этомъ языкѣ, произвела желаемое дѣйствіе: Савоази проигралъ дѣло.

Не слѣдуетъ удивляться появленію на судебной трибунѣ богослововъ или монаховъ; это было вполнѣ естественно при доминирующемъ значеніи въ тѣ эпохи богословскихъ наукъ, являвшихся непосредственнымъ источникомъ всѣхъ знаній, непререкаемымъ авторитетомъ, при громадномъ значеніи духовенства, привлекавшемъ въ свои ряды лучшія интеллектуальныя силы.

Духовныя лица принимали участіе и въ знаменитѣйшемъ процессѣ XV в. объ убійствѣ герцога Орлеанскаго герцогомъ Бургундскимъ (въ 1407 году). Представителемъ интересовъ послѣдняго былъ монахъ Жанъ Пти, состоявшій на жалованьи при Бургундскомъ дворѣ, и извѣстный какъ ученый и проповѣдникъ, блистательно доказавшій ораторскія качества и научныя познанія защитой своего высокаго покровителя. Ему предстояло оправдать убійство герцога Орлеанскаго и доказать, что, поступая такимъ образомъ, герцогъ Бургундскій дѣйствовалъ согласно съ правомъ и благомъ государства, — задача, во многихъ отношеніяхъ бывшая очень щекотливой и представлявшая не малыя затрудненія. Рѣчь, произнесенная Пти, дѣлится на три части: введеніе, главную часть (теоретическое оправданіе своего кліента) и вторую часть (приложеніе общихъ началъ къ убійству герцога Орлеанскаго). Такимъ образомъ рѣчь нѣсколько напоминала построеніе силлогизма: части ея соотвѣтствовали большой и малой посылкѣ.

Во вступленіи ораторъ перечисляетъ всѣ качества герцога Бургундскаго, заставляющія его быть защитникомъ правъ короля: онъ родственникъ короля, его вассалъ, подданный, дважды пэръ, баронъ, графъ и глава пэровъ, связанъ съ королевской фамиліей посредствомъ двухъ браковъ; каждое качество разсматривается въ особомъ пунктѣ, начинающемся съ «item», затѣмъ идетъ восхваленіе герцога и разсужденіе о причинахъ, побудившихъ Пти защищать его. Въ главной части основной мыслью является текстъ священнаго писанія

«Radix omnium malorum cupiditas» (жадность корень всѣхъ золъ), она создаетъ вѣроотступниковъ и измѣнниковъ что подтверждается примѣрами (по три на каждый тезисъ); въ числѣ измѣнниковъ цитируется и Люциферъ, при чемъ приводится его разговоръ съ Архангеломъ Михаиломъ. Всѣ лица, увлеченныя жадностью, подлежатъ смерти; это положеніе доказывается ораторомъ всѣми способами, въ томъ числѣ и примѣромъ Юліана и Аталіи, ихъ убійцы восхваляются, какъ исполнители благочестиваго подвига. Двѣнадцать доказательствъ въ честь двѣнадцати апостоловъ поддерживаютъ это центральное положеніе рѣчи — правомѣрность политическаго убійства, изъ нихъ три авторитета святыхъ отцовъ, три цитаты изъ священнаго писанія, три цитаты изъ философовъ, между прочимъ изъ Анаксагора и Цицерона. Въ послѣдней части рѣчи, очень длинной, устанавливается положеніе, что герцогъ Орлеанскій былъ вѣроотступникомъ и измѣнникомъ, злоумышлявшимъ противъ жизни и здравія короля, подробно передаются его сношенія со злыми духами, волхкованія и заклинанія, подробно разбираются всѣ дѣйствія герцога Орлеанскаго и, затѣмъ дѣлается выводъ, что убійца такого человѣка, герцогъ Бургундскій, «долженъ быть пріятнымъ королю, который обязанъ вознаградить его въ трехъ отношеніяхъ въ любви, въ почестяхъ и богатствѣ по примѣру наградъ, сдѣланныхъ Михаилу Архангелу. Да соизволитъ, чтобы такъ случилось, Богъ, который benedictus est in saecula saeculorum Amen». (благословенъ во вѣки вѣковъ. Аминь). Таково краткое содержаніе этой защиты герцога Бургундскаго, въ которой для его оправданія съ неумолимой логической послѣдовательностью съ символическими раздѣленіями и подраздѣленіями матеріала, собрана не всегда въ точной передачѣ масса цитатъ изъ священнаго писанія, духовныхъ и свѣтскихъ авторовъ.

Отвѣтная рѣчь (обвиненіе герцога Бургундскаго) была составлена представителемъ вдовы убитаго аббатомъ de-Saint Fiacre и адвокатомъ Кузино, пользовавшимся въ то время большою славою. Эта рѣчь не уступаетъ предыдущей ни въ эрудиціи ни въ систематичности доказательствъ. Рѣчь Кузино точно также раздѣлена на три части, основная ея мысль: обя-

занность королей отправлять правосудіе, потому что это существенная функція ихъ власти и оправданіе ихъ могущества. Отсюда необходимость наказанія преступниковъ. Вторая часть служитъ для доказательства, что герцогъ Бургундскій преступникъ. Въ третьей доказывается невинность герцога Орлеанскаго и необходимость удовлетворенія. Въ рѣчи вмѣсто одного основного текста изъ Библіи взято цѣлыхъ три; цитаты изъ Аристотеля, Цицерона, Саллюстія, св. Кипріана находятся въ изобиліи; на ряду съ текстами изъ Евангелія Матѳея приводятся стихи изъ «Искусства любви» Овидія. Но чѣмъ превышаетъ разсматриваемая рѣчь предыдущую—это богатствомъ реторики, таково, напр. обращеніе къ королю и пэрамъ съ просьбою о защитѣ интересовъ семейства герцога Орлеанскаго:

«О, ты, король Франціи... оплакивай своего двоюроднаго брата; ты потерялъ одинъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ камней твоей короны... О, ты, благороднѣйшая королева, оплакивай принца, который тебя такъ уважалъ... О, ты, мой могущественный государь, герцогъ Аквитанскій, плачь, потому что ты потерялъ прекраснѣйшаго члена твоего рода. О, ты, герцогъ Беррійскій, плачь, потому что ты видѣлъ брата твоего короля .. кончившимъ жизнь... О, ты, герцогъ Бретанскій, плачь, потому что ты потерялъ дядю своей супруги... О, ты, герцогъ Бурбонскій плачь... и вы, остальные князья и дворяне плачьте... плачьте женщины и мужчины, молодые и старые, бѣдные и богатые... О, вы, духовныя лица, плачьте, потому что убитъ принцъ, который очень васъ чтилъ и любилъ». Трудно придумать, что нибудь болѣе тяжелое и реторичное. чѣмъ это своеобразное подражаніе Цицероновскимъ обращеніямъ; чувство мѣры здѣсь безусловно утрачено. Въ обѣихъ длиннѣйшихъ рѣчахъ видна привычка къ письменному изложенію и отсутствіе умѣнья различать требованія письменной и устной рѣчи. Передъ судомъ говорили такъ же, какъ и на университетскихъ кафедрахъ, такъ же, какъ писали въ длиннѣйшихъ схоластическихъ трактатахъ.

Такой же характеръ носили судебныя рѣчи въ концѣ столѣтія: адвокатъ Арто велъ процессъ съ Парижскимъ университетомъ, который потребовалъ ограниченія и закрытія уни-

верситета, устроеннаго въ Буржѣ, считая для себя неудобнымъ новаго конкурента; его адвокатъ доказывалъ основательность этого требованія тѣмъ, что у Аарона былъ одинъ жезлъ, съ которымъ можно сравнить Парижскій парламентъ, точно также въ одномъ экземплярѣ были даны заповѣди Моисею, ихъ можно сравнить съ Парижскимъ университетомъ, откуда слѣдовалъ выводъ, что не нужно новыхъ парламентовъ и университетовъ. Арто, однако, не потерялся передъ столь неотразимыми доводами и нашелъ съ своей стороны не менѣе убѣдительные и изъ того же источника. Онъ замѣтилъ, что по писанію тронъ Соломона (а этотъ тронъ означаетъ королевское величіе) опирался на два подножія; одно изъ нихъ дворянство, другое духовенство. Король умножилъ свое дворянство, и это послужило на благо государства, слѣдовательно, онъ, разсчитывая на такіе же результаты, имѣетъ право умножить и духовенство, т. е. учредить университетъ. Главнѣйшимъ аргументомъ въ пользу учрежденія всѣхъ факультетовъ является соображеніе, что Адамъ погрѣшилъ, съѣвъ запретное яблоко, въ *четырехъ* отношеніяхъ: разумомъ, волей, словомъ и тѣломъ, соотвѣтственно этому были посланы *четыре* наказанія: невѣжество, несправедливость, неумѣнье говорить и бѣдность, но въ то же время Богъ по своей милости указалъ людямъ *четыре*, такъ сказать, противоядія въ наукахъ: реторику, этику, логику и механику, чѣмъ и оправдывается необходимость *четырехъ* факультетовъ въ Буржскомъ университетѣ, такъ какъ благодаря имъ онъ будетъ въ состояніи удовлетворять своему назначенію: избавлять людей отъ послѣдствій первороднаго грѣха.

Приведенныя рѣчи являются типичными образцами средневѣковаго краснорѣчія, опирающагося всецѣло на внѣшнюю эрудицію, богатство цитатъ, примѣровъ и авторитетовъ, дѣйствующихъ не содержаніемъ, а числомъ и именемъ автора или источника, на который ссылались. Развитіе аргументаціи обусловливается не столько потребностью дѣла и имѣющимся матеріаломъ, сколько посторонними соображеніями объ изяществѣ и системѣ. Доказательства, иногда добываются безъ всякаго разбора, ораторъ старается поразить воображеніе слуша-

телей, преодолѣть доводы противника, его авторитеты такимъ же оружіемъ. Судебный ораторъ не отдѣлимъ отъ ученаго схоластика и богослова, онъ такъ же, какъ и тотъ, старается стать на высоту недосягаемую для обыкновеннаго смертнаго. Символъ и аллегорія таинственно прикрываютъ его мысль, уводятъ отъ земли въ область отвлеченностей и логическихъ опредѣленій. Построеніе рѣчи напоминаетъ архитектуру готическихъ соборовъ съ ихъ причудливой орнаментикой и мистическимъ полумракомъ, наводящимъ благоговѣйный трепетъ на входящихъ; здѣсь надо было вѣрить и преклоняться, а не разсуждать и стремиться къ точному пониманію; здѣсь первое мѣсто принадлежало воображенію, а не разсудку.

Но какъ бы ни были сильны схоластическія формы, онѣ не могли всегда заглушать проявленіе живой мысли, и въ рѣчахъ средневѣковыхъ ораторовъ встрѣчаются иногда мѣста, проникнутыя искреннимъ чувствомъ; въ торжественные моменты, глубоко захватывавшіе оратора, онъ освобождался на мгновеніе отъ связывающихъ его путъ и находилъ подходящія выраженія. Тотъ же самый Жерсонъ, рѣчь котораго была уже разсмотрѣна, говорилъ въ 1405 г. рѣчь отъ имени университета Карлу VI (такъ называемое remonstratio), напоминавшую королю о недочетахъ его правленія. Въ ней ораторъ, мало пользуясь своей эрудиціей, говорилъ сравнительно просто, убѣждая короля не вѣрить льстецамъ и заботиться о благѣ государства. «Кто ты?» задаетъ вопросъ ораторъ, обращаясь къ королю, «истина отвѣчаетъ: жалкій прахъ, творенье, подверженное всѣмъ страданіямъ и тревогамъ, холоду, жару, горю и неизбѣжной смерти... какое бы платье, золото и серебро, и драгоцѣнности ты ни носилъ, какая бы свита у тебя ни была».

Также заслуживаетъ вниманія рѣчь неизвѣстнаго оратора, произнесенная имъ на собраніи генеральныхъ штатовъ въ 1484 г., въ пользу графа Арманьяка, въ которой излагаются бѣдствія этой фамиліи въ царствованіе Людовика XI и описывается убійство Арманьяка безъ особенной вычурности и реторичности. Рѣчь заканчивается довольно близкимъ подраженіемъ Цицерону:

О, ужасное и неслыханное преступленіе! О, кровожаднѣйшіе и нечестивѣйшіе измѣнники! Кто когда либо во французскомъ королевствѣ слыхалъ о подобномъ дѣяніи? Припомните и возстановите передъ глазами обстоятельства столь ужаснаго злодѣянія: взгляните на невиннаго человѣка убитаго вопреки справедливости, договорамъ и клятвамъ, когда онъ не имѣлъ ни малѣйшаго недовѣрія». Но подобныя отступленія не нарушали общаго тона, были малозамѣтнымъ диссонансомъ въ торжествующей схоластической гармоніи.

III.

Ударъ средневѣковымъ воззрѣніямъ былъ нанесенъ непосредственнымъ обращеніемъ къ античному міру, такъ называемымъ, возрожденіемъ и связанными съ этой эпохой великими открытіями и изобрѣтеніями; схоластика должна была постепенно, послѣ долгой борьбы, уступить свое мѣсто. Просвѣщеніе. бывшее прежде особой привилегіей, начало переходить въ болѣе широкій кругъ лицъ, книгопечатаніе сдѣлало доступнымъ многимъ ознакомленіе съ продуктами человѣческой мысли и генія. Два устоя средневѣковой жизни — феодализмъ и католицизмъ стали утрачивать безраздѣльное господство надъ народами; слагался иной государственный порядокъ, выражавшійся въ централизаціи государственной власти. Началось реформаціонное движеніе, вызвавшее рѣзкую критику авторитета и ученій католической церкви и уведшее изъ ея лона значительное число вѣрующихъ, вездѣ чувствовалось оживленное умственное и политическое броженіе, проявлялась неслыханная прежде дѣятельность; понятно, что для такой эпохи не подходило и прежнее краснорѣчіе, тѣсно связанное съ средневѣковымъ міровоззрѣніемъ и наукой—ихъ гибель была и его гибелью.

Мы видѣли выше, что область научнаго, судебнаго и политическаго краснорѣчія въ средніе вѣка была очень ограничена, да и то постоянно соприкасалась съ духовнымъ краснорѣчіемъ, послѣднее безспорно первенствовало. Если вообще въ

средніе вѣка слову и мысли предоставляли не много простора, то все таки въ церкви по завѣту ея Божественнаго основателя, слово никогда не могло потерять своего значенія; убѣжденіе наставленіе, разъясненіе истинъ религіи и христіанской жизни были необходимы, и церковь была единственнымъ мѣстомъ, гдѣ собиралась народная масса для того, чтобы слушать и поучаться, слово въ ней сохранило свой авторитетъ. Какъ ни тяжелы были оковы, наложенные на человѣчество средневѣковымъ католицизмомъ, все же они не могли совершенно прекратить самостоятельную критическую работу мысли, устранить сомнѣнія и попытки разрѣшить ихъ несогласно съ общепринятыми взглядами. Въ самой твердынѣ средневѣковаго правовѣрія, такимъ образомъ, появились первые слѣды протеста, началась разрушительная работа; этотъ протестъ выражался въ образованіи ересей. Цѣлый рядъ еретиковъ заплатилъ жизнью за право высказывать свои убѣжденія. Инквизиція и другія грозныя средства, къ которымъ прибѣгала католическая церковь, не могли остановить этого движенія: гибли отдѣльныя личности, идеи продолжали жить, находили все большее и большее число слушателей и послѣдователей. Эти протестанты — еретики, владѣвшіе однимъ оружіемъ — убѣжденіемъ, невольно должны были искать живаго искренняго выраженія мысли, для котораго мало пригодны были схоластическія формы, вслѣдствіе чего они значительно содѣйствовали развитію новыхъ формъ краснорѣчія, освобождая мысль и слово отъ окутывавшихъ ихъ условностей и рутины.

Чтобы показать какое значеніе имѣла проповѣдь реформаторовъ еще въ XV столѣтіи, я остановлюсь на дѣятельности Савонаролы, этого оригинальнаго и мощнаго мечтателя — монаха, имѣвшаго громадное вліяніе на своихъ современниковъ. Іеронимъ Савонарола, благодаря дѣду и отцу, получилъ блестящее образованіе и съ раннихъ лѣтъ уже удивлялъ своими способностями и умѣньемъ отстаивать и выражать свои мысли; ведя строго нравственную жизнь, исключительно преданный богословскимъ и научнымъ занятіямъ, Савонарола со скорбью и отвращеніемъ присматривался къ окружающей его жизни. Въ его время нравственное разложеніе итальянскаго общества

достигло крайнихъ предѣловъ: отъ религіи оставалось ничему не мѣшавшее суевѣріе, жизненная цѣль сводилась къ удовлетворенію чувственныхъ желаній, для достиженія ея все считалось дозволеннымъ; безумныя оргіи смѣнялись кровавыми преступленіями, не возбуждавшими ничьего удивленія; сила и хитрость однѣ доставляли почетъ и власть. Князья Италіи, включая сюда и главу христіанскаго міра, папу, управляли своими владѣніями, не стѣсняясь средствами: обманъ, подкупъ, кинжалъ, ядъ,—все пускалось ими въ ходъ съ полной беззастѣнчивостью. Савонаролѣ пришлось жить въ эпоху Сикста IV, Иннокентія VIII и, наконецъ, Александра VI Борджіа, которому, кажется, удалось превзойти всѣхъ распущенностью и преступленіями. Очевидно, чѣмъ ближе приглядывался Савонарола и ознакомлялся съ жизнью другихъ, тѣмъ больше онъ отдалялся отъ общества; по замѣчаніямъ біографовъ, онъ былъ молчаливъ, худъ, блѣденъ, сторонился людей, не посѣщалъ придворныхъ празднествъ, но уединялся въ отдаленныхъ церквахъ, ища въ молитвѣ отдыха и успокоенія. Неудачная отвергнутая любовь заставила его окончательно порвать съ міромъ и удалиться въ монастырь. Личная жизнь и личное счастье перестали существовать для Савонаролы, его могучій характеръ весь ушелъ на общее дѣло спасенія Италіи. Ничѣмъ несвязанный на землѣ, Савонарола фанатически сталъ служить тому, что онъ считалъ своей миссіей, ниспосланной ему Богомъ жизненной задачей. Онъ шелъ къ осуществленію ея съ ужасающей прямолинейностью, не зная уступокъ, слабости и снисхожденія, не щадя себя и другихъ, до конца оставаясь вѣрнымъ своему призванію. Въ этой прямолинейности заключается сила и слабость фанатизма. Сначала проповѣди молодого доминиканскаго монаха, говорившаго вполнѣ своеобразно безъ тѣхъ украшеній и пріемовъ, которые привыкли видѣть у модныхъ проповѣдниковъ, не привлекали вниманія, но постепенно искренность и сила его рѣчей создали ему извѣстность, доставили мѣсто пріора монастыря св. Марка во Флоренціи, сдѣлали его сначала любимымъ проповѣдникомъ, а затѣмъ вождемъ флорентійскаго народа.

Сила убѣжденія, желаніе спасти гибнущихъ нравственно,

горячая любовь къ отечеству и людямъ и глубокая вѣра въ свое дѣло, въ нѣсколько лѣтъ превратили мечтательнаго монаха въ грознаго пророка, рѣчи котораго производили неотразимое впечатлѣніе на слушателей, стекавшихся къ нему толпами. Мягкій по характеру, проникнутый христіанскою любовь къ ближнимъ, Савонарола, силою обстоятельствъ, превратился въ воспламененнаго негодованіемъ борца, безпощадно обличавшаго окружающихъ. Таковъ былъ роковой ходъ событій. Для того чтобы исправиться, его современники должны были измѣнить образъ жизни, нужно было заставить ихъ это сдѣлать, избавить отъ окончательнаго паденія, отъ гнѣва Божія, постигающаго ослушниковъ его велѣній, и вотъ Савонарола идетъ одинъ противъ всѣхъ, призывая къ покаянію и иной жизни. «Я возвѣщаю тебѣ, Италія, и вамъ, князья Италіи и вамъ прелаты Италіи, придетъ мечъ, и не будетъ спасенія, никакое покаяніе вамъ не поможетъ. Я возвѣщаю вамъ это и буду повторять, чтобы не нести за васъ отвѣтъ передъ судомъ Христовымъ». Основная тема его проповѣдей — гнѣвъ Божій на грѣшниковъ, необходимость покаянія и истинно христіанской жизни. Съ внѣшней стороны онѣ построены совершенно оригинально: «въ нихъ, говоритъ Альберти, нѣтъ плана, лѣстницы, украшеній слога, изящества, но въ нихъ чувствуется стихійная сила грома и молній». Савонарола часто отдается вдохновенію, второстепенная мысль отвлекаетъ его въ сторону, прерываетъ нить изложенія; у него не всегда соблюдена пропорціональность частей, система доказательствъ, но всѣ эти недостатки формы съ избыткомъ искупаются силой одушевленія и вѣры, глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца, искренностью тона, — качествами, создающими великихъ ораторовъ. «Иногда, сходя съ каѳедры, я думаю про себя: лучше мнѣ не говорить и не проповѣдывать объ этихъ вещахъ, но оставаться въ покоѣ и предоставить все волѣ Божіей. Но когда я опять стою здѣсь, я немогу преодолѣть себя и дѣйствовать иначе. Божье слово становится во мнѣ огнемъ, который горитъ въ моемъ сердцѣ и сжигаетъ меня». И этотъ огонь, сжигавшій оратора, охватывалъ также и слушателей: нерѣдко

запись его проповѣдей прерывалась замѣчаніемъ, что въ этомъ мѣстѣ записывавшимъ овладѣло общее волненіе, лишившее его возможности продолжать работу.

Для характеристики краснорѣчія Савонаролы, я приведу проповѣдь о тиранѣ, произнесенную въ 1496 г. въ то время, когда нужно было удержать народъ отъ возвращенія Петра Медичи. Въ первой части рѣчи ораторъ сильными штрихами обрисовываетъ характеръ тирана (портретъ котораго снятъ съ натуры, съ современныхъ Савонаролѣ итальянскихъ князей) и ничтожество служащихъ ему:

«Сердце тирана полно ненависти, потому что онъ любитъ себя одного. . честные люди для него предметъ злобы... убійство— его времяпрепровожденіе. Онъ не знаетъ дружбы, все пугаетъ его, онъ не чувствуетъ себя безопаснымъ даже передъ собственною женою. Чужое превосходство оскорбляетъ его... Малѣйшее оскорбленіе онъ страшно отмщаетъ... На общественныя средства онъ содержитъ пѣвцовъ и музыкантовъ для собственнаго удовольствія... Окружаетъ себя для защиты убійцами и бандитами... Онъ унижаетъ высшихъ и возвышаетъ низкихъ и глупыхъ, чтобы показать свое могущество... Онъ облегчаетъ гражданамъ ихъ кошельки... Ни одна должность не занимается безъ его согласія... Никакая сдѣлка, никакой договоръ не могутъ состояться безъ его участія».

Тиранъ старается испортить окружающихъ; положеніе его слугъ—жалкое, они должны выказывать рабскую покорность, отречься отъ своей личности, они зависятъ отъ каждаго каприза властителя. Но ораторъ не довольствуется этими картинами, долженствующими отвратить отъ мысли о служеніи тирану, главный ударъ наносится въ концѣ. Воспламененный Савонарола отождествляетъ тирана съ врагомъ Божьимъ, дьяволомъ, и грозитъ его слугамъ и сторонникамъ «рукой Господа». Здѣсь его рѣчь достигаетъ высшей степени увлеченія. Онъ беретъ стихъ изъ пророка Амоса, гласящій, что Богъ заставитъ грѣшниковъ скрипѣть какъ телѣгу, нагруженную сѣномъ, и разбираетъ это изреченіе. «Вы наполнили возъ своими грѣхами, такъ что онъ дольше не можетъ выдержать. Если теперь Богъ будетъ медлить и не покараетъ васъ, гдѣ же его Про-

видѣніе? гдѣ его справедливость?» Далѣе Савонарола объясняетъ, что подъ стѣнками телѣги, скрипящими подъ тяжестью сѣна, нужно понимать праведныхъ и угнетенныхъ, вдовъ и сиротъ, взывающихъ къ Богу о помощи: «Приди, о, Господи, съ твоимъ мечемъ»... «Мнѣ слышны стоны и вопли во Флоренціи... скоро сѣно (грѣшники) будетъ сброшено на землю и отдано дьяволамъ»... Будутъ стонать и злые, потому что говоритъ Господь: «Я накажу грѣшниковъ». Проповѣдь заканчивается образнымъ изображеніемъ всеобщей гибели, напоминающимъ, что многіе уже пали отъ меча Господа, почему всѣ приглашаются къ покаянію и горячей молитвѣ. Такимъ образомъ, не смотря на сумрачный характеръ проповѣди, на угрозы гибелью и смертью, въ ней слышится только предупрежденіе и указывается путь къ спасенію; страшныя перспективы для грѣшниковъ рисуются, чтобы показать необходимость этого пути.

Результатомъ проповѣдей Савонаролы было изгнаніе Медичи, возстановленіе республики съ признаніемъ верховнымъ главою государства Христа, введеніе новаго государственнаго устройства. Мало этого, совершенно измѣнился бытъ флорентійскихъ гражданъ, славившихся въ Италіи именно тѣми качествами, противъ которыхъ выступалъ Савонарола: исчезли шумныя празднества и развлеченія, весь городъ принялъ видъ монастыря. Жажда покаянія и стремленіе къ христіанской жизни охватило большинство населенія Флоренціи. Савонарола не ограничился ея стѣнами, его проповѣдь шла дальше, онъ требовалъ исправленія духовенства, обращался ко всей Италіи, естественно вызывая противъ себя могущественную оппозицію духовенства и свѣтской знати. Въ самой Флоренціи не прекращались бѣдствія и раздоры партій, противъ нея дѣйствовали сильные союзы, и при этихъ условіяхъ Савонарола и его сторонники держались 4 года (1494—1498 гг.). Конечно, гибель Савонаролы была неизбѣжна, это обусловливалось какъ внѣшними обстоятельствами, такъ и фанатическимъ характеромъ, непримиримостью его проповѣди. Онъ отвергъ заискиванія и обѣщанія папы Александра VI и употреблялъ всѣ усилія, чтобы побудить къ созванію собора для его низложенія;

послѣдній не могъ медлить, всѣ средства были пущены въ ходъ, и, наконецъ, могущество Савонаролы было уничтожено.

Въ судьбѣ Савонаролы есть нѣкоторая аналогія съ судьбой Демосфена, но послѣдній вѣрилъ въ достоинство человѣка, и когда надежды разбились, его мужество поколебалось, онъ пытался спастись отъ гибели. Савонарола, вѣрившій въ Бога, въ высшее происхожденіе своей миссіи, отдался въ руки враговъ, и съ непоколебимою твердостью встрѣтилъ смерть среди насмѣшекъ и поруганій, еще такъ недавно боготворившей его, черни.

IV.

Новыя вѣянія не могли не коснуться и судебнаго краснорѣчія, хотя измѣненія въ немъ происходили довольно медленно. Судебная магистратура, воспитанная на строгомъ уваженіи къ традиціямъ прошлаго, видѣвшая въ нихъ не только охрану своихъ прерогативъ, но вообще охрану правопорядка, представляла изъ себя въ высшей степени консервативное сословіе; адвокатура была тѣсно связана съ судомъ, имѣла съ нимъ много общихъ интересовъ, получала одинаковую подготовку и, естественно, держалась тѣхъ же взглядовъ, вырабатывала тѣ же привычки. Но при этомъ нужно имѣть въ виду, что постепенное усовершенствованіе формъ судопроизводства, утвержденіе началъ законности и порядка, само по себѣ придавало адвокатскимъ рѣчамъ больше значенія, чѣмъ прежде.

Въ XVI вѣкѣ положеніе адвокатуры, самосознаніе ея представителей замѣтно укрѣпилось и возвысилось; сословіе французскихъ адвокатовъ стало уже въ этомъ столѣтіи вліятельной корпораціей, пользовалось всеобщимъ уваженіемъ и признаніемъ умѣло защищать свои права и привилегіи. Когда Францискъ I, вопреки обычаю, рѣшилъ лишить мѣста короннаго адвоката Рюзе и предложилъ другому замѣнить его, тотъ отвѣтилъ королю, что «Рюзе коронный адвокатъ, служитъ не вашимъ страстямъ, а исполняетъ свой долгъ. Я буду лучше грызть землю, чѣмъ займу мѣсто живаго человѣка». Ведя передъ парламентомъ процессы, затрогивающіе интересы знатныхъ лицъ,

адвокаты смѣло выступали противъ сильныхъ противниковъ во имя правосудія. Такъ, Готье, адвокатъ жившій въ концѣ XVI в. и въ первой половинѣ XVII в., ведя дѣло противъ брата только что умершаго тогда всемогущаго кардинала Ришелье, не стѣсняясь напалъ на дѣйствія министра, заставлявшаго правосудіе служить своимъ личнымъ цѣлямъ, безпощадно проливавшаго кровь лучшихъ фамилій Франціи. Маршалъ Граммонъ въ негодованіи поднялся со своего мѣста и потребовалъ принятія мѣръ противъ оскорбленія памяти кардинала. Готье, не смутясь, отвѣтилъ на это: «Я не назвалъ еще никого, но такъ какъ нескромность нашихъ противниковъ разрѣшаетъ меня отъ необходимости сдерживаться, то надо говорить теперь открыто. Не время прятаться и я не хочу представлять въ загадкахъ имя несправедливаго виновника нашихъ бѣдствій. Да, господа, я говорю о кардиналѣ Ришелье». Такія слова рисуютъ въ очень привлекательномъ свѣтѣ отвагу адвоката, рисковавшаго личной безопасностью, не отступавшаго передъ возможностью преслѣдованія со стороны все еще вліятельныхъ приверженцевъ покойнаго кардинала.

Стараясь идти рука объ руку съ судами, адвокаты въ то же время не уступали существенныхъ правъ своего сословія и дружно стояли другъ за друга, разъ дѣло шло объ общихъ интересахъ. Въ 1602 году, когда состоялся указъ, ограничивающій размѣръ адвокатскихъ гонораровъ (которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ были весьма значительны) и требующій, чтобы они расписывались въ полученіи гонорара, 167 адвокатовъ въ Парижѣ сложили въ канцеляріи суда свои портфеля съ дѣлами и коллективно отказались отъ исправленія своихъ обязанностей. Къ тому же средству они не разъ прибѣгали и впослѣдствіи, заставляя внимательно относиться къ ихъ законнымъ требованіямъ и уважать сложившіеся порядки. Нравственный авторитетъ адвокатскаго сословія былъ весьма великъ, выдающіеся адвокаты, за немногими исключеніями, пользовались уваженіемъ не только за талантъ, но и за честность и добросовѣстность въ отношеніяхъ къ кліентамъ. Современный біографъ-панегеристъ такъ оцѣниваетъ дѣятельность названнаго выше адвоката Готье: «Онъ такъ свободно различалъ

добро и зло, что всегда заставлялъ дрожать несправедливость, насиліе, развратъ и преступленіе. Никто другой не занималъ такъ долго перваго мѣста въ адвокатурѣ, благодаря великимъ и славнымъ дѣяніямъ, и не пользовался лучшей репутаціей». Вообще въ сочиненіяхъ того времени, посвященныхъ жизни и дѣятельности адвокатовъ, постоянно встрѣчаются указанія на то, что они были «честные люди и вели хорошую жизнь». Краснорѣчіе и неподкупность ставились рядомъ, какъ бы взаимно дополняли характеристику адвокатовъ, правозащитниковъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова; отступленія отъ этическихъ правилъ вызывали строгую критику со стороны самихъ членовъ сословія. Такъ, напр., Паскье, одинъ изъ знаменитѣйшихъ парижскихъ адвокатовъ XVI вѣка, высказалъ, вызванный къ тому образомъ дѣйствія своего противника, слѣдующія соображенія объ адвокатской тактикѣ: «Я хотѣлъ бы, чтобы мы всѣ, адвокаты.... принимали частныя дѣла, согласныя съ общими интересами. Но не знаю какимъ образомъ въ нашу среду прокрался порокъ, считаемый нѣкоторыми за добродѣтель, не обращать ни на что вниманія, лишь бы одержать верхъ.... Подумайте, продолжалъ свою рѣчь Паскье, непосредственно говоря съ противникомъ, насколько мой взглядъ разнится отъ вашего. Вы, считая ваше дѣло правымъ, не заботились о томъ, какимъ способомъ вы получите побѣду.... не замѣчая того, что нѣкоторые изъ присутствующихъ судей думаютъ, что вы хотите взять хитростью то, чего не въ состояніи добиться въ честномъ бою. Я же, считая свое дѣло безспорно правымъ, думаю въ противоположность вамъ, что лучшая хитрость, которой я могу пользоваться въ судѣ—это отсутствіе всякой хитрости».

Въ общемъ выводѣ адвокатуру въ XVI вѣкѣ можно характеризовать, какъ вліятельное сословіе, сильное нравственной и умственной авторитетностью, отличающееся въ извѣстной мѣрѣ консервативнымъ характеромъ, но въ то же время не остающееся чуждымъ великому движенію эпохи въ области науки, религіи и политики, тѣмъ болѣе, что адвокаты принимали активное участіе и въ администраціи (изъ нихъ же назначались судьи и высшіе сановники) и въ общественной дѣя-

тельности, примыкая къ боровшимся въ то время партіямъ и сектамъ.

Новое появилось въ адвокатскихъ рѣчахъ, благодаря изобрѣтенію книгопечатанія. Изобрѣтеніе Гуттенберга внѣшнимъ образомъ отразилось увеличеніемъ показной эрудиціи, числа цитатъ и извлеченій изъ авторовъ; благодаря книгамъ адвокаты могли до безконечности увеличивать свои ссылки, что прежде при дороговизнѣ и рѣдкости рукописей, было для нихъ гораздо затруднительнѣе. Какъ увидимъ ниже, нѣкоторыя рѣчи прямо напоминаютъ собою мозаичную работу, до такой степени онѣ пестрятъ кусочками изъ авторовъ древнихъ и новыхъ временъ. Но, конечно, книгопечатаніе и связанная съ нимъ легкость пріобрѣтенія знаній и свѣдѣній, повліяли не на одну внѣшнюю сторону рѣчей, уже въ средніе вѣка весьма обильно украшенныхъ безъ надобности и цѣли произведеніями чужого ума и не относящимися къ дѣлу фактами и разсказами. Измѣнилось къ лучшему и содержаніе рѣчи: адвокаты стали болѣе образованными людьми, умѣющими выбирать подходящую для нихъ аргументацію, излагать свои мысли языкомъ, сообразнымъ съ обстоятельствами дѣла. Явилась также возможность сравненія и изученія рѣчей, стали печататься сочиненія адвокатовъ, трактаты по теоріи краснорѣчія; въ концѣ XVI вѣка были напечатаны рѣчи адвокатовъ Маріона, Галланда, Готье, за которыми быстро послѣдовали и другіе. Выдающіеся адвокаты несомнѣнно обладали солидной подготовкой, отличались не только въ области юриспруденціи, но и въ изящной литературѣ. Такъ Паскье, какъ передаетъ Мюнье-Жоленъ (Munier Jolain. La plaidoirie dans la langue française. XV, XVI et XVII siècles. 1896), занимался философскими, политическими и историческими вопросами.

Особенно усилившійся въ эпоху возрожденія авторитетъ римскаго права, ставшаго главнымъ предметомъ изученія и толкованія юристовъ, привелъ къ тому, что въ адвокатскихъ рѣчахъ стали встрѣчаться въ массѣ ссылки на римскіе законы, на ихъ комментаторовъ. Латинскій и греческій языки сохранили мѣсто, которое они занимали въ средніе вѣка, измѣненіе къ лучшему, однако, состояло въ томъ, что класси-

ческія фразы и цитаты примѣнялись болѣе искусно, такъ такъ адвокаты могли благодаря книгопечатанію знакомиться съ цитируемыми авторами въ подлинникахъ. Вмѣстѣ съ этимъ громадное вліяніе пріобрѣлъ величайшій римскій ораторъ и адвокатъ Цицеронъ, въ которомъ, при всеобщемъ преклоненіи передъ римскимъ правомъ и латинскимъ языкомъ, склонны были видѣть олицетвореніе краснорѣчія. Отличительныя качества его рѣчей, мастерство и богатство стиля, ясность изложенія обезпечили торжество Цицерона, ставшаго общимъ учителемъ адвокатовъ, идеаломъ, къ которому всѣ стремились приблизиться. Объ успѣхѣ Цицерона «благороднаго и нравственнаго Туллія» достаточно говоритъ тотъ фактъ, что съ 1499 по 1619 годъ было 15 изданій полнаго собранія его сочиненій. Отдѣльные трактаты издавались еще чаще, напр., сочиненіе «De officiis» съ 1460 по 1500 г. выдержало 30 изданій.

Большая перемѣна произошла въ рѣчахъ и относительно священныхъ текстовъ, столь обычныхъ у средневѣковыхъ ораторовъ. Реформаціонное движеніе поколебало господство католицизма, освободило науку и краснорѣчіе отъ прежняго чрезмѣрнаго подчиненія; рѣчи адвокатовъ стали носить вполнѣ свѣтскій характеръ. Но крушеніе средневѣковыхъ авторитетовъ не было полнымъ и произошло не сразу: они все таки сохранили часть прежняго могущества, что замѣтно, между прочимъ, на процессахъ вѣдьмъ, надолго пережившихъ средніе вѣка, и въ ожесточенной борьбѣ съ ересями, цѣлыя столѣтія еще вооружавшими государства и партіи другъ противъ друга. Однако къ концу XVI столѣтія отношеніе и къ такимъ вопросамъ, какъ появленіе злыхъ духовъ и ихъ непосредственное вмѣшательство въ людскія дѣла, стало болѣе свободнымъ: по поводу ихъ высказывались сомнѣнія, они подвергались обсужденію. Не лишенный интереса примѣръ подобнаго отношенія представляетъ рѣчь адвоката Peleus'а въ 1595 г., защищавшаго передъ Бордосскимъ парламентомъ интересы домовладѣльца, жилецъ котораго, нарушивъ контрактъ, выѣхалъ изъ квартиры до срока, такъ какъ его спокойствіе постоянно смущало появленіе духовъ, принимавшихъ различныя формы. Въ рѣчи Peleus'а вѣра въ реальность этихъ явленій не оспари-

вается, но адвокатъ относится къ ней съ нѣкоторымъ скептицизмомъ; онъ позволяетъ себѣ излагать соображенія по столь важному предмету мѣстами въ слегка шутливой формѣ, не вызывая этимъ нареканій со стороны судей. Ораторъ утверждаетъ, что явленіе духовъ само по себѣ недостаточно для нарушенія контракта, что здѣсь можетъ быть самообманъ: истецъ, можетъ быть, просто страдаетъ какой нибудь болѣзнью, на подобіе одного философа, который до такой степени явственно слышалъ иногда не существующую музыку, что принимался танцовать подъ воображаемые звуки. Даже если допустить дѣйствительность явленій, то духи бываютъ добрые и злые. Если являются добрые духи, истцу не на что жаловаться; если злые, то также нѣтъ основаній къ выѣзду. Истецъ долженъ винить во всемъ свою трусость, такъ какъ призраки избѣгаютъ домовъ, гдѣ живутъ мужественные люди. Демоны съ появленіемъ Христа удалились въ необитаемыя пустыни. Кромѣ того возможно, что это тѣни родственниковъ являются изъ чистилища, въ такомъ случаѣ ему не на что быть въ претензіи; если же призраки мучатъ истца по волѣ Божіей за совершенное имъ преступленіе, то здѣсь его вина а не домовладѣльца. Какъ бы то ни было до выѣзда истецъ долженъ былъ употребить всѣ средства для изгнанія духовъ; средства эти подробно перечисляются, въ числѣ ихъ собачья желчь и трава моли, которую Меркурій рекомендовалъ Одиссею противъ чаръ Цирцеи; наконецъ онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ духовенству. Результатомъ рѣчи было то, что судъ назначилъ личный осмотръ спорной квартиры.

Итакъ, гуманизмъ, реформація, распространеніе образованія, измѣненія въ общественномъ и государственномъ строѣ и обусловленное всѣмъ этимъ болѣе развитое самосознаніе личности, созданіе новыхъ идеаловъ въ наукѣ и искусствѣ отразились и на краснорѣчіи XVI столѣтія, къ ближайшему разсмотрѣнію котораго мы теперь переходимъ.

V.

Нѣтъ надобности говорить, что между различными историческими эпохами нельзя провести строгой раздѣлительной черты;

старое и новое переплетаются всегда въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ, поэтому нисколько не удивительно, что въ судебныхъ рѣчахъ XVI столѣтія мы встрѣтимся со многимъ, извѣстнымъ намъ уже изъ очерка среднихъ вѣковъ. Таково, напр. неразборчивое пользованіе цитатами, облегченное, какъ замѣчено выше, книгопечатаніемъ. Въ рѣчи Монтелона въ защиту парижскихъ выборныхъ городскихъ старшинъ всѣ французскія учрежденія сопоставляются безъ всякихъ церемоній съ римскими, аргументы щедро подкрѣпляются ссылками на Бальда, Бартола, де Кастро, Александра Имолійскаго, Андреа и т. д., все на пространствѣ нѣсколькихъ страницъ, при этомъ Бартолъ упоминается 15 разъ. Рѣчь раздѣлена на 6 частей, согласно съ правилами Квинтиліана. Такимъ образомъ, къ старому способу присоединяется новое, внесенное эпохой возрожденія, теологія вытѣсняется юриспруденціей. Въ 1564 году Версорисъ, представляя интересы іезуитовъ въ процессѣ съ Парижскимъ университетомъ, началъ свою рѣчь слѣдующимъ вступленіемъ, живо напоминающимъ ученыя упражненія почтенныхъ схоластиковъ. Онъ обратился къ суду, который, по его мнѣнію представлялъ «глазъ парламента, и по своей пропорціональной округлости болѣе правиленъ, чѣмъ глазъ Полифема (циклопа, упоминаемаго въ Одиссеѣ), который нѣкоторые считали по Филострату глазомъ Франціи, но который скорѣе слѣдуетъ назвать глазомъ правосудія, смотрящимъ на Галатею или истину, въ которую влюбленъ этотъ Полифемъ, т. е. это великое тѣло правосудія». Такое вступленіе сдѣлало бы честь любому доктору Сорбонны XIV—XV в., но въ 1564 г. оно уже представлялось нѣсколько устарѣвшимъ и не могло вызвать восторговъ, достойныхъ искусства оратора. Противникъ его, котораго этотъ день сдѣлалъ знаменитостью, говорилъ совершенно иначе. Насколько часто встрѣчалась въ рѣчахъ латынь, помимо текстовъ и цитатъ, можно судить по рѣчи Бриссона, очень извѣстнаго адвоката, защищавшаго имущественные интересы нѣкоего Симона Боби, обвинявшаго въ убійствѣ своей жены, двухъ дѣтей и служанки ближайшихъ наслѣдниковъ первой. Возсоздавая сцену убійства, краснорѣчивый адвокатъ описываетъ порядокъ, въ которомъ были убиты жертвы: «Primo

loco occurrit, passis capillis, mater (прежде прибѣжала съ распущенными волосами мать); послѣ служанка. Postremo (наконецъ) кормилица съ дѣтьми». Затѣмъ слѣдуетъ разборъ уликъ на основаніи изреченія «cui bono» и рѣчей Цицерона за Секста Росція, Милона и второй филиппики. Послѣдовательность убійства служитъ для адвоката средствомъ отстоять право наслѣдованія его кліента. Мать умерла прежде, какъ могло быть иначе? Объ этомъ прекрасно говоритъ св. Амвросій и Гомеръ, который сравниваетъ Менелая, бросающагося, чтобы спасти Патрокла, съ матерью; въ такомъ случаѣ дѣти, умершія послѣ, наслѣдовали матери, а послѣ нихъ естественный наслѣдникъ — отецъ. Всѣ эти адвокатскія разсужденія поражаютъ насъ тонкостью построенія, но за то не много выигрываютъ въ убѣдительности. Бриссонъ проигралъ процессъ: очевидно, судьи не прониклись достаточно доводами оратора, приведшаго въ своей рѣчи все, кромѣ того что было нужно: въ ней не было ни искренняго чувства, ни вѣскихъ доказательствъ. Если даже въ рѣчахъ несомнѣнно выдающихся адвокатовъ, какимъ былъ Бриссонъ, встрѣчаются такія, бьющія въ глаза, злоупотребленія правилами искусства, то тѣмъ болѣе они должны были встрѣчаться у посредственныхъ, подражавшихъ другимъ. Съ ними случалось то, что обыкновенно происходитъ съ малоталантливыми людьми, берущимися по примѣру другихъ за непосильную для нихъ работу. Они подражали тому, что всего замѣтнѣе, съ чѣмъ всего легче справиться. Не имѣя возможности сравняться съ первыми адвокатами содержаніемъ рѣчи, они подражали формѣ ихъ рѣчей, а въ ней самымъ доступнымъ для подражанія часто были недостатки рѣчи, особенно злоупотребленіе цитатами, которое подражатели считали квинтъ эссенціей ораторскаго искусства и учености. Такова рѣчь адвоката Роберта по дѣлу матери Жана Проста, убитаго въ 1599 г., которая ложно обвинила въ этомъ его хозяевъ. Когда ихъ невинность обнаружилась, они потребовали удовлетворенія за перенесенныя страданія (обвиняемые были подвергнуты пыткѣ). Робертъ доказывалъ, что мать Жана Проста должна вознаградить потерпѣвшихъ, такъ какъ Церера, по неосторожности, съѣвшая плечо Пелопса, сдѣлала ему новое изъ слоновой

кости. Правосудіе сравнивается со слѣпцомъ Тирезіемъ, отвѣтчица—съ дочерью прорицателя; на Тирезія, т. е. на правосудіе, какъ на слѣпца, нельзя сердиться, во всемъ виновата его путеводительница, т. е. отвѣтчица. Въ разсмотрѣнныхъ рѣчахъ переживаніе прошлаго заслоняетъ еще новое, адвокаты по прежнему являются, главнымъ образомъ, учеными, считающими необходимымъ сказать судьямъ все, что они знаютъ, для того чтобы придать своей рѣчи серьезность и благородство. Первенствующая роль здѣсь принадлежитъ формѣ, рѣчь почти ничѣмъ не отличается отъ научныхъ сочиненій; въ говорящемъ чувствуется писатель, а не ораторъ, способный увлечь и взволновать аудиторію; реторическія фигуры, холодныя и длинныя разсужденія замѣняютъ чувство.

Выше я останавливался на причинахъ, обусловливающихъ отступленія отъ прежняго, подъ вліяніемъ которыхъ новое сказалось уже въ половинѣ XVI столѣтія. Упомянутый уже адвокатъ Паскье, защищая наслѣдника жены Симона Боби, не прибѣгаетъ, подобно Бриссону, ни къ латыни, ни къ римскому праву (цитаты встрѣчаются въ рѣчи въ умѣренномъ количествѣ: обойтись безъ нихъ было бы слишкомъ рѣзкимъ противорѣчіемъ господствующему настроенію, которому не могли не подчиниться въ извѣстныхъ предѣлахъ и новаторы). Онъ разсматриваетъ доказательства, даетъ имъ надлежащую оцѣнку и блистательно выясняетъ невинность своего кліента и сомнительный нравственный характеръ дѣйствій истца, которому Паскье въ свою очередь бросаетъ обвиненіе въ соучастіи съ вѣроятнымъ убійцей-слугой, въ облегченіи ему бѣгства. «И посреди всѣхъ этихъ поступковъ можете ли вы подумать, что его искъ не объясняется давно обдуманнымъ проявленіемъ жадности? Можетъ ли онъ (истецъ) быть вознагражденъ за попустительство этому презрѣнному слугѣ? О, господа, это, нужно признаться, была бы странная юриспруденція». Обвиняемый былъ единогласно оправданъ.

Таковъ же стиль рѣчи Паскье въ защиту Сорбонны противъ іезуитовъ, требовавшихъ включенія себя въ университетскую корпорацію. Іезуиты ссылались, между прочимъ, на свое безкорыстіе, на то, что они занимались преподаваніемъ

даромъ. Паскье замѣчаетъ, что это безкорыстіе плохо согласуется съ огромными богатствами ордена и срываетъ съ противниковъ маску лицемѣрія, не безъ ироніи, останавливаясь на ихъ «безкорыстіи». «Безкорыстіе ли это, говоритъ онъ, не брать мелкой монеты за исповѣдь, а затѣмъ вымогать съ исповѣдника подъ видомъ добровольнаго дара серебряную посуду и множество другихъ драгоцѣнныхъ предметовъ, о которыхъ нѣтъ нужды говорить въ этомъ мѣстѣ?.. Такимъ образомъ безкорыстенъ и разбойникъ, заговаривающій сладкими словами прохожаго до того мѣста, гдѣ, ставъ въ выгодное положеніе, онъ отнимаетъ отъ послѣдняго жизнь и имущество. Такимъ образомъ безкорыстенъ и рыбакъ, бросающій въ море приманку, чтобы вытащить большую рыбу». Но отмѣченныя здѣсь особенности рѣчи мы находимъ не у всѣхъ адвокатовъ, принадлежащихъ къ новому направленію: большинство изъ нихъ не остается въ тѣсныхъ границахъ обстоятельствъ дѣла, стремится къ украшеніямъ рѣчи, видя въ нихъ вѣрное средство сдѣлать ее сильной и изящной, сравниться съ греками и римлянами, о чемъ мечтали не только ораторы XVI стол., но и гораздо позднѣйшихъ эпохъ.

Въ теоретическихъ сочиненіяхъ, относящихся къ разсматриваемому періоду, въ «діалогѣ объ адвокатахъ» Луазеля и въ трактатѣ Дю-Вера судебному оратору предъявляется прежде всего требованіе основательнаго знанія всѣхъ формъ судебныхъ бумагъ, что было безусловно необходимо при господствѣ письменности въ процессѣ, затѣмъ всѣхъ римскихъ и мѣстныхъ законовъ и обычаевъ, но кромѣ того также выражалась мысль о необходимости разнообразить рѣчь заимствованіями изъ классиковъ по латыни, если нельзя было хорошо сказать этого по французски. Дю-Веръ указываетъ, что хорошій адвокатъ долженъ походить на добраго отца семейства, который, не довольствуясь удобствомъ и прочностью постройки дома, «желаетъ имѣть разрисованную галлерею, красивый фасадъ, адвокатъ также захочетъ имѣть прекрасный буфетъ, серебряную посуду... и употребитъ матеріалъ сообразно съ характеромъ дѣла. Не надо говорить, что если у него нѣтъ нужныхъ вещей, онъ ихъ займетъ; если ему понадобятся заимствованія изъ фило-

софіи, онъ отыщетъ ихъ у знатоковъ». Главное средство достигнуть успѣха—это изученіе лучшихъ произведеній древности, которыя, какъ замѣчаетъ Дю-Веръ, отличаются отъ современныхъ ему простотою и отсутствіемъ излишнихъ цитатъ и украшеній. Пути, указываемаго теоріей и держались лучшіе адвокаты—новаторы.

Между ними одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Арно, въ рѣчахъ котораго встрѣчаются уже прямо патетическія мѣста въ формѣ, неизвѣстной до него. Такъ во вступленіи въ рѣчи прочивъ іезуитовъ, произнесенной въ 1594 г., ораторъ обращается къ убитому королю Генриху III: «Генрихъ III, мой великій государь, съ удовлетвореніемъ взирающій съ небесъ на царствованіе твоего законнаго и благороднаго преемника... помоги мнѣ въ этомъ дѣлѣ и умножь мою силу постояннымъ воспоминаніемъ о твоей окровавленной сорочкѣ» (въ которой былъ убитъ Генрихъ III по наущенію іезуитовъ). Арно былъ противникомъ Роберта въ дѣлѣ Жана Проста, и въ противоположность ему совершенно не обращался къ классическимъ примѣрамъ. Объясняя доносъ матери убитаго ея горемъ, онъ сослался на то, что законы, оправдывающіе ее, «рождены вмѣстѣ съ нами, всякій ихъ знаетъ, мы ихъ всосали съ молокомъ матери, не можемъ отречься отъ нихъ, не отрекаясь отъ человѣчности». Правда, это мѣсто довольно близко воспроизводитъ опредѣленіе необходимой обороны, сдѣланное Цицерономъ въ рѣчи за Милона (см. стр. 52), но во всякомъ случаѣ умѣлое пользованіе и выборъ матеріала дѣлаютъ честь оратору: онъ заимствуетъ дѣйствительно хорошее, а не недостатки своего учителя—и это говоритъ въ пользу его ума и таланта.

Разборъ рѣчей адвокатовъ XVI стол., лучшихъ представителей свѣтскаго краснорѣчія въ то время, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о развитіи ораторскаго искусства сравнительно съ средними вѣками, указываетъ на то, что это развитіе шло параллельно съ умственнымъ и религіознымъ движеніемъ эпохи и что, какъ только ораторское искусство стало въ лучшія условія, немедленно формы рѣчи измѣнились сообразно съ возрастающими потребностями человѣческаго духа, удовлетворенію которыхъ оно служитъ.

Краснорѣчіе во Франціи въ XVII вѣкѣ.

I.

Долгая борьба королевской власти во Франціи съ враждебными и непокорными элементами завершилась въ XVII вѣкѣ ея полною побѣдой, и въ царствованіе Людовика XIV ея могущество достигло высшаго предѣла. Серьезной оппозиціи ждать было неоткуда; народныя массы были далеки отъ возможности проявлять свои требованія и желанія; буржуазія, утомленная продолжительной эпохой религіозной и партійной борьбы, довольствовалась относительнымъ покоемъ и безопасностью; дворянство было побѣждено и почти утратило свое политическое значеніе, за нимъ сохранились остатки феодальныхъ правъ, не опасные для престижа государственной власти, и возможность толпиться при дворѣ монарха, ставшаго единственнымъ источникомъ милостей. Государство во все проникало, все охраняло и устраивало помимо заинтересованныхъ лицъ; подданные должны были повиноваться, жить и дѣйствовать согласно съ высшими предначертаніями. Это былъ вѣкъ расшитыхъ кафтановъ, огромныхъ париковъ и высокихъ каблуковъ, посредствомъ которыхъ люди какъ бы стремились стать выше собственнаго роста, произвести впечатлѣніе своею внѣшностью. Вездѣ заботились о правильности и симметріи: въ постройкахъ, въ разбивкѣ садовъ, въ которыхъ деревья тщательно подстригались и разсаживались въ строгомъ порядкѣ,— все выравнивалось, подводилось подъ ранжиръ. Однако, при всемъ этомъ новая эпоха значительно отличалась отъ предшествующихъ, такъ какъ просвѣщеніе, развитіе наукъ сдѣлало во Франціи большіе шаги впередъ, мракъ средневѣковаго невѣжества въ значительной степени разсѣялся, вмѣстѣ съ тѣмъ,

человѣческая мысль освободилась отъ многихъ оковъ, получила возможность работать болѣе плодотворно и сознательно, это отразилось и на краснорѣчіи. Измѣненіе произошло, главнымъ образомъ, во внѣшней формѣ,—фактъ, объясняемый тѣмъ, что при полицейскомъ строѣ государства область, въ которой могъ двигаться ораторъ, была не очень велика: свобода слова допускалась лишь насколько она не противорѣчила установленнымъ порядкамъ и взглядамъ. Поэтому политическое краснорѣчіе, какъ и прежде, не могло существовать, его въ незначительной мѣрѣ замѣняло духовное и на ряду съ нимъ судебное.

Внѣшняя форма рѣчей достигла въ эту эпоху значительной степени совершенства, чему помогло начавшееся уже раньше штудированіе греческихъ и латинскихъ писателей, заимствованіе у нихъ реторическихъ правилъ, заимствованіе сознательное, не механическое, какъ въ средніе вѣка, что свидѣтельствуетъ о прогрессѣ знаній. Дѣйствительная жизнь давала мало содержанія писателямъ и ораторамъ, и это еще болѣе усиливало традиціи классицизма, заставляло переряжать героевъ литературныхъ произведеній въ греческіе и римскіе костюмы. Напыщенное, высокопарное подражаніе и было отличительнымъ признакомъ эпохи ложнаго классицизма. Оффиціальное, такъ сказать, міровоззрѣніе этой эпохи всего лучше выражаетъ въ своихъ проповѣдяхъ ея величайшій ораторъ—Боссюэтъ, часто касающійся въ своихъ рѣчахъ вопросовъ государственной жизни и выполненія гражданскаго долга. Основныя обязанности подданныхъ формулированы имъ въ надгробной рѣчи надъ принцемъ Конде, гдѣ онъ высказываетъ мысль, что сыновья принца «не будутъ великими и честными, если не будутъ вѣрны Богу и королю». Итакъ, вѣрное служеніе церкви и государству, безпрекословное исполненіе ихъ велѣній—первый долгъ подданнаго и христіанина. Міръ съ точки зрѣнія Боссюэта—громадная школа, въ которой Творецъ является Верховнымъ Учителемъ, устраивающимъ все съ такимъ разсчетомъ, чтобы каждое событіе было наставленіемъ и урокомъ для народовъ и пастырей. Конечно, Боссюэтъ не могъ не видѣть, что жизнь не всегда согласна съ подобными принципами, что многое, совершавшееся въ его время, плохо укладывалось въ

рамки «школьнаго обученія», но онъ безъ особенныхъ затрудненій обходилъ подводные камни. Однимъ изъ нихъ была, напр., англійская революція, дававшая обширный просторъ появленію и усиленію ересей; по его мнѣнію, она произошла потому, что Богъ рѣшилъ «показать королямъ, что они не должны оставлять церкви». Въ виду этого не трудно было найти и утѣшеніе: «Богъ,—говоритъ Боссюэтъ,—дозволяетъ духу искусителю обманывать надменныя души, чтобы покарать или пробудить пастырей и народы... и опредѣляетъ въ своей мудрости предѣлы, до которыхъ можно допустить заблужденія и страданія церкви.» И Боссюэтъ уже предвидѣлъ близкое возвращеніе свѣта католицизма въ Англіи (что, какъ извѣстно, не совершилось еще и къ наше время, хотя прошло уже слишкомъ 200 лѣтъ). Уроки даются даже и добродѣтельнымъ людямъ... для болѣе полнаго усовершенствованія. Такъ, въ надгробной рѣчи надъ королевой Маріей-Генріэтой, супругой Карла I, Боссюэтъ утверждаетъ, что «Богъ держалъ 12 лѣтъ безъ всякаго утѣшенія со стороны людей нашу несчастную королеву... заставляя переносить отъ своей руки тяжелые, но основательные уроки». Вообще всѣ вопросы философіи исторіи разрѣшаются Боссюэтомъ очень просто, именно благодаря основному взгляду. Напр., онъ объясняетъ значеніе великихъ людей тѣмъ, что «Богъ разсыпаетъ дары геніальности не только вѣрнымъ, но, чтобы смѣшать разумъ гордящихся такими дарами, Богъ украшаетъ ими и своихъ враговъ». Пересчитывая затѣмъ мудрецовъ и полководцевъ древняго міра, благочестивый ораторъ повторяетъ вслѣдъ за св. Августиномъ, что всѣ они были созданы «для украшенія вѣка, въ которомъ жили», онъ сравниваетъ ихъ съ солнцемъ, созданнымъ Богомъ, «чтобы украсить и освѣтить великую сцену міра».

Боссюэтъ не смущается крайними выводами изъ своихъ мнѣній и вмѣшиваетъ непосредственно Провидѣніе не только въ дѣла высокихъ особъ, но даже и въ назначеніе сановниковъ. Такъ, въ надгробной рѣчи надъ французской королевой Маріей-Терезіей, бывшей инфантой Испаніи, ораторъ говоритъ: «Она видѣла себя.... съ дѣтства окруженною добродѣтелями.... Филиппъ (ея отецъ) воспитывалъ ее такъ для своихъ госу-

царствъ, но Богъ, который насъ любитъ, назначилъ ее Людовику». Здѣсь Боссюэтъ заставляетъ Провидѣніе непосредственно вмѣшиваться въ семейные планы испанскаго короля. Въ рѣчи, сказанной при погребеніи канцлера Франціи Ле-Телье, говоря о томъ, что покойный разсчитывалъ занять свое мѣсто гораздо раньше, но король назначилъ другого, ораторъ указываетъ «что министръ... умѣлъ еще разъ поднять взоры къ Провидѣнію, вѣчные законы котораго управляютъ всѣми этими движеніями», т. е. распредѣленіемъ должностей и назначеніемъ министровъ.

Не менѣе интересно и характерно отношеніе Боссюэта къ королевской власти. Король-солнце сіяетъ въ рѣчахъ краснорѣчиваго проповѣдника, какъ земное божество, олицетвореніе всѣхъ доблестей и добродѣтелей, доступныхъ людямъ. Геній Людовика Великаго царствуетъ надъ всѣмъ и всѣми; Боссюэтъ изображаетъ его послѣ перенесенной имъ болѣзни, во время «которой вселенная узнала его благочестіе, твердость и любовь его народовъ», успокаивающимъ «жестокое безпокойство» своего двора, доставляя ему утѣшеніе видѣть свою особу. «Короля, властелина своей болѣзни, какъ и всего прочаго, — говоритъ онъ, — мы видѣли всѣ дни не только занимающимся по обыкновенію дѣлами, но еще разговаривающимъ съ умиленнымъ дворомъ съ такимъ же спокойствіемъ, какое онъ выказывалъ, появляясь въ своихъ очарованныхъ садахъ». Король выказываетъ себя «величайшимъ изъ людей, какъ чудесами, совершенными имъ лично, такъ и при посредствѣ генераловъ». Не менѣе пышныя выраженія употребляются, когда дѣло идетъ о лицахъ королевской фамиліи: покойная королева Марія-Терезія, имѣвшая очень мало значенія при дворѣ въ вѣкъ фаворитокъ, сравнивается въ одномъ мѣстѣ надгробной рѣчи, съ Авраамомъ и Богоматерью: «Королева, полная вѣры, — заявляетъ Боссюэтъ, — представляетъ не меньшій примѣръ для подражанія, чѣмъ Марія»; даже объ иностранныхъ государяхъ, находящихся въ союзѣ съ Франціею, ораторъ выражается въ подобномъ же родѣ. Такова, напр., характеристика царствованія Карла II въ Англіи, неотличавшагося, какъ извѣстно, ни добродѣтелями ни государственными способностями: «онъ царствуетъ спокойно

и славно на тронѣ своихъ предковъ и съ нимъ вмѣстѣ царствуютъ справедливость, мудрость и милосердіе». Эти слова могли бы показаться злой ироніей, если бы иронія вообще не была изгнана изъ ораторскихъ средствъ Боссюэта. Но если преклоненіе и лесть передъ властью составляютъ отличительный признакъ рѣчей Боссюэта, то эта лесть достигаетъ геркулесовыхъ столповъ, когда король отстаиваетъ интересы церкви, и оратору приходится говорить pro domo sua. Не довольствуясь обыкновенной, никого уже не трогающей лестью, Боссюэтъ въ этихъ случаяхъ превосходитъ самого себя, мало стѣсняясь завѣдомымъ искаженіемъ происходящаго, рисуя не то, что есть, а то, что желательно бы видѣть оратору. Общеизвѣстно, что отмѣна Нантскаго эдикта, обезпечивавшаго вѣроисповѣдныя права французскихъ протестантовъ, и вынужденное обращеніе ихъ въ католичество было одной изъ самыхъ тяжелыхъ страницъ въ исторіи царствованія Людовика XIV; оно сопровождалось жестокостями и насиліями и вызвало массовое переселеніе трудолюбивыхъ и зажиточныхъ протестантовъ въ другія страны, что нанесло не малый ущербъ экономическому благосостоянію Франціи. И это событіе Боссюэтъ изображаетъ въ слѣдующей идилической картинѣ, замѣчательной тѣмъ, что въ ней нѣтъ ничего похожаго на истину. Разсказавъ объ уничтоженіи и преслѣдованіи ересей въ Византіи, чему были свидѣтелями «наши отцы въ первые вѣка церкви», ораторъ продолжаетъ: «но наши отцы не видѣли, какъ мы, исчезновенія застарѣлой ереси сразу, возвращенія заблудшихся стадъ толпою, такъ что наши церкви не могли вмѣстить ихъ; не видѣли, какъ ложные пастыри оставляютъ ихъ, даже не ожидая приказаній, счастливые и тѣмъ, что могутъ выставить изгнаніе, какъ извиненіе своего образа дѣйствій.... Тронутые столькими чудесами изольемъ наши сердца передъ благочестіемъ Людовика, подымемъ до небесъ наши привѣтственные клики и скажемъ этому новому Константину, этому новому Маркіану, этому новому Карлу Великому то, что нѣкогда 630 отцовъ сказали на Халкедонскомъ соборѣ: вы укрѣпили вѣру, вы истребили еретиковъ; это трудъ, достойный вашего царствованія.... благодаря вамъ, ереси нѣтъ болѣе: одинъ Богъ могъ сдѣ-

лать это чудо». Приведенная страница очень поучительна: она показываетъ до чего могли доходить ораторы, говорившіе подобныя фразы, и благосклонные слушатели, не удивлявшіеся тому, что они слышатъ, считавшіе подобные пріемы вполнѣ естественными. Правда, это было при дворѣ, но дворъ при Людовикѣ XIV отражалъ въ себѣ жизнь Франціи.

Таковы были основные взгляды Боссюэта, тѣ горизонты, которые опредѣляли содержаніе его рѣчей; что могли они дать, какъ не совершенство внѣшней формы, воспроизведенной по античнымъ образцамъ? Лучшими рѣчами, бывшими его спеціальностью, справедливо считаются надгробныя рѣчи, такъ какъ онѣ давали оратору больше матеріала: у гроба первыхъ лицъ королевства ему приходилось дѣлать оцѣнку ихъ дѣятельности, говорить о важнѣйшихъ вопросахъ политики и управленія, и говорить въ торжественный моментъ, когда передъ лицомъ смерти, въ обстановкѣ, безпощадно напоминающей ничтожество всего земного, слушатели были въ особо нервномъ, воспріимчивомъ настроеніи. Но и въ этихъ рѣчахъ поражаетъ прежде всего томительное однообразіе формы и содержанія. Сначала идетъ вступленіе, затѣмъ тема, изложеніе, доказательства,—все это безъ отступленій отъ правилъ, въ безжизненной стистематичности. Восклицанія, сравненія, всевозможныя украшенія составляютъ обычныя ораторскія средства: «О, суета! О, небытіе! О, смертные, не знающіе своей судьбы», подобнымъ способомъ ораторъ очень часто старается воздѣйствовать на чувство слушателей. Содержаніе рѣчи сводится къ немногимъ общимъ пунктамъ; у женщинъ восхваляется: любезность, кротость, терпѣніе, благотворительность, для мужчинъ къ этимъ качествамъ присоединяются дарованія, отличавшія ихъ на военномъ или гражданскомъ поприщѣ; на первомъ планѣ стоитъ у всѣхъ христіанское благочестіе и поучительная кончина. Мысли почти постоянно однѣ и тѣ же: сегодня онѣ прилагаются къ кончинѣ королевы Англіи, завтра—герцогини Орлеанской, затѣмъ канцлера, главнокомандующаго. Различіе иногда дѣлается въ размѣрахъ рѣчей: менѣе выдающіяся лица удостаиваются и менѣе длинныхъ рѣчей (что часто служитъ только къ выгодѣ послѣднихъ). Фальшь, условность и отсутствіе

искренности дѣлаютъ рѣчи еще болѣе скучными и холодными; въ нихъ всякое движеніе разсчитано; у гроба проповѣдникъ никогда не забываетъ, что онъ придворный и, говоря о мертвецѣ, въ то же время усердно кадитъ ѳиміамъ лести живымъ.

Таковы отрицательныя стороны рѣчей Боссюэта. Положительныя заключаются въ замѣчательно отдѣланномъ слогѣ, въ красивыхъ образахъ, въ богатствѣ общихъ мѣстъ и разсужденій, производящихъ впечатлѣніе, не смотря на ихъ реторичность. Языкъ Боссюэта можно назвать безукоризненнымъ, съ этой точки зрѣнія его рѣчи представляютъ въ полномъ смыслѣ слова произведенія искусства. Одна изъ лучшихъ рѣчей Боссюэта была имъ произнесена по случаю смерти герцогини Орлеанской; привожу изъ нея описаніе самого событія: «О, бѣдственная ночь! о, ужасная ночь, въ которую, какъ ударъ грома разнеслась вѣсть: принцесса умираетъ! Принцесса умерла!... При первомъ извѣстіи о столь странной болѣзни со всѣхъ сторонъ бѣгутъ въ Сенъ-Клу... Повсюду слышны крики, повсюду видно горе, отчаяніе и образъ смерти.... Король, королева, герцогъ, весь дворъ, весь народъ, всѣ поражены, всѣ въ отчаяніи». Въ этой же рѣчи встрѣчаются удачныя общія мѣста и разсужденія: «Я хочу,—говоритъ ораторъ,—въ одномъ несчастіи оплакать всѣ бѣдствія человѣческаго рода и въ одной смерти видѣть смерть и ничтожество всего человѣческаго величія.... Послѣ того, что мы видѣли, здоровье не болѣе какъ звукъ, жизнь—сонъ, слава—самообманъ». Въ концѣ рѣчи у Боссюэта даже проскальзываетъ искренній паѳосъ, вызванный волненіемъ при мысли о внезапной и преждевременной смерти молодой и красивой принцессы, которой все улыбалось въ жизни: «Вотъ она.... эта столь чтимая и любимая принцесса, вотъ она, какою, ее сдѣлала смерть; даже и эти останки исчезнутъ, эта тѣнь славы разсѣется, и мы увидимъ ее лишенною даже этого печальнаго украшенія! Она сойдетъ въ темныя мѣста, въ подземныя жилища, чтобы тамъ спать въ прахѣ съ великими земли, какъ говоритъ Іовъ, съ безжизненными королями и принцами, между которыми ее можно съ трудомъ помѣстить, такъ тѣсны ихъ ряды, такъ смерть торопится заполнять эти мѣста. Но и тутъ наше воображеніе насъ обманываетъ: смерть

не оставляетъ достаточно тѣла, чтобы занять какое-нибудь мѣсто, и остаются только могилы».

Встрѣчаются и въ другихъ рѣчахъ изрѣдка моменты, въ которыхъ ораторъ выходитъ изъ предѣловъ придворной лести и оффиціальнаго изложенія подвиговъ усопшаго и даетъ общія картины. Таково мѣсто въ надгробной рѣчи надъ канцлеромъ Ле-Телье, въ которомъ ораторъ говоритъ о жизни и ничтожествѣ дѣяній сильныхъ міра, не выходя, конечно, изъ границъ дозволеннаго и умѣреннаго увлеченія: «Спите вашимъ вѣчнымъ сномъ, богатые земли, и оставайтесь въ вашемъ прахѣ. Ахъ! если бы черезъ нѣсколько поколѣній, что говорю я? черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ вашей смерти вы вернулись назадъ... вы сами поспѣшили бы уйти въ могилы, чтобы не видѣть стертымъ вашего имени, уничтоженной памяти о васъ и вашей предусмотрительности, обманутой въ вашихъ друзьяхъ, креатурахъ и еще болѣе въ вашихъ дѣтяхъ и наслѣдникахъ. Это-ли плодъ трудовъ, которые вы несли подъ солнцемъ, собирая сокровища ненависти и вѣчнаго гнѣва на справедливомъ судѣ Божіемъ?» Въ этомъ же родѣ составлено эффектное заключеніе въ надгробной рѣчи надъ принцемъ Конде, гдѣ ораторъ трогательно прощается съ усопшимъ, вспоминая свои сѣдые волосы, говорящіе ему о близости конца земныхъ разсчетовъ.

Но отдѣльныя мѣста не выкупаютъ недостатковъ рѣчей Боссюэта, совершенство формы и слога могутъ доставить ему названіе великаго ритора, но не оратора, отъ котораго требуется не одна внѣшность, а чувство и искренность. Если Боссюэтъ, несомнѣнно обладавшій крупнымъ талантомъ, не былъ въ состояніи достигнуть большихъ результатовъ, и его рѣчи представляютъ собою не болѣе какъ очень хорошо написанныя разсужденія на заданную тему, то, конечно, рѣчи второстепенныхъ ораторовъ XVII вѣка еще менѣе приближаются къ идеалу; тамъ исключительно царствуетъ культъ буквы и формы, при которомъ индивидуальность оратора, его личныя мнѣнія, мысли, настроенія стушевываются. Ораторъ съ равнымъ увлеченіемъ говоритъ о чемъ угодно и когда угодно. То-же самое было и въ другихъ странахъ; такъ, въ

Венеціи приблизительно въ эту эпоху былъ извѣстенъ краснорѣчіемъ нѣкто Наваджеро, какъ и Боссюэтъ, особенно отличавшійся въ надгробныхъ рѣчахъ. Венеціанскій дожъ Андреа Гритти заказалъ ему при жизни надгробную рѣчь для себя, и она ему такъ понравилась, что онъ велѣлъ повторять ее ежегодно.

Итакъ, все, что сдѣлано было въ XVII вѣкѣ, касалось, главнымъ образомъ, формы краснорѣчія, ограничивалось разработкой началъ классической реторики, дѣйствительное ораторское искусство находилось въ далеко незавидномъ состояніи и въ церкви, и на университетскихъ каѳедрахъ. Нѣсколько лучше было положеніе судебнаго краснорѣчія, благодаря тому, что въ судахъ представлялась возможность высказываться болѣе свободно, нужно было бороться посредствомъ слова. И судебное краснорѣчіе продолжало развиваться, несмотря на то, что, благодаря письменному инквизиціонному процессу, роль его была несравненно ограниченнѣе, чѣмъ въ наше время при условіяхъ гласнаго судебнаго состязанія.

II.

Въ XVII в. продолжалась начатая ранѣе теоретическая разработка правъ и обязанностей адвокатскаго сословія; изъ сочиненій по этому вопросу особенное вниманіе обращаютъ на себя работы Террасона и д'Агессо, жившихъ въ эпоху Людовика XIV; послѣдній изъ названныхъ адвокатовъ занималъ должность канцлера Франціи во время регенства. Такимъ образомъ ихъ взгляды можно считать какъ своего рода резюме желаній и стремленій адвокатуры XVII вѣка.

На первомъ мѣстѣ ставится общественное значеніе адвокатовъ, напоминающее опредѣленіе ораторской дѣятельности, данное Цицерономъ. «Адвокатъ, по мнѣнію Террасона, отказывается жить для себя и обязывается жить для другихъ. Онъ становится почетнымъ невольникомъ своихъ согражданъ... Его жизнь раздѣляется между двумя одинаково трудными занятіями: одно изъ нихъ подготовка себя путемъ упорнаго труда къ служенію общественному благу, другое—дѣйствительное служеніе

ему всѣми знаніями и талантами». «Всѣ ваши дни, говоритъ д'Агессо, обращаясь къ адвокатамъ, отмѣчены услугами оказанными вами обществу.... Отечество не теряетъ ни одного момомента вашей жизни; оно пользуется даже вашимъ досугомъ и собираетъ плоды съ вашего отдыха». Далѣе д'Агессо указываетъ на то, что адвокаты, дѣйствующіе во имя долга, чужды суетныхъ желаній славы, свободны отъ искушеній корыстолюбія, счастливы тѣмъ, что не должны предпочитать почестей богатствамъ или славу почестямъ. Въ этихъ отрывкахъ, написанныхъ въ пышномъ декламаціонномъ стилѣ эпохи, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Цицерона и Квинтиліана, видно все таки къ какимъ идеаламъ стремились лучшіе представители адвокатуры, на какой высотѣ они желали видѣть свое сословіе. Пусть дѣйствительность не всегда соотвѣтствовала этимъ стремленіямъ, и далеко не всѣ члены сословія могли такъ смотрѣть на выполненіе своихъ обязанностей, уже одна возможность высказывать и поддерживать такіе взгляды свидѣтельствуетъ о высокомъ развитіи адвокатскаго сословія, о сознательномъ отношеніи его представителей къ выполненію долга. Высокое мнѣніе объ адвокатскихъ обязанностяхъ служитъ доказательствомъ уваженія, которымъ они пользовались въ судѣ и гарантіей того, что въ предѣлахъ, дозволенныхъ внѣшними обстоятельствами, лучшіе адвокаты произносили рѣчи, не стѣсняясь посторонними и личными соображеніями. Если мы припомнимъ сказанное выше о духовномъ краснорѣчіи, то безъ труда поймемъ, почему на рѣчи знаменитыхъ адвокатовъ толпа спѣшила, по свидѣтельству современниковъ, охотнѣе, чѣмъ на проповѣди: въ судахъ слышалось болѣе живое и искреннее слово, проникнутое уваженіемъ къ закону, но соединенное въ то же время съ извѣстной независимостью и самостоятельностью оратора, конечно, съ тѣми оговорками, которыя вытекали изъ общихъ условій и характера эпохи.

Требованіями и вкусами времени опредѣлялась также подготовка адвоката, обусловливавшая во многомъ и характеръ его рѣчей. Террасонъ говоритъ о ней слѣдующее:

«Нужно, чтобы начинающій адвокатъ окинулъ взглядомъ и вычислилъ громадное число нужныхъ для него знаній; эти

огромные томы, которые онъ долженъ не только прочесть, но обдумать и обсудить; эту массу законовъ, которые онъ обязанъ помнить... это множество комментаторовъ, знаніе которыхъ онъ долженъ собрать, авторитетъ оцѣнить; эту груду повелѣній, которые наши короли—соперники Цезарей—оставили своимъ народамъ... это разнообразіе мѣстныхъ правъ... этотъ лабиринтъ судопроизводства, въ которомъ нужно знать всѣ пути, чтобы быть въ состояніи спасти правосудіе; рѣчи знаменитыхъ ораторовъ, силу и красоты которыхъ онъ долженъ изучать, и, если можно, присвоить себѣ». Такимъ образомъ только послѣдній пунктъ представлялъ заботу объ ораторскомъ искусствѣ, остальное все та же эрудиція, съ которой мы имѣли дѣло и раньше. Въ такомъ же родѣ, какъ Террасонъ, выражается и д'Агессо, по своему обыкновенію, придавая мыслямъ болѣе реторическую форму. «Пусть римское право будетъ для адвоката второй философіей, пусть онъ съ увлеченіемъ бросится въ необозримое море каноническихъ постановленій, пусть передъ его глазами будетъ всегда авторитетъ королевскихъ велѣній и мудрость оракуловъ сената (т. е. парламентовъ); пусть онъ пожираетъ мѣстныя права... пусть онъ соединяетъ французскую вѣжливость съ аттической солью грековъ и изящеществомъ римлянъ... Пусть подражаніе станетъ для него второй природой. Пусть онъ говоритъ какъ Цицеронъ, когда Цицеронъ подражалъ Демосфену». Побуждаемые такимъ образомъ адвокаты дѣйствительно бросались въ «необозримое море» каноническаго и римскаго права и, совершенно утопая въ немъ, «пожирали» мѣстныя права, съ которыми тоже было не легко справиться въ виду ихъ противорѣчій и неясностей, и «имѣли передъ глазами» авторитетъ повелѣній «соперниковъ Цезарей», что, однако, далеко не всегда помогало имъ благополучно справляться съ «лабиринтомъ» судопроизводства, въ которомъ они часто запутывались, несмотря на «огромные томы» сочиненій ученыхъ юристовъ. Неудивительно, что многіе изъ адвокатовъ, увлекшихся требованіями, поставленными на первомъ мѣстѣ, совершенно забывали о послѣднихъ, т. е. о краснорѣчіи, и когда имъ приходилось излагать свои мысли и прилагать къ дѣлу плоды ученія, они говорили не совсѣмъ такъ «какъ Ци-

церонъ, когда онъ подражалъ Демосфену»; объ одномъ ораторѣ такого типа Барбье д'Окуръ Буало не безъ ехидства замѣчаетъ: «этотъ новый Цицеронъ, дрожащій и блѣдный, напрасно ищетъ своей рѣчи на спутавшемся языкѣ». Впрочемъ названный адвокатъ и ограничился тѣмъ, что не могъ кончить своей первой рѣчи, и не выступалъ болѣе въ судѣ. Другіе были менѣе щекотливы и относились снисходительнѣе къ своимъ недостаткамъ.

Хаотическая масса плохо согласованныхъ между собою законовъ и обычаевъ, дѣйствовавшихъ во Франціи въ XVII в., затрудняла удовлетворительное отправленіе правосудія, не даромъ же Буало совѣтуетъ держаться подальше отъ судовъ и ихъ представителей «которые живутъ на счетъ людской глупости», «проглатываютъ устрицу, оставляя тяжущимся лишь половинки раковины» (Boileau. Epître II contre les procès). Пелиссонъ, извѣстный литераторъ, самъ по подготовкѣ принадлежавшій къ адвокатскому сословію, говоритъ о присутствіи какого то яда, заставляющаго правосудіе, не смотря на всѣ мѣры и качества судебныхъ дѣятелей, быть источникомъ опасностей для жизни и имущества гражданъ. Неудовлетворительное состояніе законодательства въ XVII вѣкѣ вредило и адвокатскому краснорѣчію, вызывало загроможденіе рѣчей массой ссылокъ на законы и повелѣнія, превращало ихъ въ комментаріи законовъ или трактаты по юриспруденціи.

Въ XVII вѣкѣ отъ судебнаго оратора стало требоваться, въ большей мѣрѣ чѣмъ прежде, проявленіе чувства, на него обращаетъ вниманіе д'Агессо «краснорѣчіе, замѣчаетъ онъ, не только продуктъ ума, но и дѣло сердца. Въ немъ образуется безстрашная любовь къ истинѣ, горячее усердіе къ правосудію, та добродѣтельная независимость, которой вы такъ гордитесь». Правила профессіональной этики, о которыхъ я упоминалъ уже въ предшествовавшемъ очеркѣ, также получили болѣе полное выраженіе и дальнѣйшую разработку. Примѣръ добросовѣстнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ, умѣнья подчинять личные интересы интересамъ кліента представляетъ защита адвокатомъ Фуркруа доктора, отказавшагося исполнить обязанности сборщика податей, отъ которыхъ освобождались

представители самыхъ важныхъ и почетныхъ профессій. Основной тезисъ рѣчи заключался, слѣдовательно, въ доказательствѣ важности и почетности обязанностей доктора. Такъ какъ право адвоката на это изъятіе представлялось сомнительнымъ, то Фуркруа нужно было поставить профессію доктора выше профессіи адвоката, или проиграть дѣло. Для того, чтобы правильно оцѣнить степень самопожертвованія адвоката, рѣшившагося поддержать доводы кліента, нужно помнить, что это происходило въ XVII в., когда всѣ сословныя права и преимущества имѣли огромное значеніе. Фуркруа высказалъ лишь въ началѣ рѣчи сожалѣніе по поводу того, что адвокатъ, пытавшійся получить такое изъятіе, проигралъ процессъ: «Мое первое намѣреніе, продолжалъ онъ, было забыть о себѣ и отстаивать интересы кліента, скрыть преимущества моей профессіи, чтобы возвысить блескъ его. . Въ этомъ чувствѣ нѣтъ ничего необыкновеннаго, адвокатура прививаетъ его всѣмъ своимъ членамъ. Чувство, одушевляющее адвоката, внушаетъ ему расположеніе къ кліентамъ извѣстнымъ ему часто только по имени... онъ перестаетъ быть тѣмъ, что есть, отождествляется съ интересами кліентовъ». Затѣмъ Фуркруа выходитъ изъ затрудненія, указавъ, что приведенное рѣшеніе суда объясняется особыми обстоятельствами и не можетъ служить прецедентомъ, что спасаетъ его отъ напраснаго униженія сословныхъ правъ адвокатуры; послѣ этого онъ переходитъ къ выясненію обязанностей доктора: «Жизнь имѣетъ двухъ враговъ: людей и болѣзни. Короли защищаютъ существованіе людей противъ людей... доктора защищаютъ его противъ болѣзней». Это смѣлое сопоставленіе правосудія, отправляемаго королемъ, съ медициной, возвышеніе занятія по мѣрѣ приносимой имъ пользы, независимо отъ соціальнаго положенія лица, уже само по себѣ является признакомъ новаго настроенія, неизвѣстнаго въ прежнія эпохи. Вся рѣчь Фуркруа вообще отличается сравнительной простотой стиля, содержательностью и здравыми сужденіями; между прочимъ, онъ высказываетъ очень интересную для того времени мысль о томъ, что «первое лѣкарство больнаго его довѣріе къ врачу», т. е. поддержаніе въ немъ бодрости духа и увѣренности въ выздоровленіи.

Не менѣе поучительный примѣръ высокаго сознанія своихъ обязанностей и выполненія долга представляетъ дѣло министра финансовъ Людовика XIV Фуке, процессъ котораго, ввергшій обвиняемаго изъ положенія почти перваго министра въ пожизненное тюремное заключеніе, былъ вызванъ партійными соображеніями и велся далеко не согласно съ требованіями правосудія и безпристрастія. Подобные встрѣчающіеся во всѣ времена процессы, въ которыхъ судъ является орудіемъ господствующей партіи, свидѣтельствуютъ о несовершенствѣ человѣческихъ учрежденій, но процессъ Фуке особенно типиченъ для XVII вѣка, какъ по обусловивавшимъ его причинамъ и обстановкѣ, такъ и по вызваннымъ имъ защитительнымъ мемуарамъ Пелиссона, начавшаго свою дѣятельность въ адвокатурѣ, но затѣмъ перешедшаго на административный постъ въ управленіи финансами. Сущность дѣла заключалась въ слѣдующемъ: Фуке, быстро возвысившійся въ регенство Анны Австрійской до поста управляющаго финансами, выказалъ на своемъ мѣстѣ большое искусство выводить государственное казначейство изъ затрудненій путемъ самыхъ разнообразныхъ займовъ и другихъ столь же практическихъ способовъ и комбинацій, при этомъ онъ не забывалъ и себя: его личное состояніе или, по крайней мѣрѣ, производимыя имъ на себя затраты были весьма значительны; министръ расходовалъ громадныя суммы на широкую жизнь и удовлетвореніе своихъ страстей и фантазій. Послѣ смерти Мазарини, когда Людовикъ XIV, вступивъ лично въ управленіе государствомъ, приблизилъ къ себѣ Кольбера, послѣдній сумѣлъ открыть глаза монарху на неточности и недоразумѣнія въ финансовыхъ отчетахъ, представляемыхъ Фуке, на несоотвѣтствіе показанныхъ въ нихъ цифръ расхода и прихода съ дѣйствительными. Людовикъ XIV неоднократно дѣлалъ по этому поводу замѣчанія, но Фуке не придавалъ этому большаго значенія, отдѣлываясь, какъ ему казалось, удовлетворительными объясненіями, легкомысленно надѣясь на поддержку придворныхъ, которымъ онъ щедро оказывалъ денежныя услуги, и забывая о существованіи грознаго противника.

Паденіе Фуке, можетъ быть, не сопровождалось бы для него

такими послѣдствіями, если бы онъ не столкнулся съ королемъ на личной почвѣ въ своихъ ухаживаніяхъ за придворными дамами и не возбудилъ его гнѣва обстановкой, въ которой онъ жилъ въ замкѣ Во, соперничавшемъ съ Версалемъ. Желая возвратить колеблющуюся милость короля, Фуке пригласилъ его въ Во и принялъ тамъ съ роскошью, невиданною даже при королевскомъ дворѣ. Самолюбивый король былъ крайне оскорбленъ этимъ и рѣшительно склонился на сторону противниковъ министра. Судьба Фуке была рѣшена. То средство, которымъ онъ надѣялся возстановить свое вліяніе, нанесло ему послѣдній рѣшительный ударъ. Король во время посѣщенія по внѣшности отнесся очень милостиво къ Фуке, чѣмъ совершенно разсѣялъ его подозрѣнія, а затѣмъ, по принятіи мѣръ, предупреждающихъ всякую возможность сопротивленія, о которомъ Фуке, впрочемъ, и не думалъ, приказалъ его арестовать и предать особо назначенному для этого случая суду. Процессъ начался. По обыкновенію, все ставилось Фуке въ вину: его обвиняли и въ государственной измѣнѣ, и въ дурномъ управленіи финансами, и въ похищеніи казенныхъ денегъ. Послѣ упорной борьбы Фуке былъ присужденъ къ изгнанію, которое было замѣнено королемъ пожизненною тюрьмою, гдѣ павшій министръ и умеръ въ 1680 году.

Вмѣстѣ съ Фуке былъ арестованъ въ качествѣ близкаго къ нему служащаго и Пелиссонъ. Въ стѣнахъ Бастиліи, забывъ о собственныхъ интересахъ, онъ употребилъ всѣ старанія, чтобы помочь своему покровителю, рискуя королевскимъ гнѣвомъ и ухудшеніемъ собственной участи. Съ цѣлью защитить Фуке имъ было напечатано три послѣдовательныхъ мемуара, получившихъ быстрое распространеніе въ обществѣ и доставившихъ автору репутацію честнаго человѣка и умѣлаго защитника, не побоявшагося вмѣшаться въ безнадежное дѣло. Мемуары Пелиссона составлялись сообразно съ ходомъ процесса и по мѣрѣ выясненія обвинительныхъ пунктовъ; не останавливаясь на каждомъ изъ нихъ въ подробности, я укажу самые существенные доводы защиты и мѣста, обрисовывающія характеръ названныхъ мемуаровъ. Пелиссонъ начинаетъ свою защиту съ выясненія мотивовъ, заставившихъ его обра-

титься къ королю—это удивленіе и уваженіе къ необыкновеннымъ достоинствамъ монарха и состраданіе къ Фуке «самому несчастному изъ подданныхъ». «Ваше величество, говоритъ Пелиссонъ, теперь, конечно, вовсе не утомлено лицами, говорящими въ защиту Фуке, бывшаго генералъ-прокурора и управляющаго финансами.... прежде предмета удивленія и зависти, а теперь едва ли считаемаго достойнымъ жалости. Все молчитъ, все трепещетъ, все склоняется передъ гнѣвомъ Вашего величества». Далѣе защитникъ намѣчаетъ планъ мемуара, заявляя, что онъ будетъ говорить вполнѣ искренне, какъ человѣкъ, которому нечего бояться и не на что надѣяться, но съ уваженіемъ и почтительностью, обязательной для вѣрноподданнаго. За вступленіемъ начинается собственно защита, въ которой Пелиссонъ выступаетъ съ весьма смѣлыми замѣчаніями на счетъ особаго суда, назначеннаго надъ Фуке, указываетъ на прошлую практику такихъ судовъ, всегда дискредитировавшую правосудіе, и разсказываетъ, въ качествѣ иллюстраціи, анекдотъ о Францискѣ I, который, остановясь передъ могилой одного управляющаго финансами, погибшаго подъ тяжестью ненависти герцога Бургундскаго, выразилъ сожалѣніе, что правосудіе заставило умереть такого человѣка. «Это не правосудіе, государь, отвѣтилъ сопровождавшій короля монахъ, это особые уполномоченные». Переходя къ сущности обвиненія противъ Фуке, Пелиссонъ обращается къ королю съ просьбою выслушать его не съ чувствомъ разгнѣваннаго государя, но съ чувствомъ «справедливаго судьи, добраго и благороднаго короля, осуждающаго съ сожалѣніемъ, позволяющаго исчерпывать всѣ средства защиты», и вслѣдъ за тѣмъ отстаиваетъ положеніе, что Фуке обладалъ лишь кажущимся богатствомъ; по его словамъ: «нѣтъ въ королевствѣ человѣка достаточно смѣлаго, чтобы взять на себя имущество и долги» опальнаго министра, легкомысленно удовлетворявшаго свою страсть къ постройкамъ и роскошной жизни. Послѣдняя часть перваго мемуара касается обвиненій менѣе важныхъ: въ чрезмѣрномъ честолюбіи и поведеніи, несовмѣстномъ съ положеніемъ подданнаго, но болѣе всего опасныхъ, послужившихъ ближайшею причиною гибели Фуке. Здѣсь Пелиссонъ дѣй-

ствуетъ съ чрезвычайной осторожностью, не отвергая вины Фуке, что могло-бы только оскорбить короля и усилить его раздраженіе, но стараясь извинить тщеславіе обвиняемаго, какъ сознаваемую имъ самимъ слабость характера, и упоминаетъ, что Фуке рѣшилъ исправить свои ошибки, поднеся замокъ Во дофину, а принадлежащую ему крѣпость Бель-Иль — королю. Заключеніе, написанное въ льстивомъ тонѣ, имѣетъ, однако, вполнѣ опредѣленную цѣль — заставить короля отнестить безпристрастно къ подсудимому: «Пусть нѣкогда отмѣтить исторія.... что Людовикъ XIV, дѣйствительно ниспосланный небомъ для возрожденія Франціи, былъ великъ на войнѣ, великъ въ мирѣ. Онъ затмилъ своими трудами и поведеніемъ славу предшественниковъ. Онъ любилъ проливать кровь враговъ и щадить кровь подданныхъ. Онъ умѣлъ узнавать ошибки своихъ министровъ, исправлять ихъ и прощать».

Во второй запискѣ Пелиссонъ опровергаетъ обвиненія, основанныя вообще на недочетахъ финансоваго управленія, извиняя эти недостатки несовершенствомъ современнаго ему общественнаго строя. «Церковь священна, говоритъ онъ, не будемъ ея касаться. Богословы говорятъ, что даже сынъ Божій долженъ былъ получить спеціальное порученіе, чтобы изгнать торжниковъ изъ храма; когда мы видимъ въ ней злоупотребленія и присвоеніе чужихъ богатствъ, сокровищъ болѣе драгоцѣнныхъ, чѣмъ свѣтскіе, обо всемъ этомъ говорить не наше дѣло». Потомъ Пелиссонъ указываетъ на дворянство, на злоупотребленіе имъ своей силой, притѣсненіе провинцій и, равнымъ образомъ, на то, что въ свое извиненіе дворянство можетъ сослаться на военныя заслуги, оказанныя имъ государству, и умоляетъ короля, съ которымъ никто не можетъ сравниться въ добродѣтели, снисходительно отнестись къ ошибкамъ и слабостямъ подсудимаго. «Если эта добродѣтель (милосердіе) не воздвигла еще храма вашему величеству, она обѣщаетъ вамъ, по меньшей мѣрѣ, власть надъ сердцами, надъ которыми самъ Богъ желаетъ царствовать и въ этомъ видитъ всю свою славу». Въ концѣ мемуара Пелиссонъ среди потока лести не упускаетъ случая напомнить королю объ его обязанности быть справедливымъ и милостивымъ судьею. Обращеніе

это не лишено патетической силы, пробивающейся сквозь реторику, обычную въ то время. Пелиссонъ вспоминаетъ о томъ, что во время коронованія «мы слышали, какъ ваше величество, окруженное пэрами и первыми сановниками государства, среди молитвъ, благословеній и гимновъ, передъ лицомъ алтаря, передъ небомъ и землею, людьми и ангелами, произнесли священными устами слѣдующія прекрасныя, великолѣпныя слова, достойныя быть врѣзанными на бронзѣ, но еще больше въ сердцѣ великаго короля: «я клянусь и обѣщаю сохранить справедливость и милосердіе во всѣхъ приговорахъ, чтобы Богъ милосердый распространилъ на меня и на васъ свою благость». Пелиссона упрекаютъ въ излишествѣ лести, но мы видѣли выше, по рѣчамъ Боссюэта, къ какой лести привыкъ король и его окружающіе, поэтому нельзя относиться строго къ человѣку, находившемуся въ положеніи Пелиссона и отстаивавшему, вдобавокъ, обвиняемаго, противъ котораго король былъ уже предубѣжденъ. Онъ слѣдовалъ общему теченію, но его лесть не имѣла цѣлью собственное благополучіе и повышеніе, это одно уже можетъ служить смягчающимъ обстоятельствомъ. Да и лесть не мѣшала ему высказывать королю весьма горькія истины, чего не дѣлали и не рѣшались дѣлать другіе ораторы; въ этомъ смыслѣ Пелиссонъ является представителемъ лучшихъ традицій адвокатуры, предписывавшихъ защищать кліента, не думая о себѣ и личныхъ выгодахъ или опасностяхъ.

Защита Фуке не повредила Пелиссону: онъ не только былъ освобожденъ изъ Бастиліи, но черезъ нѣкоторое время, когда неудовольствіе короля противъ него прошло, былъ возвращенъ ко двору. Его мужество было оцѣнено и обществомъ: немедленно по освобожденіи его изъ тюрьмы многія важныя лица и представители литературы, собратья Пелиссона по перу, поспѣшили посѣтить его, чтобы выразить ему свое уваженіе и сочувствіе,—признакъ, что уже въ XVII в. стало замѣтнымъ существованіе болѣе или менѣе независимаго общественнаго мнѣнія, которому суждено было играть столь важную роль въ слѣдующемъ столѣтіи.

III.

Рѣчи адвокатовъ въ первой половинѣ XVII в. имѣли большое сходство съ рѣчами ихъ предшественниковъ. Какъ образецъ краснорѣчія въ первые годы XVII стол., можно привести вступленіе изъ рѣчи Руйяра, адвоката. жившаго въ Меленѣ (около 1609 года). Дѣло шло о злоупотребленіяхъ въ передачѣ церковныхъ имуществъ, нарушавшихъ интересы кліента Руйяра, почему онъ и обрушивается на эти безпорядки со всѣмъ пламенемъ, которое могла дать ему реторика. «Мое желаніе,—такими словами начинается его рѣчь,—чтобы я увеличилъ здѣсь мое мужество, взволновалъ мою горячность, напрягъ всѣ мои нервы, чтобы бросить молніи тысячъ словъ ужаса и проклятія противъ этого ненавистнаго чудовища (передачи имущества), чудовища, котораго не смогла породить никакая пустыня въ самыхъ безплодныхъ пескахъ, чудовища, которое подъ внѣшностью нѣсколькихъ земныхъ выгодъ... скрываетъ внутри чуму, ядъ, который портитъ и уничтожаетъ благороднѣйшія части государства, заражаетъ и разрушаетъ церковь до самыхъ несокрушимыхъ основаній. Да, конечно, я хотѣлъ бы, какъ разгнѣванная рѣка, выйти изъ береговъ противъ этого бича, уничтожить его и показать всѣмъ, смѣло и прямо, великое зло, которое оно причиняетъ королевству». Адвокатъ старается изъ всѣхъ силъ произвести потрясающій эффектъ, онъ отправляется въ «пустыни съ безплодными песками», «хочетъ выйти изъ береговъ, какъ рѣка», употребляетъ страшныя слова, какъ «чудовище», «чума», «бичъ», и все же не въ состояніи словами возмѣстить недостатокъ чувства, которое за ними совершенно исчезаетъ.

Но уже въ 20—30-хъ годахъ XVII стол. на сцену выступаютъ два замѣчательныхъ адвоката—Леметръ и Патрю, которые колеблютъ старые устои и измѣняютъ форму судебной рѣчи, но эти измѣненія, внесенныя ими въ судебное краснорѣчіе, воспринимаются не сразу, а впослѣдствіи, въ вѣкъ Людовика XIV, въ эпоху ложнаго классицизма, въ которой и судебная рѣчь становится по выраженію Мюнье Жолена, «классической». Въ свое время названные адвокаты были исклю-

ченіями. Леметръ, начавшій свою дѣятельность въ 1627 г., считается нѣкоторыми историками краснорѣчія (Vallée, O. De l'éloquence judiciaire au XVII siécle. A. Lemaistre et ses contemporains. Paris, 1856) самымъ выдающимся адвокатомъ XVII столѣтія, но съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться въ виду того, что многія рѣчи другихъ извѣстныхъ адвокатовъ этого вѣка могутъ быть сопоставлены съ его рѣчами. Но, оставивъ въ сторонѣ преувеличенія, вызванныя односторонней оцѣнкой рѣчей Леметра и его современниковъ, можно сказать, что онъ былъ адвокатомъ, умѣвшимъ работать самостоятельно, если и не порвавшимъ съ прошлымъ и не освободившимся вполнѣ отъ вліянія окружающихъ взглядовъ, то все же раньше другихъ вышедшимъ на новую дорогу. Первые шаги Леметра были встрѣчены всеобщимъ одобреніемъ, сразу создали ему славу, которой онъ и пользовался до своего удаленія въ монастырь въ 1637 г., въ полномъ разцвѣтѣ силъ и таланта. Первое, что останавливаетъ вниманіе въ краснорѣчіи Леметра — это сравнительная простота стиля, большее приближеніе къ природѣ и жизненной правдѣ. Въ дѣлѣ Марпо, разбиравшемся въ Парижскомъ парламентѣ въ 1631 г., Леметръ выступилъ въ защиту правъ сына, отданнаго отцомъ по настоянію семьи въ монастырь 9 лѣтъ и вынужденнаго принять обѣтъ монашества до достиженія законнаго 16-лѣтняго возраста. Освобожденный, наконецъ, постановленіемъ капитула отъ обѣтовъ, Марпо напрасно обращался къ матери за своей долею наслѣдства; родственники упорно продолжали считать его монахомъ и не допускали къ участію въ земныхъ благахъ. Адвокатъ противной стороны, по обычаю времени, много распространялся о жертвахъ, приносимыхъ богамъ язычниками, о томъ, что у нихъ раньше всего вырывали языкъ. Въ этомъ онъ видѣлъ основаніе, по которому Марпо, принесенный въ жертву родителями (отданный въ монастырь), долженъ былъ пользоваться не языкомъ (предъявлять жалобу), а лишь ушами, чтобы выслушать свое осужденіе. Это сравненіе дало обильный матеріалъ Леметру: «Не безъ основанія, господа, — сказалъ онъ обращаясь къ судьямъ, — истцы желали бы, чтобы эта жертва ихъ жестокости не имѣла совсѣмъ языка... и что заставляетъ

меня тѣмъ болѣе возвышать голосъ, это то, что я говорю въ пользу сына, который послѣ выстраданнаго имъ 10-лѣтняго притѣсненія, нашелъ возможность пользоваться словомъ лишь передъ судомъ; только здѣсь онъ началъ дышать свободно, такъ какъ съ возраста, съ котораго онъ сталъ понимать свои дѣйствія, онъ былъ всегда вынужденъ подчиняться чужой волѣ, свободными для него оставались лишь слезы». Затѣмъ проводится съ излишней подробностью параллель между Марпо и жертвой, пространно разсказывается объ языкѣ и ушахъ жертвы, въ чемъ Леметръ приближается къ своему противнику, прибѣгая къ такимъ же реторическимъ пріемамъ; нужно замѣтить, впрочемъ, что обработка ихъ несравненно болѣе тонкая, сохраняющая чувство мѣры. Сравненіе подкрѣпляется и цитатами въ прежнемъ стилѣ, приводится латинскій текстъ изъ св. Амвросія, изреченія пророковъ и, наконецъ, слова императора Алексѣя Комнена, но опять таки и цитаты примѣняются осторожно, выборъ ихъ соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ дѣла, рѣчь пріобрѣтаетъ значеніе помимо украшеній и эрудиціи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣчь Леметра принимаетъ исключительно дѣловой оттѣнокъ, таково обращеніе къ адвокату противниковъ въ дѣлѣ семейства де-Шабанъ. «Пусть адвокатъ маркизы де-Кюртонъ занялъ болѣе чѣмъ два засѣданія, пытаясь создать различныя затрудненія въ дѣлѣ, я надѣюсь опровергнуть въ немногихъ словахъ всѣ эти напрасныя возраженія, хотя, обыкновенно, употребляютъ столько же времени на разрушеніе плохихъ доводовъ, какъ и на ихъ поддержку... Моя задача въ томъ, чтобы высказать столько же истины при свѣтѣ дня, сколько старались ее скрыть во мракѣ, и для этого я не буду повторять ничего, сказаннаго въ предыдущемъ засѣданіи». Ту же сдержанность стиля встрѣчаемъ мы и въ рѣчи по дѣлу Мерà, оспаривавшаго законность передачи части принадлежащаго ему наслѣдства въ руки короля. Рѣчь адвоката здѣсь требовала большаго умѣнья, и Леметръ съ честью вышелъ изъ этого испытанія. «Государь и подданный,—сказалъ онъ, ведутъ дѣло передъ тѣмъ же судомъ.... Король, который желаетъ лишь справедливаго, употребляетъ въ гражданскихъ дѣлахъ только доказательства, и, не находя ихъ, не прибѣгаетъ къ

своему могуществу и не ссылается вмѣсто доводовъ на то, что онъ король».

Замѣчательно въ рѣчахъ Леметра и то искусство, съ которымъ онъ изображаетъ событія, интересы, картины повседневной жизни, обращаясь въ изящнаго и занимательнаго повѣствователя, сводя такимъ образомъ, судебныя рѣчи съ ложной высоты, на которую ихъ старались поднять реторическимъ, лишеннымъ жизни, изложеніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ рѣчахъ Леметра нерѣдко попадается иронія и шутка, почти неизвѣстная прежнимъ адвокатамъ, боявшимся поколебать свой престижъ малѣйшимъ уклоненіемъ отъ принятаго шаблона. Всѣмъ этимъ Леметръ дѣлаетъ шагъ впередъ, разбиваетъ рутину, заинтересовываетъ общественное мнѣніе и находитъ въ немъ поддержку, что создаетъ ему прочное и почетное положеніе и обезпечиваетъ будущность новымъ пріемамъ. Остановимся для выясненія этой стороны краснорѣчія Леметра на двухъ процессахъ. Первый возникъ на довольно обыденной почвѣ: служащій при судѣ въ Ангулемѣ соблазнилъ дѣвушку, принадлежащую къ мелкой буржуазіи, обѣщаніемъ жениться и потомъ отказался отъ этого, отрицая какъ свою виновность, такъ и употребленное имъ средство обольщенія. Леметръ, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла и защищая потерпѣвшую, поддерживаетъ положеніе, что она при данныхъ обстоятельствахъ не была въ состояніи противиться виновному, что всякая другая поступила бы также на ея мѣстѣ. Затѣмъ онъ перешелъ къ опроверженію оправданій виновнаго и здѣсь выказалъ свое умѣнье употреблять сдержанную насмѣшку, являющуюся хорошимъ оружіемъ въ рукахъ опытнаго оратора. Обвиненный оправдывался тѣмъ, что въ потерпѣвшей его интересовала не тѣлесная красота, а духовная, что ея поведеніе было не безукоризненно, и что собственная семья потерпѣвшей поручила ему надзоръ надъ ея нравственностью. Леметръ возражалъ на приведенныя объясненія: подсудимый «изображаетъ теперь строгаго и серьезнаго человѣка. Если повѣрить тому, что онъ отвѣтилъ суду, то онъ также мудръ, какъ Сократъ; онъ влюбленъ лишь въ красоту духа, а не тѣла, онъ смотрѣлъ на мою кліентку, какъ на картину, разсматривалъ живую красоту, какъ написанную

художникомъ. То, что сжигаетъ другихъ, даже не подогрѣваетъ его... Мудрецы теряли свою мудрость, святые — благочестіе, непобѣдимые—силу, но отвѣтчикъ не теряется въ самыхъ опасныхъ случаяхъ. Самые высокіе кедры падали, увлекаемые на землю потокомъ чувственныхъ желаній, говоритъ св. Августинъ, и вотъ передъ нами сосна, которая не падаетъ!» Переходя къ вопросу о надзорѣ, Леметръ замѣчаетъ: «Не правда-ли, господа, вотъ подходящій цензоръ имѣющій возрастъ и добродѣтели, необходимые, чтобы дѣлать замѣчанія дѣвушкѣ? Кто не повѣритъ тому, что въ тѣлѣ отвѣтчика душа не молодаго человѣка, но стараго стоическаго философа? Не заслуживаетъ-ли онъ, чтобы ему ввѣряли надзоръ, за молодыми дѣвушками Ангулема?» Опровергнувъ другіе доводы отвѣтчика, Леметръ переходитъ въ прямое нападеніе и даетъ живое описаніе образа дѣйствій лжецовъ и лицемѣровъ, подобныхъ отвѣтчику, указывая, что ихъ губитъ одно: желаніе изобразить свою добродѣтель въ слишкомъ хорошемъ свѣтѣ. Дѣло было выиграно Леметромъ.

Другое, любопытное съ бытовой точки зрѣнія, дѣло Леметръ велъ противъ Пастена, педагога, желавшаго занять мѣсто директора Ламаршской школы, претендовавшаго на это уже за 23 года до разбираемаго процесса и теперь выступившаго соперникомъ Лемуана, профессора Сорбонны. Леметру необходимо было установить обстоятельства, при которыхъ Пастена получилъ отказъ въ первомъ случаѣ (онъ утверждалъ, что его сочли тогда слишкомъ молодымъ для такой должности), и оцѣнить дарованія и познанія кандидата. Леметръ и здѣсь прибѣгаетъ къ ироніи, доказывая, что достоинства Пастена не соотвѣтствуютъ его притязаніямъ. По описанію Леметра, кандидатъ представляется ограниченнымъ, бездарнымъ человѣкомъ, но за то вполнѣ убѣжденнымъ въ своихъ собственныхъ талантахъ и учености. Леметръ доказываетъ, что и первый приговоръ суда былъ вызванъ недостаткомъ знаній и поведеніемъ Пастена, но что истцу нужно извинить объясненіе этого рѣшенія ссылкой на юный возрастъ, такъ какъ онъ легко можетъ доказать, что сталъ теперь старше, но не можетъ доказать, что его способности улучшились съ годами. «Годы, гос-

пода, не превратили истца въ другого человѣка. Это все тотъ же г. Ф. Пастена; годы создали лишь одну разницу между нимъ въ 1607 году и имъ же въ 1630 г., они ясно показали, что его недостатки должны быть приписаны природѣ». Послѣ этого адвокатъ уничтожаетъ указаніе Пастена на его преподавательскую дѣятельность. «Г. Пастена, господа, неизбѣжно оставшійся бы одинъ, если бы сталъ ждать пока его слава приведетъ къ нему учениковъ, досталъ двухъ стипендіатовъ, столь же способныхъ слушать философію, какъ онъ обучать ей, которыхъ и заставилъ слушать свои прекрасныя лекціи. Онъ приходилъ въ классъ и, возбудивъ вниманіе этого огромнаго собранія, третью часть котораго онъ составлялъ самъ, начиналъ читать какой-нибудь вопросъ по напечатанной физикѣ, читая для оживленія съ важнымъ видомъ и громкимъ голосомъ». Это педагогическая картинка прямо выхвачена изъ жизни. Бездарность Пастена представляется вполнѣ доказанной, и дѣло непризнаннаго ученаго навсегда потеряннымъ.

Патрю былъ адвокатомъ иного типа, чѣмъ Леметръ, съ бо̀льшею наклонностью къ литературной обработкѣ рѣчей, къ которой его влекло и воспитаніе, и связи: съ ранняго дѣтства Патрю давались для чтенія, главнымъ образомъ, романы; его ближайшимъ другомъ въ молодости былъ д'Юрфе, безвременно умершій авторъ извѣстнаго въ XVII в. романа «Астрея»; позднѣйшія знакомства Патрю также принадлежали къ литературному міру. Патрю рѣзко отличался отъ Леметра и по образу жизни, и по характеру. Насколько первый былъ серьезенъ, сдержанъ, наклоненъ къ созерцательной жизни, далекъ отъ мірскаго шума, настолько же Патрю отдавался всѣмъ удовольствіямъ и увлеченіямъ, растрачивая на нихъ и силы, и состояніе. Но увлеченія Патрю не касались его нравственнаго авторитета: его неподкупность и добросовѣстность, стоявшія внѣ сомнѣній, и независимость его характера доставили ему всеобщее уваженіе и почетъ какъ въ счастливую пору молодости, такъ и въ старости, когда его заработокъ упалъ до ничтожныхъ размѣровъ, и онъ могъ спокойно дожить послѣдніе дни лишь благодаря пенсіи, выхлопотанной ему Кольберомъ. Рядомъ съ легкомысліемъ и жаждой удовольствій, благодаря по-

лученнымъ въ юности впечатлѣніямъ и привычкамъ, въ Патрю уживалась удивительная тщательность въ отдѣлкѣ стиля всѣхъ его произведеній, въ томъ числѣ и рѣчей. Онъ былъ адвокатомъ-стилистомъ, по преимуществу, взвѣшивалъ каждое слово, придавалъ громадное значеніе тому или другому употребляемому имъ выраженію, оцѣнивалъ свои произведенія по стилю, не забывая отмѣчать мѣста, которыя ему особенно удавались. «Нужно остановиться, замѣчаетъ Мюнье Жоленъ (Les époques de l'éloquence judiciaire), на этой работѣ. Въ каждой рѣчи виденъ громадный трудъ. Нѣсколько разбросанныхъ замѣтокъ указываютъ на долгія колебанія автора. Онѣ свидѣтельствуютъ также о томъ, съ какою отеческою любовью относился авторъ къ рѣчамъ, написаннымъ имъ съ такимъ трудолюбіемъ». До такой степени духъ времени, требовавшій культа формы, подчинилъ себѣ этого даровитаго представителя веселящагося Парижа, заставилъ его усидчиво работать и обращать свои рѣчи въ литературныя произведенія, не уступающія написаннымъ въ его время выдающимися писателями. Патрю въ силу своего характера отличался отъ другихъ адвокатовъ и бо̀льшею способностью увлекаться, чувство пробивалось въ его рѣчахъ въ самыхъ тщательно отдѣланныхъ фразахъ; его рѣчи оставляли глубокое впечатлѣніе въ слушателяхъ. Защита Патрю вдовы и дѣтей Дубле, осмѣлившихся похоронить мужа и отца вопреки воли мѣстнаго священника, доставила адвокату извѣстность даже за предѣлами Франціи; о ней съ восторгомъ говорилось въ мемуарахъ современниковъ уже черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ процесса.

Какъ примѣръ краснорѣчія Патрю, можно привести начало извѣстной рѣчи въ защиту интересовъ монашескаго ордена, занимавшагося выкупомъ плѣнныхъ христіанъ въ варварійскихъ владѣніяхъ: «Плѣнники Ѳеодосія, Максима, или какого-нибудь другаго царя или готовъ или вандаловъ могли быть достойны сожалѣнія; но что сказать о варварійскихъ невольникахъ? Я не говорю о тяжести ихъ оковъ, объ ужасныхъ ямахъ, куда ихъ заключаютъ каждую ночь, какъ хищныхъ звѣрей. Пусть ихъ жизнь не болѣе, какъ медленная смерть, или постоянная агонія, пусть, удаленные отъ родины и дру-

зей, они подчинены дикой ярости неумолимаго палача: уже и этого достаточно, чтобы умилить самое зачерствѣлое сердце. Но это только малая доля ихъ несчастія. Подумайте, господа, въ какой опасности находится ихъ спасеніе въ этой проклятой землѣ».

Въ другой рѣчи за нѣкоего Голишона, вступившаго въ процессъ объ убійствѣ вмѣсто вдовы убитаго горожанина Сегена, отказавшейся отъ преслѣдованія обвиняемаго на томъ основаніи, что процессъ стоилъ бы дорого и исходъ его представлялся сомнительнымъ въ виду обстоятельствъ, набросившихъ тѣнь на память убитаго. Соображенія эти были отчасти справедливы: правосудіе не отличалось дешевизной, преслѣдованіе убійцы было, дѣйствительно, сопряжено съ неудобствами, но Галишонъ, состоящій при уголовномъ судѣ и присутствовавшій при отказѣ, рѣшилъ самъ поддержать обвиненіе. Вдова Сегена привлекла его къ суду, обвиняя въ желаніи извлечь изъ этого дѣла денежныя выгоды, ввести ее въ напрасные убытки. Адвокату Галишона приходилось, отстаивая кліента, во-первыхъ, доказать неосновательность предположенія о дороговизнѣ процесса, что онъ и дѣлаетъ нѣсколько разъ, повторяя, что несчастные 25 франковъ не могутъ быть поставлены рядомъ съ отмщеніемъ за убійство, а, во-вторыхъ, нужно было возбудить негодованіе судей на поведеніе вдовы, вызвать ихъ сочувствіе къ дѣятельности отвѣтчика, требующаго наказанія убійцы; послѣднее обстоятельство заставило Патрю высказаться въ духѣ эпохи о наказаніи, превратиться въ яраго преслѣдователя правонарушителей и защитника добрыхъ нравовъ путемъ наказанія. Патрю не пожалѣлъ въ этомъ случаѣ красокъ и перспективъ, пустивъ въ ходъ все свое искусство «Міръ нѣкогда, какъ говоритъ древній авторъ, довольствовался осужденіемъ большей части пороковъ или ненавистью къ нимъ... Можетъ быть, это было достаточно для вѣковъ, близкихъ къ золотому... Теперь роскошь все испортила, теперь развращенность разрушила всѣ плотины... законы погибли, если для того, чтобы остановить эту гангрену, вы не прибѣгнете къ огню и желѣзу, къ средствамъ, столь же сильнымъ, какъ зло. Едва мужа похоронили... жена теряетъ о немъ всякое воспоминаніе...

едва оставила его трупъ, какъ говоритъ одинъ декламаторъ, и всѣ чувства жены, весь ея пылъ угасли: она не чувствуетъ ни расположенія къ мертвымъ, ни стыда передъ живыми. Не ждите, чтобы Франція... вернулась когда-либо къ древнимъ нравамъ, къ невинности ея первыхъ дней; нужно чтобы сила... страхъ наказанія сдѣлали то, чего не могла сдѣлать любовь къ добродѣтели.» Далѣе Патрю, указывая на недостатки женскаго характера, рисуетъ страшныя перспективы на случай, если судъ не отнесется надлежащимъ образомъ къ преступной вдовѣ. «Предоставьте имъ дѣлать это и ради пустаго интереса, по ничтожному поводу онѣ растопчутъ ногами все, что есть самаго ненарушимаго и святого для людей». Вообще этотъ отрывокъ любопытенъ не только какъ образчикъ стиля, но и взглядовъ оратора на обязанности юстиціи и на средства достигнуть благополучія и «невинности» путемъ огня и желѣза. Приведенныя мѣста изъ рѣчей Патрю свидѣтельствуютъ во всякомъ случаѣ о безукоризненности его слога, выработаннаго изученіемъ классическихъ произведеній, и объ освобожденіи отъ недостатковъ и устарѣлыхъ пріемовъ, замѣтныхъ еще у другихъ адвокатовъ. Патрю не уступаетъ Леметру по внѣшней формѣ, но не можетъ сравниться съ нимъ по содержанію рѣчей, иногда разсчитанныхъ на эффектъ и не захватывающихъ глубоко сущности дѣла.

IV.

Минуя рѣчи второстепенныхъ адвокатовъ, жившихъ въ одно время или нѣсколько позже Леметра и Патрю, я сдѣлаю лишь общее замѣчаніе, что рѣчи ихъ мало разнятся отъ разобранныхъ выше. Правила ложнаго классицизма, вводящія строгій планъ и раздѣленіе рѣчи, тщательную обработку слога, превратившія рѣчи въ литературныя произведенія, читаемыя въ судѣ адвокатами, торжествуютъ въ 60—70 г. столѣтія. Внѣшнимъ образомъ это выражается въ томъ, что рѣчь раздѣляется на вступленіе, изложеніе, доказательства и т. д. что сохраняется и въ мемуарахъ XVIII стол. Для характеристики этого періода достаточно остановиться на болѣе громкихъ процессахъ, изъ

которыхъ я выбираю дѣло вернонскаго нищаго, дѣло маркизы Бренвилье и дѣло герцога Мазарини съ его женою.

Дѣло вернонскаго нищаго разбиралось въ 1659 г., обстоятельства его заключались въ слѣдующемъ: въ Вернонѣ у вдовы Лемуанъ исчезло два сына 14 и 10 лѣтъ, поиски не привели ни къ какимъ результатамъ, и мать сочла ихъ погибшими. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ихъ исчезновенія въ Вернонѣ появился нищій Монруссо съ мальчикомъ, по возрасту подходящимъ къ младшему изъ пропавшихъ; онъ встрѣтился съ Лемуанъ въ церкви, получилъ отъ нея милостыню и хотѣлъ удалиться изъ Вернона. Но это ничтожное происшествіе успѣло уже возбудить любопытство вернонскихъ обывателей, которые, какъ провинціалы вообще, интересовались чужими дѣлами. Разнесся слухъ, что съ нищимъ былъ младшій Лемуанъ, очевидно, переданный ему матерью, желавшей воспользоваться наслѣдствомъ. Нищихъ задержали, и началась слѣдственная и иная работа. Ребенокъ, помѣщенный въ госпиталѣ, сталъ предметомъ общаго вниманія, посѣщеніе его вошло въ моду. Нашлась масса свидѣтелей, удостовѣрявшихъ его сходство съ пропавшимъ мальчикомъ по самымъ несомнѣннымъ признакамъ. Самъ ребенокъ указывалъ съ точностью расположеніе комнатъ и вещей въ его родномъ домѣ. Виновность матери сдѣлалась несомнѣнной для вернонской юстиціи и жителей. Отъ подсудимой отняли управленіе имуществомъ и полученіе доходовъ въ пользу другихъ безкорыстныхъ опекуновъ, поспѣшившихъ тотчасъ обезпечить свое вознагражденіе. Подъ гнетомъ общей ненависти подсудимая обратилась къ королю и Парижскому парламенту, которому и было передано разсмотрѣніе дѣла. Во время этихъ событій произошла неожиданная развязка: нашелся старшій Лемуанъ, въ личности котораго не могло быть сомнѣнія, объяснилъ исчезновеніе свое и брата и удостовѣрилъ его смерть, подтвержденную законнымъ порядкомъ. Монруссо и вдова Лемуанъ оказались невиновными, преслѣдованіе пало само собою, и передъ Парижскимъ парламентомъ отвѣчать пришлось уже не имъ, а представителямъ вернонскаго уголовнаго суда и самымъ усерднымъ добровольнымъ помощникамъ Ѳемиды. Представителемъ вдовы Ле-

муанъ былъ Пуссе-де-Монтобанъ, адвокатъ, извѣстный не только своими рѣчами, но и драматическими произведеніями. Де-Монтобанъ употребляетъ еще оружіе изъ классическаго арсенала, какъ дѣлали его предшественники, говоритъ объ Егеѣ и Тезеѣ, но этотъ пріемъ появляется по исключенію; въ пышной декламаціи, согласной съ правилами ложнаго классицизма, слышится и нѣчто другое: говорится о природѣ, о чувствахъ, что кажется нѣкоторымъ диссонансомъ въ напыщенномъ и торжественномъ изложеніи дѣла этимъ знаменитымъ въ свое время адвокатомъ. Впрочемъ, обращеніе къ природѣ не всегда облекается имъ въ удачную форму. Такъ, напр., ораторъ опредѣляетъ происхожденіе имени отца: «Имя отца коренится въ душѣ и въ крови. Это имя какъ бы точка перспективы природы, которая въ немъ концентрируется. Это имя какъ бы ея печать и знакъ; оно заканчиваетъ ее... въ ней заключена вся сила природы, дѣлающая его плодотворнымъ» и т. д. Слова здѣсь не могутъ передать чувства оратора, и мысль его исчезаетъ среди сопоставленій и эпитетовъ. Въ другихъ частяхъ рѣчи ораторъ успѣшнѣе справляется съ патетическими мѣстами, таково описаніе чувствъ и поведенія сына нищаго: «Когда спрашиваютъ у Людовика Монруссо, хочетъ-ли онъ всегда нищенствовать съ отцомъ, онъ говоритъ, что хочетъ... Это столь естественное чувство не есть-ли языкъ истины? Онъ предпочитаетъ своего отца, хотя бѣднаго, ложной матери, хотя и богатой. Онъ предпочитаетъ свои лохмотья, потому что это одежда его отца, прекрасному платью... Неудобства жизни, холодъ и голодъ, бѣдность—все это сладко для него съ отцомъ». Въ рѣчи де-Монтобана высказываются и новыя мысли: у прежнихъ адвокатовъ богатые и бѣдные сопоставлялись иногда передъ лицомъ правосудія, у него они сопоставляются передъ лицомъ природы: «Богатые и бѣдные равно произведенія плодородія природы; всѣ должны отдать ей, какъ общей матери, отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ... Бѣдность, какова бы она не была, для насъ свята. Самые бѣдные люди должны быть для насъ самыми священными, и нельзя оскорбить бѣднаго, не совершивъ святотатства». Въ этихъ словахъ сказывается уже довольно сильно вліяніе философіи, незнакомой прежде, пред-

вѣстницы новаго времени. Въ такомъ же тонѣ составлено заключеніе рѣчи де-Монтобана:» Возвратите сына отцу,—говорилъ онъ, возвратите Жаннѣ Лемуанъ ея честь... Ея слезы оставили въ ея сердцѣ слишкомъ живой портретъ сына для того, чтобы ее можно было обмануть, представивъ ей чужаго ребенка, хотя бы и очень похожаго. Она искала своего сына и нашла его лишь въ могилѣ. Оставьте ее плакать и отнеситесь съ уваженіемъ къ скорби матери, сидящей у останковъ сына» Оцѣнивая эту рѣчь де-Монтобана, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что дѣло было уже достаточно выяснено, бороться и доказывать приходилось очень мало, а между тѣмъ канва дѣла была весьма романична и давала полный просторъ адвокату-драматургу. Биньонъ, дававшій заключеніе по этому дѣлу, и сравнилъ его съ театральной пьесой, основанной на запутанной интригѣ.

Перейдемъ теперь отъ этой романической исторіи, кончившейся благополучно, къ другой драмѣ, взволновавшей общественное мнѣніе Франціи, къ дѣлу маркизы Бренвилье, судившейся по обвиненію въ отравленіи своихъ ближайшихъ родственниковъ.

Маркиза Бренвилье, урожденная Обрэ (Aubray), была рано выдана замужъ, ея семейная жизнь сложилась несчастливо: супруги не сошлись характерами, и маркизъ вскорѣ уже послѣ свадьбы возвратился къ разсѣянному образу жизни и совершенно отдалился отъ семейнаго очага. Случай столкнулъ маркизу съ кавалеромъ де-Сентъ-Круа, и она привязалась къ нему глубоко и искренно. Въ дѣло вмѣшался отецъ маркизы и исходатайствовалъ королевское повелѣніе о заключеніи де-Сентъ-Круа въ Бастилію. Здѣсь заключенный познакомился съ итальянцемъ Эксили, спеціалистомъ по части приготовленія ядовъ, передавшимъ ему свои страшные секреты. Ядъ, приготовляемый Эксили, почти не оставлялъ слѣдовъ въ организмѣ, противоядіе не было никому извѣстно кромѣ составителя. Освободившись изъ Бастиліи, де-Сентъ-Круа уговорилъ свою возлюбленную обезпечить открытымъ имъ вѣрнымъ средствомъ богатство и полную свободу дѣйствій. Вскорѣ отецъ маркизы умеръ у себя на дачѣ, выпивъ чашку бульона пред-

ложенную ею, за отцомъ послѣдовали оба брата маркизы; ободренная этимъ успѣхомъ, она стала позволять себѣ намеки на свое могущественное средство отдѣлываться отъ враговъ. Однако, противъ нея не было ничего, кромѣ неопредѣленныхъ подозрѣній. Неожиданная смерть де-Сентъ-Круа во время его «химическихъ» опытовъ пролила свѣтъ на загадочныя событія въ семействѣ Обрэ: полиція, явившаяся опечатывать вещи де Сентъ-Круа нашла ящикъ, который онъ просилъ въ заранѣе приготовленномъ письмѣ, передать маркизѣ Бренвилье, какъ принадлежащій ей. Въ ящикѣ находился ядъ въ значительномъ количествѣ и письма маркизы, весьма ее компрометирующія. Узнавъ о происшедшемъ, маркиза употребила всѣ усилія, чтобы достать ящикъ, но не успѣвъ въ этомъ и опасаясь преслѣдованія, бѣжала въ Англію. Въ ея отсутствіе былъ арестованъ ея довѣренный слуга Лашоссе, принимавшій участіе въ преступленіи. Онъ сознался, былъ осужденъ и колесованъ. Началось уголовное дѣло; приказъ французскаго посланника въ Лондонѣ заставилъ маркизу бѣжать въ Бельгію и скрыться въ монастырѣ въ Льежѣ. Французское правительство послало за ней агента, которому Льежскій городской совѣтъ предоставилъ арестовать виновную. При арестѣ у нея нашли тетрадь, въ которой, въ формѣ исповѣди, она разсказывала всѣ свои преступленія. Послѣ неудавшихся попытокъ къ самоубійству, маркиза рѣшилась бороться до конца и отвергла на допросѣ всѣ обвиненія Но, не смотря на то, что Лашоссе передъ смертью снялъ съ нея свой оговоръ, положеніе было отчаянное въ виду очевидныхъ доказательствъ, поддерживаемыхъ собственноручною исповѣдью. Защиту Бренвилье, въ которой принимали участіе какъ ея мужъ, такъ и многіе вліятельные лица, взялъ на себя Нивелль, рѣчь котораго во многихъ отношеніяхъ представляетъ большой интересъ. Позиція защитника была очень тяжела. Опровергать обвиненіе представлялось безполезнымъ; Нивелль воспользовался тѣмъ, что обвинитель слишкомъ зачернилъ фонъ картины, что, къ сожалѣнію, повторяется весьма часто и въ современныхъ процессахъ, и направилъ свои силы на смягченіе положеній, высказанныхъ прокуроромъ: «Было-бы поздно, я признаюсь,—сказалъ онъ, противопоставлять ужас-

нымъ картинамъ, нарисованнымъ передъ вами, менѣе мрачныя, болѣе близкія къ истинѣ... Пусть же мой голосъ будетъ въ состояніи привлечь на эту голову, покинутую всѣми, тотъ интересъ, котораго я по совѣсти считаю ее достойнымъ». Прокуроръ представилъ обвиняемую, какъ распущенную, недостойную вниманія женщину, бывшею такою чуть-ли не съ дѣтства; защитникъ успѣшно опровергъ эту часть обвиненія: «Марія д'Обрэ очень молодой вышла замужъ за маркиза Бренвилье. Я не буду подробно описывать ея молодости; напрасно общественное мнѣніе, обвиненія котораго проникли въ эту залу, хотѣло представить ее инстинктивной преступницей въ раннемъ возрастѣ: ничто въ преніяхъ... не подтвердило этихъ клеветническихъ утвержденій. Она вела до замужества простую жизнь молодой дѣвушки, воспитанной на глазахъ отца, приготовляющейся упражняться въ скромныхъ домашнихъ добродѣтеляхъ, сдѣлать счастливымъ мужа, котораго ей дастъ судьба или ея выборъ». Но эта часть обвиненія была единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ защита чувствовала себя сильной. Далѣе нужно было уже прибѣгать къ сомнительнымъ предположеніямъ, чтобы сдѣлать вѣроятной невиновность обвиняемой. Нивелль и старается отбросить всю отвѣтственность на умершихъ де-Сентъ-Круа и Лашоссе, утверждая, что они совершили преступленія помимо вѣдома маркизы, бывшей слѣпымъ орудіемъ честолюбія и мести де-Сентъ-Круа, хотѣвшаго завладѣть состояніемъ ея семьи, и ссылается затѣмъ съ особеннымъ удареніемъ на одно доказательство защиты—снятіе оговора Лашоссе, заявившаго передъ смертью, что маркиза не знала объ отравленіяхъ. Но если бы защитнику даже удалось вызвать сомнѣніе противъ части доводовъ обвиненія, то оставалось еще грозное доказательство—исповѣдь маркизы, начинавшаяся словами: «Исповѣдуюсь Всемогущему Богу въ томъ, что я отравила отца и моихъ двухъ братьевъ». Нивелль рѣшился требовать уничтоженія этого доказательства, какъ соединеннаго съ нарушеніемъ тайны исповѣди, что, очевидно, въ данномъ случаѣ не было согласно съ обстоятельствами дѣла, такъ какъ тетрадь попала въ руки правосудія внѣ обстановки, связанной съ исповѣдью, и входила поэтому въ разрядъ допустимыхъ

доказательствъ. Сознавая слабость своего возраженія, Нивелль пытался уничтожить доказательную силу исповѣди Бренвилье и другимъ путемъ, настаивая на томъ, что маркиза написала ее въ припадкѣ умоизступленія; это мѣсто его рѣчи не лишено силы и паѳоса: «Во всякомъ случаѣ, господа, если даже эти доводы будутъ напрасны, если свѣтскій интересъ сможетъ (что невозможно) заставить васъ попрать ногами интересъ Божества, если вы обратите противъ обвиняемой признанья, которыя должны знать лишь служители церкви... разсмотрите ихъ значеніе... Преданная (въ монастырѣ) уединеннымъ размышленіямъ, она была охвачена родомъ безумія, завладѣвшимъ всѣми ея чувствами, и тогда она, чтобы удовлетворить голосу своей подозрительной совѣсти, написала эту исповѣдь, которая должна быть разсматриваема, какъ плодъ безумія, и которую, не смотря на это, хотятъ обратить противъ нея». Заключеніе рѣчи Нивелля составлено въ духѣ эпохи съ приведеніемъ постороннихъ обстоятельствъ и съ патетическимъ обращеніемъ къ судьямъ: «Будьте справедливы, господа, не употребляйте противъ насъ доказательствъ, которыми вамъ запрещаетъ пользоваться Богъ, нравственность, правосудіе и ваши убѣжденія. Увы! и такъ остается слишкомъ много обстоятельствъ, чтобы насъ погубить... доказательствъ, которыя защита никогда не надѣялась бы опровергнуть, если бы не осмѣливалась призвать на помощь ваше милосердіе, сожалѣніе и благосклонное правосудіе къ знатной дамѣ, связанной родствомъ со многими изъ васъ, и которую одно ваше слово можетъ вернуть къ жизни и къ чести или низвергнуть въ величайшее насчастіе, отбросивъ на всю многочисленную семью часть ея позора и несчастія». Заключеніе служитъ лучшимъ доказательствомъ того, насколько слабымъ было положеніе защиты, которой приходилось бороться краснорѣчіемъ противъ неопровержимыхъ доводовъ. Дѣло было проиграно, и Бренвилье мужественно встрѣтила смерть на эшафотѣ (въ 1676 г.). Въ рѣчи Нивелля наше вниманіе останавливаетъ свободное отношеніе адвоката къ предмету рѣчи, введеніе въ нее характеристики, написанной просто и естественно, попытка вести борьбу на психологической почвѣ, на выясненіи мотивовъ поведенія дѣйствующихъ лицъ.

Еще болѣе это замѣтно въ рѣчи Ерарда, представлявшаго интересы герцога Мазарини, который послѣ двадцати-трехлѣтней разлуки потребовалъ возвращенія своей жены подъ домашній кровъ. Герцогиня Мазарини жила въ это время въ Англіи, не смотря на то, что король Іаковъ II, съ которымъ она была въ свойствѣ, былъ низвергнутъ съ престола, занятаго Вильгельмомъ Оранскимъ. Герцогъ воспользовался этой перемѣной, не позволявшей болѣе его женѣ ссылаться на пребываніе у родственниковъ, и началъ дѣло, которому придавали особую извѣстность громкое имя участниковъ и ихъ характеры. Герцогъ былъ ограниченный чудакъ, скряга и ханжа, герцогиня была не менѣе извѣстна совершенно противоположными качествами. Ерардъ безпощадно употребилъ противъ герцогини весь матеріалъ, даваемый ея бурной жизнью и скитаніями, при этомъ въ его рѣчи на ряду съ римскими законами и реторикой пробивается легкая, чисто французская веселость и насмѣшка, примѣры которой мы видѣли уже въ рѣчахъ Леметра. Ерардъ начинаетъ рѣчь съ описанія бѣгства герцогини: «Какимъ образомъ госпожа Мазарини вышла изъ супружескаго дома? Ночью, переодѣтая въ мужское платье... захвативъ все свое серебро и драгоцѣнныя вещи... она устроила свое похищеніе. Но при чьей помощи? Правда, герцогъ Неверскій, ея братъ, подалъ ей руку и уѣхалъ съ нею, но онъ оставилъ ее тотчасъ же въ объятіяхъ молодого сеньёра, одного изъ самыхъ галантныхъ и ловкихъ придворныхъ, не бывшаго ея родственникомъ». Затѣмъ адвокатъ описываетъ образъ жизни герцогини, разбираетъ законы, относящіеся къ данному случаю, и сопоставляетъ герцогиню и ея высокую покровительницу и родственницу, королеву Англіи. Это мѣсто составлено вполнѣ въ стилѣ эпохи, написано съ соблюденіемъ правилъ ложно-классической реторики. «Королева занималась собираніемъ въ своемъ дворцѣ стада вѣрныхъ (католиковъ), она сдѣлала изъ него домъ молитвы и поученія. Госпожа Мазарини сдѣлала изъ своего дома мѣсто игры, удовольствій, новый Вавилонъ, гдѣ встрѣчались люди всѣхъ націй, сектъ, говорящіе на всѣхъ языкахъ, привлекаемые жаждой выигрыша и наслажденій. Королева утѣшала бѣдныхъ, разбивала оковы плѣнниковъ. Ма-

dame Мазарини разоряла богатыхъ и дѣлала ихъ своими плѣнниками... Назовете-ли вы это пребываніемъ у англійской королевы?» Послѣ этого Ерардъ указываетъ, что съ перемѣной династіи падаетъ и послѣднее основаніе для герцогини оставаться въ Лондонѣ, и требуетъ поэтому рѣшенія суда, соотвѣтствующаго желаніямъ его кліента. Судъ согласился съ истцомъ, но герцогиня, не подчинилась приговору и оставалась въ Англіи подъ покровительствомъ новаго короля до своей смерти (въ 1699 г.), продолжая прежній образъ жизни и поддерживая при помощи Сентъ-Евремона горячую полемику съ адвокатомъ своего мужа.

Краснорѣчіе во Франціи въ XVIII вѣкѣ.

(До революціи).

I.

Исторія краснорѣчія во Франціи въ XVIII вѣкѣ распадается на два неравныхъ періода. Одинъ изъ нихъ продолжается до революціи и первыми десятилѣтіями тѣсно связанъ съ предшествовавшей эпохой; наиболѣе интересная часть его начинается приблизительно съ половины столѣтія. Второй періодъ ограничивается немногими годами политическихъ бурь, пережитыхъ Франціей, но тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ важное значеніе, служа непосредственной переходной ступенью къ новому времени, почему его удобнѣе разсматривать вмѣстѣ съ исторіей современнаго краснорѣчія, выросшаго уже въ новыхъ условіяхъ общественной и государственной жизни; предметъ же настоящаго очерка составитъ обзоръ перваго періода.

Не задаваясь цѣлью охарактеризовать въ хронологической послѣдовательности развитіе и измѣненія въ теченіяхъ общественной мысли, жизни и государственнаго управленія во Франціи въ XVIII вѣкѣ, что совершенно не входитъ въ планъ моей работы, я очерчу лишь въ немногихъ словахъ наиболѣе выдающіеся моменты, необходимые для выясненія особенностей краснорѣчія этой эпохи.

Долгое царствованіе Людовика XIV окончилось, исчезла пышная эпопея неслыханнаго придворнаго блеска; король-солнце мирно покоился подъ сводами аббатства Сенъ-Дени; въ «очарованныхъ» садахъ Версаля появились новые хозяева. Послѣдніе годы царствованія состарившагося короля не были счастливы ни во внутренней, ни во внѣшней политикѣ, и подъ вліяніемъ различныхъ неурядицъ и печальнаго экономическаго положенія недочеты правленія сдѣлались весьма ощутительны,

вслѣдствіе чего перемѣна царствованія вызвала понятную реакцію, послужила толчкомъ къ быстрому развитію новыхъ общественныхъ взглядовъ и настроеній. Прежнія строгія и величественныя линіи въ искусствѣ, архитектурѣ, меблировкѣ измѣнились; стиль Людовика XIV смѣнился стилемъ рококо, болѣе соотвѣтствующимъ новымъ вкусамъ и потребностямъ. Большой переворотъ произошелъ и въ другихъ областяхъ. Появился цѣлый рядъ философовъ и писателей, преслѣдующихъ иныя, чѣмъ прежде, задачи, разбиравшихъ основныя положенія государственной и общественной жизни. Монтескье, Руссо, Вольтеръ и много другихъ менѣе извѣстныхъ дѣятелей смѣло разбивали сложившіеся вѣками взгляды, проповѣдывали начала свободы и терпимости. Въ центрѣ умственной жизни Франціи, въ Парижѣ въ аристократическихъ салонахъ изящные кавалеры и дамы внимательно слушали апостоловъ новыхъ ученій, говорили объ естественномъ состояніи, о братствѣ, равенствѣ и свободѣ. Возвращеніе къ природѣ, восхваленіе простой идиллической сельской жизни, культъ чувства на ряду съ философскими разсужденіями выдвинулись на первый планъ Сентиментализмъ мало по малу сталъ господствовать въ искусствѣ и литературѣ. Модные художники того времени Ватто и Буше изображали на своихъ полотнахъ идиллическія сценки, рисующія придворныхъ дамъ и кавалеровъ въ роли пастушекъ и пастушковъ, въ садахъ любви и т. п. Но это возвращеніе къ природѣ и чувству было въ значительной степени искусственнымъ и поверхностнымъ, порожденнымъ модой, явившейся въ качествѣ противовѣса прошлому, въ силу которой, всякій долженъ былъ казаться чувствительнымъ, быть способнымъ проливать слезы при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, восхищаться природой.

Другой характеръ представляла дѣятельность философовъ-энциклопедистовъ и ихъ сторонниковъ. Конечно, въ салонахъ не придавали слишкомъ большаго практическаго значенія разсужденіямъ въ духѣ ихъ принциповъ, за то въ другихъ кругахъ эти мнѣнія и начала, распространявшіяся, довольно широко. пріобрѣли огромное вліяніе, постепенно и незамѣтно подготовивъ послѣдующую эпоху.

Выше было сказано, что и въ XVII столѣтіи, хотя въ незначительномъ размѣрѣ, проявлялось общественное мнѣніе, теперь же благодаря широкой пропагандѣ новыхъ ученій о человѣкѣ, его правахъ, о государственномъ строѣ, при увеличеніи интереса въ обществѣ къ новымъ идеямъ, общественное мнѣніе стало силою, съ которою приходилось считаться. Привлеченіе на свою сторону общественныхъ симпатій сдѣлалось залогомъ успѣха во всевозможныхъ дѣлахъ и вопросахъ, что и вызывало появленіе массы брошюръ и записокъ обо всемъ, что волновало умы и сердца современниковъ. Такія небольшія по объему, сочиненія можно было выпускать массами безъ особаго труда и издержекъ, надзоръ за ними былъ очень труденъ, они замѣняли собою періодическую печать, мало развитую въ то время и стѣсненную цензурными условіями. Съ брошюрками, легко ускользавшими отъ взглядовъ охранителей, цензурѣ было невозможно справиться, они проникали всюду несмотря на запрещенія и преслѣдованія, нерѣдко только увеличивавшія ихъ популярность и придававшія имъ значеніе. Брошюры и записки играли большую роль и въ судебныхъ дѣлахъ; тяжущіеся старались также найти поддержку общественнаго мнѣнія, путемъ гласности заставить судей постановить рѣшеніе, согласное съ тѣмъ, что они считали справедливымъ. Это значеніе записокъ отмѣчаетъ Сегье (1785 г.), жалующійся на злоупотребленія въ пользованіи ими. «Записки, говоритъ онъ, назначавшіяся прежде для ознакомленія съ дѣломъ судей и адвокатовъ, теперь болѣе чѣмъ когда либо стали предметомъ забавы и любопытства публики.... коммерческимъ книжнымъ дѣломъ.... ихъ продаютъ на площадяхъ и мѣстахъ общественныхъ гуляній, при входахъ въ сады и въ театры, онѣ выставляются въ книжныхъ магазинахъ... эксцентричность доведена до того, что къ нимъ прилагаютъ портреты несчастныхъ, въ пользу которыхъ онѣ составлены».

Наукой и литературой болѣе или менѣе серьезно интересовалась небольшая сравнительно часть населенія, тонкій слой интеллигентныхъ классовъ; масса народа, остававшаяся по прежнему въ незавидномъ экономическомъ и политическомъ положеніи, была чужда культуры и образованія, новыя вѣянія доносились

до нея въ очень неопредѣленныхъ очертаніяхъ. Казалось бы поэтому существовавшему порядку не грозило никакой опасности—власть, унаслѣдованная отъ Людовика XIV, сохраняла свой авторитетъ особенно въ началѣ царствованія Людовика XV, когда отъ него ожидали спасенія и возрожденія Франціи. Въ рѣчи, произнесенной въ дни празднованія бракосочетанія короля, будущій авторъ «Духа законовъ», Монтескье, тогда уже вліятельный членъ судебнаго сословія, говоритъ о Людовикѣ XV, какъ о рожденномъ для счастья человѣческаго рода, называетъ его «даромъ небесъ», ниспосланнымъ для блага Франціи, великимъ королемъ. По внѣшности правительственная машина работала, какъ прежде. Какъ и прежде администрація была всемогуща; всякая опозиція, выраженіе неудовольствія немедленно подавлялись, и въ распоряженіи администраціи на этотъ случай было не мало замковъ и крѣпостей, начиная съ Бастиліи, служившихъ надежными мѣстами, куда можно было направить безпокойныхъ людей. Тайные королевскіе приказы (lettres de cachet) щедро выдавались во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, хотя бы и очень отдаленно затрагивавшихъ интересы высокопоставленныхъ лицъ *). Всякій сильный вліятельный человѣкъ могъ добиться многаго вопреки законамъ, какъ это будетъ видно ниже при ознакомленіи съ процессами. Но не смотря на всѣ принимаемыя мѣры, правительство не всегда могло справиться съ опозиціонными теченіями. Слишкомъ были уже запутаны внутреннія дѣла, слишкомъ неблагоразумно въ теченіе долгихъ лѣтъ расходовались силы и средства народа. Протесты со времени смерти Людовика XIV, стали проявляться замѣтнѣе и замѣтнѣе.

---

*) Такъ, напр. сохранился разсказъ о типичномъ происшествіи, относящемся ко времени властвованія при дворѣ маркизы Помпадуръ, очевидецъ котораго дожившій до нашего вѣка столѣтній старикъ, разсказывалъ, что въ 1750 г., переходя черезъ новый мостъ въ Парижѣ, онъ былъ остановленъ раззолоченной каретой королевской фаворитки. Послѣ ея проѣзда какой то шутникъ замѣтилъ, что теперь онъ совершенно увѣренъ въ солидности постройки моста, такъ какъ онъ выдержалъ величайшую тяжесть Франціи. Онъ былъ немедленно арестованъ, и съ тѣхъ поръ о немъ больше не слышали (Fouquier. Causes célèbres. T. IV, cahier 17, стр. 7).

Самымъ значительнымъ учрежденіемъ, сохранившимъ еще нѣкоторую независимость, оставались въ то время парламенты, бывшіе блюстителями законности дѣйствій представителей власти и самого короля, ревниво охранявшіе свои привилегіи. Въ нихъ сосредоточилось противодѣйствіе незаконнымъ распоряженіямъ администраціи. Борьба эта шла почти до самаго созванія генеральныхъ штатовъ, вскорѣ послѣ котораго парламенты прекратили свое существованіе. Мюнье-Жоленъ насчитываетъ съ 1715 по 1787 годъ шесть королевскихъ повелѣній, удалявшихъ парламентъ изъ Парижа въ разные провинціальные города въ виду его рѣшительнаго сопротивленія правительству. Въ 1770 г. всѣ должности (онѣ тогда продавались или переходили по наслѣдству) въ Парижскомъ парламентѣ были конфискованы и замѣщены по назначенію короля. Общественное мнѣніе горячо поддерживало Парижскій парламентъ, его члены были трибунами и ораторами эпохи, въ залахъ дворца правосудія нерѣдко тѣснилась толпа, восторженно привѣтствовавшая рѣшенія парламента, неблагопріятныя правительству. Положеніе парламентовъ не могло не отразиться и на адвокатурѣ, на связь которой съ судебнымъ сословіемъ и на отзывчивость къ партійнымъ и религіознымъ спорамъ было уже указано выше. Съ 1715 по 1757 г. насчитывается одиннадцать пріостановокъ дѣятельности сословія адвокатовъ, вызванныхъ какъ поддержкой парламента, такъ и внутренней борьбой сословія, отстаивавшаго свои прерогативы съ неменьшей настойчивостью, чѣмъ парламентъ свои (Munier Jolain. La plaidoirie dans la langue française. XVIII siècle. стр. 3 и слѣд.) Адвокаты являлись представителями интересовъ разныхъ партій, среди нихъ находили поддержку самыя разнообразныя и крайнія мнѣнія.

Правосудіе въ XVIII стол. привлекало къ себѣ постоянно вниманіе въ виду все болѣе и болѣе сознаваемаго несовершенства формъ судопроизводства и недостатковъ уголовныхъ законовъ. Принципы уголовнаго законодательства того времени были болѣе чѣмъ далеки отъ требованій, выставляемыхъ новой философіей и жизнью. Промахи и ошибки Ѳемиды, упорно державшейся рутины, представляли поэтому каждый

разъ поводъ къ нападеніямъ на существующее законодательство. Несомнѣнно, юстиція ошибалась и раньше, но при прежнихъ условіяхъ эти ошибки проходили почти безслѣдно, въ рѣдкихъ случаяхъ становились общеизвѣстными. Въ XVIII в. положеніе измѣнилось: судебныя ошибки и неустройства вызывали ожесточенную критику и полемику, безпощадно выставлялись на всеобщее осмѣяніе. Уже въ началѣ столѣтія въ названной выше рѣчи, произнесенной въ Бордосскомъ парламентѣ, Монтескье позволилъ себѣ, хотя и въ общихъ чертахъ, но всетаки неблагопріятно, обрисовать дѣятельность судовъ, указавъ, что «нѣкогда честные люди привлекали къ суду несправедливыхъ, теперь же несправедливые привлекаютъ добросовѣстныхъ». Судьи, по его словамъ, всегда должны остерегаться ловушекъ со стороны тяжущихся, такъ какъ создались цѣлыя профессіи, для того чтобы затемнять и затягивать дѣла. Но судебное сословіе, отличавшееся консерватизмомъ, привыкшее къ установившимся пріемамъ и склонное потому видѣть въ нихъ возможное приближеніе къ совершенству, не уступало желаніямъ новаторовъ, которымъ въ теченіе всего столѣтія приходилось употреблять большія усилія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, чтобы добиться желаемаго.

Интересный примѣръ такого столкновенія, происшедшаго въ 1785 г. наканунѣ великихъ преобразованій, представляетъ защита Дюпати трехъ невинныхъ, приговоренныхъ къ колесованію. Въ этомъ дѣлѣ противъ суда выступилъ членъ сословія (Дюпати служилъ въ парламентѣ), и самая записка нападавшая на судъ, была подписана адвокатомъ, что особенно обострило отношенія. Записка заключалась въ слѣдующемъ: «11 Августа 1785 г., такъ начинается она, приговоромъ Шомонскаго суда трое подсудимыхъ признаны виновными въ ночной кражѣ съ насиліемъ и взломомъ и присуждены къ вѣчнымъ галерамъ. 20 октября этого же года постановленіе парламента.... присудило ихъ.... къ колесованію. Они были невинны! Пусть чувствительныя сердца успокоятся: трое невинныхъ дышатъ еще и теперь.... Безъ сомнѣнія наши суды гуманны, но уголовное судопроизводство такъ строго! Наши судьи просвѣщены, но противъ желанія государя и судей на-

ше уголовное законодательство такое варварское!» Выдѣливъ, такимъ образомъ, судей, чтобы сохранить по возможности ихъ расположеніе, Дюпати объясняетъ, что ему извѣстны лишь фамиліи осужденныхъ (Лардуазъ, Симаръ и Брадье) и то, что они спокойно и безупречно жили въ хижинахъ вмѣстѣ со своими матерями, женами, дѣтьми, и что уже три года безсмысленная и чудовищная клевета влечетъ ихъ изъ тюрьмы въ тюрьму и изъ суда въ судъ до колеса. Вся записка распадается далѣе на отдѣльныя части, въ которыхъ детально разсматривается производство дѣла и указываются его промахи и пробѣлы. «Я слышу, говоритъ Дюпати по поводу ведшагося неудовлетворительно слѣдствія, возраженія, оно коротко:—«Бродяги!» Бродяги! но эти бродяги—граждане, по крайней мѣрѣ они—люди. Ахъ! Когда всякій человѣкъ не считается гражданиномъ, скоро и гражданинъ перестанетъ считаться человѣкомъ!» Авторъ насчитываетъ 23 повода для уничтоженія производства, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности совершенно достаточенъ для этого, и разбиваетъ основное положеніе обвинителей, что въ тяжкихъ преступленіяхъ возможно обвиненіе при слабыхъ доказательствахъ. Середину записки занимаетъ описаніе свиданія защитника съ подсудимыми; патетически передаются пережитыя ими въ тюрьмахъ страданія и болѣзни. Конецъ свиданія изображается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Еще немного терпѣнія, друзья, немного мужества... конецъ вашихъ бѣдствій приближается: король узнаетъ объ этомъ.—Ахъ! сударь, нашъ король, нашъ добрый король, нашъ превосходный король узнаетъ объ этомъ! — При этихъ словахъ у меня потекли слезы, и я убѣжалъ. Государь, вотъ три невинныхъ, которыхъ три года заставляли страдать вашимъ именемъ и которые, какъ и мы, называютъ васъ добрымъ королемъ, превосходнымъ королемъ». Авторъ записки, тщательно устраняя всѣ непосредственныя порицанія лицъ, причастныхъ къ правосудію, позволяетъ себѣ нападать на законодательство и здѣсь, дѣйствительно, не щадитъ, согласно съ требованіемъ моды, выраженій чувства и трогательныхъ обращеній «Ахъ, Государь.... удостойте, наконецъ, прислушаться одну минуту къ голосу невинной крови Каласовъ,

Монбальи, Лангладовъ, Кагюзаковъ, Барро.... вся эта невинная кровь съ эшафотовъ и колеса не перестаетъ взывать къ вамъ жалобнымъ голосомъ: «О, государь, другъ людей.... мы заклинаемъ васъ чувствительностью общей вамъ со всѣми принцами вашего дома и августѣйшей подругой вашихъ славныхъ судебъ.... королевскими слезами, которыя вы, безъ сомнѣнія, пролили при разсказѣ о нашихъ бѣдствіяхъ, нашей невинностью, наконецъ, жертвой не вашихъ судей, но законовъ.... удостойте бросить одинъ взглядъ на всѣ кровавые недостатки уголовнаго законодательства, благодаря которымъ мы погибли и каждый день погибаютъ невинные». Въ томъ же тонѣ авторъ умоляетъ короля исправить законодательство, а пока назначать обязательныхъ защитниковъ для всѣхъ подсудимыхъ. Казалось-бы, что записка не затрагивавшая никого лично, кромѣ несомнѣнно скомпрометированныхъ судей, говорившая объ общихъ недостаткахъ закона, независящихъ отъ исполнителей, не должна была вызвать особыхъ нареканій, тѣмъ болѣе что она не была первой. Но ревностные сторонники старыхъ порядковъ почувствовали себя уязвленными критикой человѣка, принадлежащаго къ ихъ кругу, и сочли нужнымъ прибѣгнуть къ энергичнымъ мѣрамъ. Выдающійся членъ парламентской прокуратуры, Сегье лично взялъ на себя трудъ возразить Дюпати, хотя при несомнѣнной наличности всѣхъ указанныхъ имъ безпорядковъ и оправданія осужденныхъ возражать было не на что. Сегье начинаетъ свой отвѣтъ изображеніемъ положенія судебнаго сословія «которое всецѣло отдается общему благу и у котораго осмѣливаются подозрѣвать эту преданность! Оно все приноситъ въ жертву общему счастью, а между тѣмъ стараются влить ядъ въ это благородное самопожертвованіе!» Реформаторы, по мнѣнію Сегье, соединяютъ всѣ усилія, чтобы обезпечить безнаказанность преступленія; требуютъ пересмотра старыхъ законовъ, какъ будто старые законодатели не были человѣчны, какъ будто законъ не охраняетъ всѣхъ гражданъ, и эшафотъ не введенъ лишь для того, чтобы предупредить страхомъ примѣра преступленіе. Судьи достаточно защищаютъ человѣчность. Наказаніе необходимо для общественнаго спокойствія и счастія. Законъ справедливъ, каково бы ни было

его рѣшеніе, именно потому, что онъ законъ. Чувствительность по отношенію къ человѣку, не имѣвшему сожалѣнія къ себѣ подобнымъ, представляется «безчеловѣчнымъ состраданіемъ», рискующимъ въ интересахъ одного преступника интересами большинства. «Прочь отъ насъ, говоритъ Сегье, системы общихъ реформъ... прочь отъ судовъ планы законодательствъ, внушенные любовью къ новому, принятые по легковѣрію, поддержанные импонирующей смѣлостью мысли, которые подъ предлогомъ возстановленія порядка, напротивъ, нарушаютъ этотъ порядокъ и гармонію въ обществѣ». Далѣе авторъ останавливается еще разъ на словѣ человѣчность и отвергаетъ предположеніе Дюпати о томъ, что всѣ честные люди желаютъ реформъ (что было, однако, очень похоже на дѣйствительность) на томъ основаніи, что въ королевствѣ честные люди—не только авторъ записки и его сторонники. Въ заключеніе Сегье упрекаетъ Дюпати въ непочтительномъ отношеніи къ прежнимъ королямъ и напоминаетъ, что это можетъ быть сочтено за попытку поколебать государственное устройство, за призывъ къ возстанію, и переходитъ къ оцѣнкѣ вновь появившейся брошюры по разсматриваемому дѣлу, которую называетъ сплетеніемъ фразъ, достойнымъ презрѣнія, указываетъ, что реформаторы всегда говорятъ во имя народа, которому до нихъ нѣтъ никакого дѣла. «Оскорбленія и клеветы вотъ дань, которую философія вѣка воздаетъ магистратурѣ». При этихъ словахъ автору повидимому вовсе не приходитъ въ голову мысль о томъ, что не одна «философія вѣка» создала такое положеніе и что не она была виновата въ необходимости борьбы съ слишкомъ уже крупными промахами правосудія.

Отвѣтъ Сегье не представляетъ возраженія по существу: авторъ исходитъ изъ мысли о недобросовѣстности противника и не признаетъ за существующимъ недостатковъ; возраженіе ограничивается общими мѣстами о легкомысліи нововводителей, которыя приводятся постоянно противъ значительныхъ реформъ людьми, чувствующими себя хорошо при существующихъ порядкахъ или заинтересованными въ ихъ сохраненіи. Характеренъ также и аргументъ о неблагонамѣренности Дюпати, явственно проскальзывающій въ отвѣтѣ. Особенно интересно

въ этотъ инцидентѣ то, что сторонники прежняго рѣшительно не желали поступиться ничѣмъ, всего за нѣсколько лѣтъ до полнаго разрушенія прежней системы, расшатанность и несоотвѣтствіе условіямъ времени которой они не хотѣли видѣть. Оскорбленный парламентъ, нужно думать, мало разсчитывалъ на громкія фразы своего оффиціальнаго защитника и на пріобрѣтеніе такимъ образомъ сочувствія, почему онъ и прибѣгнулъ къ другимъ болѣе энергичнымъ средствамъ: адвокатъ, Легранъ де Лалю, подписавшій записку, былъ исключенъ изъ сословія, а самая записка осуждена на сожженіе, участь которую она раздѣлила со многими замѣчательными книгами XVIII вѣка (Berryer. Leçons et modèles d'éloquence judiciaire, стр. 348).

Такова была обстановка и условія, въ которыхъ пришлось дѣйствовать судебнымъ ораторамъ XVIII столѣтія.

II.

Судебные ораторы, закончившіе свою дѣятельность въ первой половинѣ XVIII в., во многихъ отношеніяхъ по подготовкѣ и пріемамъ принадлежали къ XVII стол., въ которомъ значительная часть ихъ (напр. Террасонъ, d'Агессо) выступила на адвокатское поприще. Самыми типичными представителями этого переходнаго поколѣнія адвокатовъ слѣдуетъ считать де Саси, Кошена и Нормана.

Де Саси (родившійся въ 1654 г.) близкій другъ маркизы де Ламберъ, хозяйки одного изъ самыхъ извѣстныхъ парижскихъ салоновъ, отличался большой любовью къ литературнымъ занятіямъ и получилъ солидное классическое образованіе. Переводъ писемъ Плинія Младшаго открылъ ему двери академіи, а личныя качества и ораторскій талантъ доставили общее уваженіе. Въ характеристикѣ рѣчей де Саси, написанной маркизой де Ламберъ, указывается, что онъ умѣлъ овладѣвать чувствами слушателей и вмѣстѣ съ тѣмъ давать работу мысли, и нравился изяществомъ своего слога, онъ «украшалъ все, къ чему ни прикасался». Этотъ лестный портретъ адвоката въ общихъ чертахъ несомнѣнно сходенъ съ оригиналомъ:

слогъ де Саси дѣйствительно былъ тщательно выработанъ, элементы философскій и логическій, выражавшіеся въ пространныхъ разсужденіяхъ оратора, получаютъ въ его рѣчахъ преобладающее значеніе: ораторъ старается воздѣйствовать на слушателей стройной системой доводовъ, новизной мыслей и оборотовъ, не всегда соблюдаетъ въ точности строгія правила ложно классической реторики, относится свободно къ предмету рѣчи; это направленіе было уже замѣтно въ XVII в., теперь оно сказывается яснѣе. Рѣчи де Саси и его современниковъ часто принимаютъ характеръ философскихъ произведеній, ораторы стараются покорить разсудокъ слушателей, доказать свое умѣнье анализировать, послѣдовательно развивать основныя мысли, рѣдко прибѣгая для поддержки ихъ къ цитатамъ и авторитетамъ. Источникомъ разсужденія является само дѣло и логическое развитіе вытекающихъ изъ него положеній. «Разумъ» становится главнымъ авторитетомъ и оружіемъ адвоката. Напр. въ процессѣ о разлученіи супруговъ де Саси, представлявшій интересы мужа, проводилъ въ своей рѣчи мысль, что для разлученія, котораго добивалась жена, нѣтъ поводовъ, что мелкія непріятности, ссоры и женскіе капризы не могутъ служить для этого достаточнымъ основаніемъ. Прежній адвокатъ развернулъ бы здѣсь свои познанія въ каноническомъ и римскомъ правѣ, де Саси ограничивается развитіемъ основной идеи, почти не обращаясь къ посторонней помощи, разсматриваетъ духъ, разумъ законовъ, установленныхъ для даннаго случая, оцѣниваетъ ихъ мотивы съ точки зрѣнія здраваго смысла. «Божественные законы, также какъ человѣческіе, говоритъ онъ, кажутся полными этого разума (esprit); дѣлая мужа главой семьи, они предполагали, что онъ обладаетъ большимъ благоразуміемъ и умѣренностью... Союзъ и миръ въ семьѣ безспорно самое прочное основаніе счастья общества, и этотъ миръ не могъ бы существовать, если бы уничтожить порядокъ, установленный законами для его поддержанія... Эти доводы, обосновывавшіе строгость законовъ о разводѣ, никогда не имѣли болѣе справедливаго приложенія, чѣмъ въ настоящемъ дѣлѣ». Рѣчь заканчивается примѣненіемъ всѣхъ приведенныхъ общихъ соображеній къ частному случаю.

Кошенъ, записанный въ адвокатское сословіе въ 1706 г., выдавался не только какъ ораторъ, рѣчи котораго чрезвычайно высоко цѣнились современниками, но наравнѣ съ де Саси, онъ привлекалъ къ себѣ вниманіе, какъ человѣкъ, выдержаннымъ характеромъ, прямотой и искренностью образа дѣйствій во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Онъ пользовался такимъ уваженіемъ суда, что когда однажды судьи замѣтили его нездоровье, не лишавшее его все таки способности продолжать рѣчь, они прекратили разсмотрѣніе дѣла до тѣхъ поръ, пока адвокатъ совершенно не оправится. Рѣчи Кошена отличаются тѣмъ же характеромъ, что и де Саси: увлеченію, чувству въ нихъ отводится очень мало мѣста. Кошенъ выступалъ по весьма разнообразнымъ дѣламъ, я остановлюсь на двухъ характерныхъ для его таланта. Одно изъ нихъ дѣло галантнаго аббата Сарду интересно и по бытовой обстановкѣ. Аббатъ, при помощи двухъ близко знакомыхъ ему дамъ, успѣлъ овладѣть сердцемъ и доходами престарѣлой, но состоятельной дѣвицы Дойо де Шолло, получавшей отъ него букеты и мадригалы и взамѣнъ этого поддерживавшей своего поклонника болѣе существеннымъ способомъ. Между прочимъ, въ 1742—43 г. на угощеніе аббата было израсходовано 1682 бутылки вина, на сумму около 1500 ливровъ. Въ 1743 г. г-жа де Шолло опасно заболѣла, и Сарду поспѣшилъ обезпечить себя на будущее время, не допустилъ къ ней духовника, но заставилъ написать завѣщаніе въ свою пользу. Послѣ смерти завѣщательницы началось дѣло, въ которомъ Кошенъ представлялъ интересы ея прямыхъ наслѣдниковъ. Описаніе послѣднихъ минутъ г-жи де Шолло въ связи съ поведеніемъ Сарду, давало богатый матеріалъ для паѳоса оратора, для обрисовки нравовъ эпохи и поведенія соучастниковъ. Кошенъ пользуется въ своей рѣчи представившимся случаемъ обратиться къ чувству судей, но дѣлаетъ это безъ большого успѣха. «Г-жа де Шолло, говоритъ адвокатъ, оставленная и на попеченіи простыхъ слугъ, не испытала бы подобнаго несчастія (она умерла безъ причастія)... Она была въ рукахъ священника, представлявшагося преданнымъ только ей; всѣ предупреждали и просили его, но онъ имѣлъ безчеловѣчность... оставить ее умирать безъ малѣйшей помощи... Пе-

чальная катастрофа, достойный плодъ внимательности этого несчастнаго священника, который овладѣлъ своей, такъ называемой, духовной дочерью лишь для того, чтобы лишить ее всякой помощи религіи... Если бы церковь бросила въ него всѣ свои молніи, если бы онъ былъ раздавленъ сводами неба, если бы земля поглотила его живаго, то и тогда онъ не былъ бы наказанъ соотвѣтственно своему преступленію»... Кошенъ выигралъ дѣло, но это не спасаетъ его паѳоса и реторики: адвокатъ оказывается неспособнымъ къ сильному движенію, какъ и большая часть прежнихъ адвокатовъ, и замѣняетъ чувство словами.

Гораздо удачнѣе были рѣчи Кошена, въ которыхъ онъ могъ оставаться на почвѣ анализа и разсужденій; въ нихъ онъ не прибѣгаетъ къ тяжелымъ стилистическимъ украшеніямъ, говоритъ простымъ тономъ, мѣстами не лишеннымъ юмора (хотя иногда и не безупречнаго) и, такимъ образомъ, доказываетъ, что онъ привыкъ и умѣлъ обращаться къ уму, а не къ сердцу. Примѣромъ этого можетъ служить дѣло Рапалли противъ жены, желавшей расторгнуть бракъ вслѣдствіе дурнаго характера мужа, позволявшаго себѣ жестокое обращеніе съ жалобщицей. Кошену нужно было здѣсь разобрать утвержденія г-жи Рапалли и доказать, что большинство описанныхъ ею ужасовъ создано ея собственнымъ воображеніемъ и желаніемъ возвратить утраченную свободу. Главное обвиненіе заключалось въ томъ, что въ августѣ 1733 года мужъ хотѣлъ убить просительницу, нанесъ ей побои въ присутствіи постороннихъ. Кошенъ и останавливается подробно на этой сценѣ. «Таково описаніе, которое дѣлаетъ г-жа Рапалли этой жестокой и трагической сцены... Какая ярость! Какое бѣшенство со стороны г-на Рапалли... Это чудовище, которое нужно изгнать изъ общества! Какое зрѣлище представляла г-жа Рапалли въ этихъ печальныхъ обстоятельствахъ! Придавленная грудь дышитъ съ трудомъ, она не можетъ поднять головы, сдѣлать шага безъ поддержки; потоки крови текутъ при всякомъ движеніи. Кабинетъ мужа, лѣстница... все наводнено кровью!.. Но вскорѣ эта актриса, умирающая въ театрѣ, собирается съ силами. Она садится въ карету и отправляется въ улицу Генего отыски-

вать хирурга, живущаго на Гревской площади... Тамъ при выходѣ ея изъ кареты собираютъ толпу, чтобы разсказать печальную участь г-жи Рапалли, чтобы слухъ объ этомъ широко распространился въ Парижѣ. Хирурга не было дома. Г-жа Рапалли имѣла терпѣніе ждать его... онъ вернулся и посовѣтовалъ кровопусканіе, которое нужно было отложить по особымъ обстоятельствамъ. Визитъ былъ безполезенъ... Ея поѣздки не оканчиваются этимъ. Она садится опять въ карету и ѣдетъ къ комиссару Ле Конту... къ которому пріѣзжаетъ около 4 часовъ дня (столкновеніе произошло въ 10 ч. утра). Тамъ она диктуетъ длинную жалобу, занявшую не менѣе часа; и, наконецъ, вечеромъ отправляется къ адвокату Броссу... гдѣ оканчиваются ея странствованія». Хирургъ нашелъ у нея три маленькихъ контузіи, она начала дѣло о разводѣ, а на другой день потребовала у мужа свою мандолину, ноты и романсы. Кошенъ выигралъ и это дѣло. Г. Рапалли сохранилъ, благодаря этому, свою супругу противъ ея воли, что врядъ ли могло служить залогомъ дальнѣйшаго семейнаго счастья, уже болѣе чѣмъ сомнительнаго и раньше.

Третьимъ ораторомъ, разсматриваемой эпохи, былъ Норманъ, адвокатъ высшаго общества, блиставшій своими придворными связями, талантами, богатствомъ и независимостью; онъ былъ единственнымъ въ то время человѣкомъ, отказавшимся отъ чести быть членомъ академіи только оттого, что не захотѣлъ сдѣлать обычныхъ кандидатскихъ визитовъ, считая это несовмѣстимымъ съ своимъ достоинствомъ. Его смерть вызвала горячіе панегерики даже со стороны такого строгаго цѣнителя адвокатовъ того времени, какимъ былъ Барбье, собиравшій анекдоты и сплетни о лицахъ, имѣвшихъ отношеніе къ парижскимъ судамъ; онъ упрекалъ его лишь за роскошь, служившую дурнымъ примѣромъ для сословія адвокатовъ (Норманъ проживалъ около 50.000 ливровъ ежегодно,—весьма значительная сумма для его эпохи, дозволявшая ему вести образъ жизни одинаковый съ богатыми вельможами).

Замѣчательнѣйшимъ изъ процессовъ, которые велъ Норманъ былъ процессъ г-жи де Сенъ-Сиръ, требовавшей возвращенія себѣ фамиліи и имущества герцоговъ Шаузель, къ

семьѣ которымъ она считала себя принадлежащей по происхожденію. Въ основаніе своихъ претензій де Сенъ-Сиръ, поддерживаемая маркизой Отфоръ, приводила слѣдующія обстоятельства. Въ 1696 г. у герцогини Шуазель, во время продолжительнаго отсутствія ея мужа, родилась дочь, которая немедленно послѣ рожденія была передана на попеченіе маркизѣ Отфоръ подъ именемъ Сенъ-Сиръ, для того чтобы не вызвать семейныхъ недоразумѣній между герцогинею Шуазель и ея мужемъ; нравы того времени слишкомъ извѣстны, такъ что нѣтъ надобности останавливаться на причинахъ, обусловливавшихъ необходимость тайны рожденія ребенка. Герцогиня умерла вслѣдствіе родовъ, герцогъ вступилъ во второй бракъ. Г-жа Сенъ-Сиръ начала дѣло при достиженіи ею совершеннолѣтія и въ доказательство своихъ правъ (метрической записи въ церкви не было) представила журналъ извѣстнаго акушера Ледюка, къ помощи котораго обращались знатныя дамы, и который на всякій случай тщательно записывалъ обстоятельства своей секретной практики; въ записи подробно говорилось и о герцогинѣ Шуазель и объ ея ребенкѣ. Наслѣдники Шуазель всѣми силами противились признанію; процессъ продолжался долго и живо заинтересовалъ парижское общество, принявшее сторону маркизы Отфоръ и ея воспитанницы, въ пользу которыхъ и окончилась судебная борьба. Норманъ защищалъ интересы де Сенъ-Сиръ. Противникъ его Жюльенъ де Прюнэ настаивалъ на томъ, что просительница, какъ «темная личность», происхожденіе которой неизвѣстно, не должна въ государственныхъ интересахъ нарушать тайну, окружающую ея рожденіе, и что по дѣлу нѣтъ надлежащихъ документовъ, которые не могутъ быть замѣнены свидѣтелями.

Норману представлялся широкій просторъ къ патетическимъ картинамъ, къ возбужденію чувства слушателей, за него было общественное мнѣніе; но противъ ожиданія въ его рѣчи патетическій элементъ ничтоженъ, адвокатъ философствуетъ, разсуждаетъ и ограничивается этимъ. Возражая противнику на замѣчаніе о темныхъ личностяхъ, Норманъ разбираетъ его, доказываетъ его несостоятельность, оставаясь совершенно спокойнымъ. «Откуда герцогъ де Ла-Вальеръ почерпнулъ это

странное ученіе о необходимости темныхъ личностей въ каждомъ сословіи, которымъ запрещено возстановлять ихъ положеніе, несправедливо отнятое у нихъ, и возвращать незаконно захваченное имущество? Тотъ, кто рожденъ для своей страны, отдается всецѣло на служеніе ей... Каковъ долженъ быть по отношенію къ нему интересъ общества? Онъ состоитъ въ опредѣленіи по талантамъ и рожденію каждаго человѣка мѣста, достоинства и должностей, къ которымъ общество желаетъ его назначить... въ сохраненіи того, что принадлежитъ ему по закону. Нужно прибавить, что... гармонія была бы нарушена, если бы общество заставляло часть своихъ членовъ терять невозвратно свои имущества и права рожденія, предоставляя другимъ безнаказанно захватывать ихъ. Преступленіе скрытія рожденія сдѣлалось-бы добродѣтелью... Если это и неудобство (признаніе такихъ неизвѣстныхъ), какъ говоритъ герцогъ Лавальеръ, то неудобство, вытекающее изъ полнаго забвенія всѣхъ законовъ природы, котораго нашъ законъ никогда не предполагаетъ».

Рѣчи де Саси, Кошена и Нормана, слѣдовательно, подтверждаютъ высказанныя положенія о характерѣ краснорѣчія въ переходную эпоху къ сентиментализму. Ораторы постоянно сводятъ свои утвержденія на почву «разума», доказываютъ ихъ соотвѣтствіе съ вѣчными законами природы, съ интересами общества и государства. Разсужденія составляютъ существо рѣчи, все остальное является дополненіемъ, на которое обращаютъ сравнительно мало вниманія. Форма рѣчей еще сохраняетъ отличительные признаки, выработанные въ періодъ ложнаго классицизма.

III.

Среди адвокатовъ, выросшихъ въ XVIII стол. въ новой обстановкѣ, не связанныхъ съ прошлымъ воспоминаніями и примѣрами молодости, можно указать нѣсколько громкихъ именъ ораторовъ, пріобрѣвшихъ большую извѣстность; стиль ихъ рѣчей уже замѣтно расходится со сдержаннымъ стилемъ де Саси, Кошена и Нормана. Новая дорога обозначается въ

произведеніяхъ Лоазо де Молеона, Эли де Бомона и Жербье. Дѣятельность ихъ выражалась какъ въ произнесеніи рѣчей такъ и въ составленіи записокъ, назначавшихся не столько для суда, сколько для привлеченія къ дѣлу общественнаго вниманія; о распространенности и вліяніи этихъ записокъ я говорилъ выше. Согласно реторическимъ правиламъ, записки раздѣляются обыкновенно на введеніе, планъ, изложеніе, доказательства и заключеніе; каждая изъ этихъ частей является самостоятельною главою. Но если форма записокъ осталась прежнею, то содержаніе ихъ замѣтно измѣнилось.

Лоазо де Молеонъ, другъ и ученикъ Руссо, съ которымъ онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ до своей смерти въ 1771 г., застигшей его еще въ расцвѣтѣ силъ (43 лѣтъ), обладалъ вполнѣ независимымъ состояніемъ и не былъ профессіональнымъ адвокатомъ: онъ выступалъ лишь по дѣламъ, привлекавшимъ его вниманіе. Руссо говоритъ по этому поводу въ «признаніяхъ», что предсказывалъ своему другу завидную карьеру и славу, «если онъ будетъ строгимъ въ выборѣ дѣлъ и будетъ защищать справедливость и добродѣтель»... «Его геній, воспитанный этимъ высшимъ чувствомъ, какъ говоритъ философъ, сравняется съ великими ораторами». Лоазо де Молеонъ до конца оставался вѣренъ совѣтамъ учителя, и если предсказанія послѣдняго осуществились не вполнѣ, и Лоазо де Молеонъ не можетъ быть поставленъ на ряду съ ораторами, на долго пережившими свою эпоху, то причина этому лежитъ въ степени таланта, въ подчиненіи требованіямъ и вкусамъ его времени, но не въ недостаткѣ принциповъ, которые были достойны и учителя и ученика. Для характеристики краснорѣчія Лоазо де Молеона я выбираю три процесса, изъ которыхъ одинъ (дѣло Валдагона) представляетъ собою часто встрѣчавшееся въ XVIII вѣкѣ дѣло, вызванное столкновеніемъ въ семьѣ между родителями и дѣтьми, затѣмъ дѣла Кастиля и Каласа, рисующія печальное положеніе правосудія, трудность борьбы и защиты правъ противъ лицъ, опирающихся на связи и привилегіи.

Валдагонъ, молодой мушкетеръ, хорошей фамиліи и довольно состоятельный, встрѣтился въ провинціальномъ городѣ,

въ которомъ его полкъ стоялъ гарнизономъ, съ дочерью маркиза де Монье, вліятельнаго и богатаго представителя судебнаго сословія. Эта встрѣча привела впослѣдствіи къ близкимъ отношеніямъ между мушкетеромъ и дочерью сановника; когда эти отношенія открылись, де Монье всячески сталъ противиться браку и преслѣдовать влюбленныхъ, которымъ все-таки въ концѣ концовъ удалось обвѣнчаться, послѣ долгихъ лѣтъ (1763—1771 г.), полныхъ тревогъ и гоненій, занятыхъ семью процессами, и даже примириться съ своимъ преслѣдователямъ. Валдагонъ въ самомъ началѣ дѣла обратился за помощью къ Руссо, который и направилъ его къ Лоазо де Молеону, указавъ послѣднему на это дѣло, какъ на заслуживающее несомнѣнно поддержки и сочувствія.

Лоазо де Молеонъ горячо принялся за работу и, неутомимо отстаивая права своего кліента, успѣлъ защитить его отъ всѣхъ обвиненій, выставленныхъ разгнѣваннымъ отцомъ, не остановившимся предъ разглашеніемъ семейнаго дѣла на всю Францію. Первая записка Лоазо де Молеона произвела огромное впечатлѣніе. Гриммъ передаетъ, что дамы плакали, читая ее и говорили, что не видѣли ничего болѣе краснорѣчиваго и трогательнаго, но эта записка, хотя и привлекла на сторону подсудимаго общественное мнѣніе, мало подѣйствовала на судей. Вначалѣ перевѣсъ все время оставался на сторонѣ маркиза де Монье, рѣшенія судовъ были въ его пользу. Маркизъ де Монье прибѣгъ тоже къ печати, «наводнилъ Парижъ», по выраженію Лоазо де Молеона, обвиненіемъ кліента послѣдняго. Отвѣтомъ де Монье и была первая оправдательная записка Молеона, въ которой послѣ сентиментальнаго изложенія дѣла, мы находимъ слѣдующее заключеніе: «Будетъ ли отецъ неумолимъ? Нѣтъ, нѣтъ, я съумѣю его поколебать. Мое сердце внушаетъ мнѣ, что нужно сдѣлать. Оскорбленіе было тяжкимъ. Я хочу искупить его большими жертвами. Послѣ ударовъ, которые онъ мнѣ нанесъ, попытка, я признаюсь, будетъ трудной. Она будетъ мнѣ дорого стоить, но все равно, я подчиняюсь: пусть онъ будетъ доволенъ, я публично брошусь къ его ногамъ... Если онъ уступитъ, я всю жизнь буду благословлять его, если любовь, которая увлекла съ прямого пути его дочь

и меня, причинила ему страданья, эта же любовь, ставшая законной, благодаря его признанію, будетъ источникомъ его счастья. Какіе ясные дни наступятъ послѣ бури! И если дурно понятое требованіе чести такъ могло подѣйствовать на него, съ какимъ сильнымъ чувствомъ этотъ отецъ будетъ любить своихъ дѣтей, когда онъ прислушается къ голосу истинной чести!» Записка составлена отъ лица Валдагона; какъ видно изъ приведеннаго отрывка, чувство въ ней доминируетъ. Самое изложеніе теряетъ прежнюю стройность, слогъ приспособляется къ новымъ условіямъ: тщательно выработанные періоды смѣняются фразами, соотвѣтствующими лирическому безпорядку чувствъ оратора.

Впрочемъ дѣло Валдагона, трактовавшее романическую исторію гонимой любви, могло подать поводъ къ этому само по себѣ, хотя въ подобныхъ дѣлахъ прежде ораторы все таки не выходили изъ опредѣленныхъ рамокъ. Но и это соображеніе падаетъ передъ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что сентиментальный стиль началъ примѣняться рѣшительно ко всѣмъ дѣламъ, каково бы ни было ихъ содержаніе. Молеонъ является глашатаемъ новаго времени, такъ же, какъ онъ, пишутъ другіе.

Дѣло Каласа, одно изъ самыхъ громкихъ въ XVIII вѣкѣ, можетъ служить въ этомъ отношеніи убѣдительнымъ примѣромъ. Каласъ, вліятельный и богатый протестантъ въ Тулузѣ, былъ осужденъ и колесованъ за убійство своего сына, совершенное съ цѣлью воспрепятствовать послѣднему перейти въ католицизмъ. Все дѣло разыгралось на почвѣ религіозныхъ страстей, велось съ чрезвычайной односторонностью и предубѣжденіемъ, что повело къ позорной казни совершенно невиннаго человѣка и къ разоренію цѣлаго семейства. Память Каласа нашла горячаго защитника въ лицѣ Вольтера, апостола свободы и вѣротерпимости, неустаннаго борца съ темными сторонами общественной жизни его эпохи. Фернейскій отшельникъ оказалъ покровительство членамъ семьи Каласа, бѣжавшимъ изъ Франціи, и выступилъ въ ихъ защиту противъ тулузскаго парламента въ нѣсколькихъ краснорѣчивыхъ брошюрахъ. Онъ сталъ иниціаторомъ борьбы, приведшей какъ къ возстановленію памяти казненнаго и удовлетворенію потерпѣв-

шихъ, такъ и къ дальнѣйшему дискредитированію судебныхъ порядковъ того времени *). Въ его письмѣ отъ 2 марта 1762 г., написанномъ за семь дней до казни Каласа, сохранилась такая замѣтка, вызванная образомъ дѣйствій тулузскаго парламента: «что касается тулузскаго парламента, то онъ судитъ. Онъ только что приговорилъ къ повѣшенію священника моихъ друзей (протестантовъ), затѣмъ трехъ дворянъ къ обезглавленію и 5 или 6 буржуа къ галерамъ. Все это за пѣніе псалмовъ Давида. Тулузскій парламентъ не любитъ плохихъ стиховъ». Холодный философъ-скептикъ, Вольтеръ въ защитѣ Каласа не щадитъ проявленія чувствъ, составляя записки отъ имени своихъ кліентовъ. Какъ примѣръ можно привести письмо отъ имени младшаго сына Каласа Доната: «моя дорогая, несчастная и уважаемая мать, я видѣлъ ваше письмо отъ 15-го іюня въ рукахъ одного друга, который плакалъ, читая его, я также смочилъ его слезами. Я упалъ на колѣни»... Въ другомъ мѣстѣ Донатъ Каласъ убѣждаетъ мать дѣйствовать, потому что ничто не можетъ устоять передъ воплями и слезами матери и вдовы и доводами разсудка. Такимъ образомъ доводы разсудка поставлены здѣсь послѣ воплей и слезъ, что было бы недопустимо въ началѣ столѣтія, когда въ рѣчахъ первенствовалъ «разумъ», а чувство проявлялось сравнительно рѣдко. Затѣмъ Вольтеръ выдвигаетъ другого брата Петра Каласа, который «отправляется къ Донату, чтобы плакать вмѣстѣ съ нимъ». Даже судьи, постановившіе приговоръ, по мнѣнію Вольтера, плачутъ и краснѣютъ, они не хотятъ сообщать производства по дѣлу, потому что оно «было уничтожено ихъ слезами».

Записка въ пользу Каласа, представленная Молеономъ, отличается тѣми же качествами. Она начинается не лишеннымъ паѳоса и силы, и въ то же время трогательнымъ, описаніемъ событія: «Сынъ, отягощенный жизнью, наложилъ на себя руки

*) Возстановленіе произошло черезъ три года (1765 г.) и было встрѣчено всеобщимъ сочувствіемъ. Вдова Каласа была представлена королю и получила 36.000 ливровъ изъ королевской шкатулки, кромѣ массы подарковъ отъ частныхъ лицъ.

подъ отеческой кровлею. Крики отчаянія отца надъ трупомъ сына были приняты за крики сопротивленія и защиты этого сына противъ отцовской жестокости, и самый нѣжный отецъ умеръ на колесѣ». Изложивъ обстоятельства происшествія, Лоазо де-Молеонъ переходитъ къ обсужденію доказательствъ и здѣсь, указывая на ихъ слабость, приводитъ авторитетъ Цицерона, мѣсто изъ рѣчи за Росція Америйскаго, въ которомъ великій ораторъ требуетъ особенно вѣскихъ доказательствъ въ такомъ противоестественномъ преступленіи, какъ убійство ближайшихъ кровныхъ родственниковъ. Подражаніе Цицерону замѣтно и дальше въ оборотахъ рѣчи де-Молеона; это не было исключеніемъ въ XVIII стол., напротивъ въ революціонный періодъ оно дошло до высшихъ предѣловъ. Разбивъ показанія свидѣтелей, де-Молеонъ переходитъ къ вопросу объ угрозахъ Каласа его сыну. Онъ объясняетъ это тѣмъ, что, опасаясь послѣдствій его страсти къ игрѣ, Каласъ предсказывалъ ему гибель, если онъ не измѣнитъ поведенія. «Если бы Каласъ, продолжаетъ защитникъ, былъ равнодушенъ къ ошибкамъ сына, пренебрегъ обязанностями отца, онъ былъ бы живъ еще! Отцы и матери, трепещите всѣ! Когда ваши сыновья васъ огорчатъ, будутъ нуждаться въ отеческомъ исправленіи, измѣряйте, взвѣшивайте, обдумывайте ваши слова и жесты, которые внушаетъ вамъ горе, гнѣвъ, любовь и права рожденія. Наша природа возмущается и дрожитъ при одной мысли объ отцѣ, убивающемъ своихъ дѣтей... лучше поэтому думать, я прибавлю даже изъ уваженія къ человѣчеству, лучше желать, чтобы отецъ погибъ по ошибкѣ, которымъ подвержены всѣ люди, чѣмъ за преступленіе, на которое не способны даже тигры». Въ заключеніе де-Молеонъ высказываетъ пожеланіе, чтобы король «вполнѣ достойный своего имени» (Людовика XV называли въ молодости Bien Aimé), повинуясь благороднымъ внушеніямъ своего сердца прекратилъ также и празднество, сохранившееся въ память избіенія протестантовъ въ Тулузѣ въ XVI стол. Вся записка Молеона проникнута горячимъ чувствомъ, аргументація перемѣшивается съ сентиментальными мѣстами и обращеніями. Добродѣтель, сердце и противоположныя имъ опредѣленія, чудовища, тигры, помогаютъ оратору

воздѣйствовать на чувство. Въ общемъ эта записка можетъ быть признана однимъ изъ лучшихъ произведеній Лоазо де-Молеона, въ которомъ сентиментализмъ не доведенъ еще до крайности и преувеличеній.

Третье заслуживающее вниманіе дѣло, защищаемое де-Молеономъ, было дѣло Кастиля. Кастиль, скромный служащій въ одномъ торговомъ домѣ, былъ въ 1725 г. нѣкоторое время въ Орвальскомъ монастырѣ, изъ котораго удалился, не произнеся монашескаго обѣта; черезъ нѣсколько лѣтъ онъ женился, считая себя внѣ всякихъ преслѣдованій. Въ 1750 г., когда началось дѣло, онъ былъ отцомъ троихъ дѣтей, жизнь его проходила спокойно и мирно. Къ несчастью ему удалось скопить 36.000 ливровъ, и объ этомъ, равно какъ и о пребываніи его въ монастырѣ, узналъ Іосифъ Лемейеръ, братъ Клервосскаго аббата, и рѣшилъ воспользоваться этимъ состояніемъ. По его требованію Кастиль былъ внезапно арестованъ, какъ измѣнившій своимъ обѣтамъ монахъ, бракъ его былъ признанъ недѣйствительнымъ, дѣти—незаконными, все имущество—опечатано, при чемъ цѣнныя бумаги перешли къ Лемейеру безъ описи. Кастиль умеръ въ тюрьмѣ Орвальскаго монастыря, его младшій сынъ, родившійся незадолго до катастрофы, также умеръ въ воспитательномъ домѣ. Старшій сынъ былъ заключенъ въ тюрьму, дочь взята на воспитаніе благотворителями. Жена Кастиля также содержалась въ строгомъ заключеніи. Все было устроено, повидимому, прочно, и исторія должна бы была навсегда заглохнуть. Но Лемейеръ обѣщалъ передать состояніе Кастиля дядѣ его жены, поддержавшему его предпріятіе, но не исполнилъ своего обѣщанія, и этому дядѣ пришлось взамѣнъ того платить за содержаніе племянницы; онъ пересталъ это дѣлать, и ее освободили. Черезъ годъ она снова вышла замужъ за нѣкоего Делонэ и предъявила искъ къ Клервосскому аббату, наслѣднику Лемейера. Дѣло оставалось безъ движенія 6 лѣтъ, пока изгнаніе іезуитовъ изъ Франціи въ 1762 г. не измѣнило положенія вещей и не дозволило супругамъ Делонэ начать дѣло въ уголовномъ порядкѣ. Защитительная записка по этому процессу, который въ судѣ велъ Жербье, была составлена де-Молеономъ. Доказавъ, что Кастиль не былъ мо-

нахомъ и, слѣдовательно, не нарушилъ обѣтовъ, имѣя право вступить въ бракъ, Молеонъ описываетъ чувства, возбужденныя этимъ фактомъ въ душѣ просительницы: «какую смѣсь отчаянія и радости это извѣстіе возбудило въ душѣ г-жи Делонэ. Какія сладкія слезы она пролила въ объятіяхъ дочери, которой она теперь могла сказать: чти, уважай память твоего отца. Не преступленіе дало тебѣ жизнь, тебѣ нечего бояться больше свѣта. Живи скромно, но не стыдись. Займи свое мѣсто между людьми. Благословляй всегда суды, въ которыхъ Творецъ всѣхъ судебъ захотѣлъ открыть и твою судьбу. Благословляй судей, которые засѣдаютъ въ нихъ во имя Его, чтобы отмстить за мои и твои бѣдствія».

На ряду съ Лоазо де-Молеономъ можетъ быть поставленъ его современникъ адвокатъ Эли де-Бомонъ, переживший его лишь 14-ю годами и также извѣстный своими оправдательными записками. Самая интересная изъ нихъ записка въ защиту Поля Сирвена, протестанта, ложно обвиненнаго въ убійствѣ своей дочери въ соучастіи съ женой и другими двумя дочерьми; дѣло имѣло много общаго съ разсмотрѣннымъ выше процессомъ Каласа, оно произошло въ томъ же году (въ 1762) и должно было разбираться въ Тулузскомъ парламентѣ. Сирвенъ во время бѣжалъ и тѣмъ спасъ свою жизнь и парламентъ — отъ возможности новой судебной ошибки, могущей имѣть самыя печальныя послѣдствія. Во вступленіи де-Бомонъ ссылается на примѣръ Каласа, погибшаго жертвой фанатизма, «несчастія котораго были оплаканы Европой», называетъ имя Каласа «дорогимъ для человѣчества». Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе обстоятельствъ дѣла. Въ 1760 г. отъ Сирвена отняли силой его 22-лѣтнюю дочь и помѣстили въ монастырь, изъ котораго она вышла, отказавшись перейти въ католицизмъ, съ ясными признаками душевной болѣзни. Сирвенъ возлагалъ надежду на то, что «родительская нѣжность» все исправитъ, но эта надежда не оправдалась. Черезъ годъ епископъ потребовалъ къ себѣ дочь Сирвена, она бѣжала въ дорогѣ, и была найдена черезъ нѣсколько дней утонувшей. «Кого природа сдѣлала отцомъ, кто знаетъ материнскую нѣжность, тѣ только могутъ понять наше горе... Мы оставались неподвижными,

подавленные горемъ... Пусть гуманные люди не пугаются длиннаго пути... Истина и величіе интереса будутъ ихъ путеводителями; и умиленіе, внушаемое невинностью... будетъ первой наградой за трудъ». За описаніемъ событія и первыхъ шаговъ правосудія идетъ разсказъ о бѣгствѣ семейства Сирвена по совѣту доброжелателей, указывавшихъ имъ на участь Каласа. «Мы пошли пѣшкомъ, въ полночь, въ ужасную погоду тащились къ недоступнымъ горамъ, куда бѣжала невинность, чтобы спасти правосудіе отъ преступленія. Мы спали весь слѣдующій день и пустились въ путь съ наступленіемъ ночи; пройдя нѣкоторое разстояніе, мы остановились среди ужаса мрака и скалъ, я подозвалъ къ себѣ моихъ дѣтей и ихъ достойную сожалѣнія мать, я принялъ ихъ въ свои объятія, въ которыя онѣ бросились съ ужасомъ, долго прижималъ ихъ къ своей груди; принужденные разстаться, чтобы надежнѣе спастись отъ преслѣдователей, мы не могли оторваться другъ отъ друга, ни говорить, ни дышать; мы могли только смѣшать наши слезы въ прощаніи, которое считали вѣчнымъ. Смертельный холодъ леденилъ мое сердце... Придя по немногу въ себя послѣ долгаго и труднаго пути, прерываемаго моими слезами, я достигъ Швейцаріи». Подобныя патетическія картины не встрѣчались раньше, тогда была иная реторика, другія выраженія и пріемы. Въ цитированномъ отрывкѣ сосредоточено все, что могло имѣть вліяніе на «нѣжную душу» «чувствительныхъ» читателей: мракъ ночи, скалы, преслѣдователи, объятія, слезы, вѣчное прощаніе, смертельный ужасъ, леденящій сердце— все на пространствѣ немногихъ строкъ. Главное вниманіе оратора сосредоточивается на массѣ предполагаемыхъ сочувствующихъ слушателей или читателей, которымъ онъ аппелируетъ на судей и правосудіе. Послѣднее становится не выполненіемъ должностной обязанности, а дѣломъ, въ которомъ непосредственно заинтересовано все общество, и его сочувствія и поддержки ищетъ подсудимый. Въ концѣ записки, какъ это было и въ запискѣ по дѣлу Каласа, дѣлается прямое обращеніе къ королю, верховному блюстителю справедливости, защитнику слабыхъ и гонимыхъ, въ этомъ отношеніи сходятся всѣ записки до самаго паденія монархіи. «Мы бросаемся, говоритъ

Бомонъ отъ лица своихъ кліентовъ, къ ногамъ справедливаго и чувствительнаго короля, мы обливаемъ ихъ нашими слезами и изъ пропасти скорбей, въ которую мы низвергнуты... осмѣливаемся сказать: «государь, мечъ закона сталъ орудіемъ страстей и страхомъ невинности; не допускайте, чтобы въ царствованіе лучшаго изъ людей Франція оказалась въ глазахъ вселенной загрязненной самымъ ужаснымъ преступленіемъ». Все это было очень возвышенно и благородно и соотвѣтствовало общественному настроенію; Людовика XIV называли только великимъ, непобѣдимымъ, справедливымъ, теперь краснорѣчивые защитники невинности прибавили къ прежнимъ названіямъ справедливаго и великаго новыя: король сталъ другомъ человѣчества, чувствительнымъ, проливающимъ слезы надъ бѣдствіями подсудимыхъ, пострадавшихъ отъ ошибокъ правосудія (что было бы очень обременительно, такъ какъ правосудіе ошибалось довольно часто).

Приблизительно съ половины XVIII вѣка началась и дѣятельность Жербье, адвоката, стяжавшаго большую славу, пользовавшагося репутаціей перваго оратора того времени. «Всѣ рѣчи Жербье, говоритъ о немъ его біографъ и ученикъ Деламаль, были тріумфомъ. Природа, захотѣвшая сдѣлать изъ него обаятельнаго оратора, осыпала его дарами; онъ получилъ отъ нея благородную наружность, огненный взглядъ, звучный и пріятный голосъ, чистое произношеніе, богатство слога... невыразимое очарованіе во всей личности». Карьерѣ Жербье повредило его согласіе продолжать веденіе дѣлъ передъ временнымъ парламентомъ при столкновеніи парижскаго парламента съ министерствомъ въ 1771 г., тѣмъ болѣе что его примѣръ увлекъ нѣкоторыхъ другихъ адвокатовъ. Для характеристики краснорѣчія Жербье я остановлюсь на двухъ дѣлахъ: на защитѣ интересовъ вдовы Гаттъ и ея сына и на спорѣ прямыхъ наслѣдниковъ Дефилтьера съ его душеприказчиками. Первое дѣло позволяетъ сдѣлать интересныя сопоставленія съ процессомъ де-Сенъ-Ниръ; предметомъ и того и другого былъ вопросъ о признаніи правъ ребенка, происхожденіе котораго представлялось сомнительнымъ. Норманъ опирался преимущественно на доводы разума, на законы приро-

ды и обязанности общества. Жербье старается увеличить силу доводовъ изображеніемъ чувствъ своихъ кліентовъ. Въ семьѣ Гаттовъ происходили постоянные раздоры во время которыхъ женѣ приходилось оставлять на время супружескій домъ. При такихъ обстоятельствахъ родился сынъ, котораго г. Гаттъ сначала отказался признать законнымъ, а потомъ не успѣлъ этого сдѣлать вслѣдствіе ссоръ и несогласій въ семьѣ между матерью и дочерьми. Молодой человѣкъ былъ воспитанъ подъ другимъ именемъ, пользуясь покровительствомъ г-жи Гаттъ, и догадывался о своемъ происхожденіи. Однажды, наконецъ, между нимъ и матерью произошло объясненіе. Жербье такъ передаетъ эту сцену: «Онъ осмѣлился броситься къ ея ногамъ и назвать своею матерью. Это имя отозвалось въ самой глубинѣ сердца г-жи Гаттъ, напрасно она старалась овладѣть собою: ея слезы, вздохи открываютъ ея сыну то, что она хотѣла скрыть, и она не можетъ долѣе противиться его нѣжнымъ объясненіямъ». Потомъ Жербье разсказываетъ, какъ въ предсмертные часы самъ г. Гаттъ примирился съ женой, просилъ ее забыть все прошлое, какъ она не выдержала этого «умилительнаго» свиданія, упала въ обморокъ и не могла говорить въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, а на слѣдующій день ея ужъ не допустили къ мужу, который умеръ вскорѣ послѣ этихъ событій, оставивъ все дочерямъ, отказавшимся признать права брата, чтобы не потерять наслѣдства. Краснорѣчіе Жербье не спасло процесса: судъ призналъ требованіе г-жи Гаттъ не подлежащимъ удовлетворенію.

Жербье весьма часто прибѣгалъ въ своихъ рѣчахъ и къ реторикѣ, примѣромъ чего можетъ служить процессъ Дефилтьера, представлявшій собою довольно обычный наслѣдственный споръ, выдѣлявшійся изъ числа другихъ лишь благодаря крупной цифрѣ наслѣдства (750.000 ливровъ) и связи этого имущества съ благотворительнымъ фондомъ, основаннымъ довольно извѣстнымъ писателемъ эпохи Людовика XIV Николемъ, бывшимъ въ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми литературными знаменитостями той эпохи. Дефилтьеръ завѣщалъ все свое имущество на продолженіе дѣятельности фонда. Его наслѣдники, представителемъ интересовъ одного изъ которыхъ былъ

Жербье, оспаривали завѣщаніе (процессъ былъ ими проигранъ). Жербье произнесъ по этому дѣлу пышную рѣчь, въ которой припомнилъ великихъ людей, имена которыхъ были связаны съ процессомъ и, между прочимъ, обратился къ нимъ со слѣдующими словами: «Безсмертные люди! Примите дань почтенія, которую всѣ наперерывъ предлагаютъ вамъ въ настоящемъ дѣлѣ. Сожалѣнія народа не перестанутъ окружать уваженіемъ ваши могилы; вы получаете теперь еще болѣе трогательное доказательство признательности человѣческаго рода. Нашъ августѣйшій монархъ приказалъ оживить васъ: онъ поручаетъ самымъ знаменитымъ артистамъ изготовленіе вашихъ статуй; онъ помѣщаетъ ихъ во дворцѣ королей, посреди самыхъ славныхъ защитниковъ трона и алтаря». Реторика Жербье въ соединеніи съ искусствомъ произнесенія рѣчи, которымъ онъ отличался, очень нравилась слушателямъ, считалась ими высшею степенью краснорѣчія, но и они не могли не замѣчать отсутствія въ ней искренности и такта, заставляющаго оратора соразмѣрять реторическія средства съ предметомъ дѣла. Такъ одинъ изъ судей, выходя изъ засѣданія по дѣлу Дефилтьера, выразилъ сожалѣніе, что потеряно столько краснорѣчія въ такомъ ничтожномъ процессѣ. Эти дурныя стороны краснорѣчія Жербье приводили къ тому, что, по ехидному замѣчанію его врага Лэнге, «когда звучныя слова этого фразера перестаютъ раздаваться въ ушахъ, воспоминаніе обо всемъ имъ сказанномъ тотчасъ же исчезаетъ». Въ этомъ замѣчаніи было много вѣрнаго — Жербье отводилъ въ рѣчахъ слишкомъ большое мѣсто фразѣ.

Отдѣльно отъ другихъ стоитъ имя Лэнге *), не имѣвшаго послѣдователей среди адвокатовъ, не сохранявшаго традицій сословія, дѣйствовавшаго во всѣхъ случаяхъ по собственному усмотрѣнію. «Современные Цицероны, говоритъ онъ, которымъ, казалось, принадлежало исключительное право пожинать лавры въ адвокатурѣ, съ удивленіемъ замѣтили меня такъ близко около нихъ безъ предупрежденія. Они были удивлены и, мо-

*) См. въ русской литературѣ статью Н. П. Карабчевскаго въ «Вѣстникѣ Европы» 1898, 3.

жетъ быть, встревожены». И то и другое имѣло основаніе. Лэнге былъ воплощеніемъ безпокойнаго духа времени, вся его жизнь являлась постоянной борьбой. Онъ вѣчно недоволенъ, сталкивается, нападаетъ, не считаетъ нужнымъ сообразоваться съ обстоятельствами, раздражаетъ самолюбіе и тщеславіе противниковъ. Перо въ его рукахъ стоило шпаги. Его энергія поддерживалась несомнѣннымъ талантомъ, что и дѣлало его опаснымъ противникомъ. Неудивительно, что при несдержанности въ нападеніяхъ онъ оказался одинокимъ, вызывавшимъ всеобщее недоброжелательство. «Онъ ссорится съ философами въ лицѣ d'Аламбера, съ іезуитами и отцомъ Бертье, съ экономистами и Тюрго, съ литераторами и Лагарпомъ, съ журналистами и съ «Меркуріемъ», съ адвокатами и Жербье, равно какъ и съ прокурорами, съ кліентами и герцогомъ Д'Эгильономъ, съ министерствомъ, съ покровителями, друзьями и самимъ собой». (Munier-Jolain. Plaidoirie, стр. 197). Списокъ кончается этимъ, потому что едва-ли мыслимо что-нибудь къ нему прибавить. Находясь въ борьбѣ со всѣми руководителями общественнаго мнѣнія, Лэнге не могъ разсчитывать на прочный успѣхъ, но, благодаря таланту, онъ успѣлъ добиться въ своей бурной жизни нѣсколькихъ лѣтъ, полныхъ славы, блеска и шума. Лэнге, закончивъ университетское образованіе, поступилъ секретаремъ къ вельможѣ герцогу де Депонъ, съ которымъ ему пришлось очень много путешествовать по различнымъ европейскимъ странамъ; разссорился съ нимъ, поступилъ къ принцу де-Бово, у котораго сталъ заниматься инженерными работами; былъ нѣкоторое время домашнимъ учителемъ, потомъ добрался до Парижа, занялся тамъ философіей и литературнымъ трудомъ, доставившимъ ему много враговъ, но мало денегъ, и, наконецъ, поступилъ въ адвокатуру въ 1764 г., 28 лѣтъ отъ роду. Его первымъ дѣломъ былъ процессъ кавалера де Барра и его товарищей, обвиненныхъ въ томъ, что они разбили распятіе на старомъ мосту города Аміена. Ему удалось отстоять второстепенныхъ обвиняемыхъ; де Барръ былъ приговоренъ къ смертной казни. Защита въ этомъ процессѣ положила основаніе адвокатской извѣстности Лэнге, ее упрочили нѣсколько слѣдующихъ процессовъ. На его рѣчи стали

сбѣгаться толпы народа, къ нему обращались богатые кліенты; Лэнге самъ погубилъ свою судебную карьеру безцеремоннымъ обращеніемъ съ судьями и сотоварищами, нарушеніемъ установившихся взглядовъ, чѣмъ воспользовались его враги. Сначала прокуратура заявила, что не желаетъ имѣть съ нимъ дѣла, затѣмъ произошло столкновеніе съ Жербье, и въ 1775 г. Лэнге былъ исключенъ изъ сословія. Темпераментъ Лэнге насколько можно заключить изъ его работъ и образа жизни, не былъ созданъ для нѣжностей и идиллій, язвительная насмѣшка, безпощадное нападеніе на противника болѣе подходили къ его характеру. Но сентиментализмъ до такой степени завладѣлъ современниками Лэнге, что и онъ не могъ оставаться внѣ общаго теченія, и его рѣчи носятъ тотъ же отпечатокъ, какъ и рѣчи Лоазо-де-Молеона, чувствительнаго ученика Руссо, какъ объ этомъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ процессъ г-жи Кампъ.

Г-жа Кампъ, протестантка, была обвѣнчана съ виконтомъ Бомбелемъ, протестантскимъ пасторомъ (такой бракъ считался недѣйствительнымъ по закону). Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда виконту оказалось выгоднымъ вступить въ другой бракъ, онъ потребовалъ расторженія перваго. Г-жа Кампъ обратилась къ Лэнге, который сумѣлъ привлечь на ея сторону все парижское общество. Даже военная королевская школа, въ которой воспитывался Бомбель, сочла долгомъ заявить въ письмѣ, что не имѣетъ ничего общаго съ бывшимъ воспитанникомъ, и устроила овацію его отвергнутой женѣ. Однимъ изъ основаній для уничтоженія брака приводилось неравенство положеній супруговъ: г-жа Кампъ была дочерью ремесленника. Въ защитѣ Лэнге по этому пункту опредѣленно выражаются новые философскіе взгляды. «Вы говорите о неравенствѣ, въ чемъ вы его находите? Если г. де-Бомбель благороденъ, то я добродѣтельна... Вы позволили себѣ, продолжаетъ защитникъ отъ лица истицы, унижать почтеннаго человѣка, бывшаго виновникомъ моего рожденія. Вѣка полезнаго и отмѣченнаго добродѣтелями мѣщанства стоятъ нѣсколькихъ лѣтъ дворянства, обезславленнаго низкими поступками». Наиболѣе патетическое мѣсто въ рѣчи передаетъ слова, съ которыми де-Бомбель долженъ бы

былъ, по соображенію защитника, обратиться къ своей дочери: «Ты несчастное существо, называвшее меня отцомъ, рожденіе котораго доставило мнѣ столько удовольствія, когда моя душа, остававшаяся еще честной, не знала ни нужды, ни угрызеній; ты, удивившая меня своими ласками даже здѣсь, хотя я думалъ, что ихъ источникъ высохъ въ твоемъ сердцѣ, ты, которая заставила меня еще разъ почувствовать, какъ сладко быть добродѣтельнымъ, откажись отъ надежды когда-либо смягчить меня... Вы видите, господа, это несчастное дитя... положеніе котораго чрезвычайно трогательно. Слезы матери были его первой пищей; позоръ его отца затемнилъ его первые взгляды». Въ заключеніе ораторъ дѣлаетъ призывъ къ лучшимъ чувствамъ судей, указываетъ имъ на голосъ общественнаго мнѣнія, требующій признанія правъ г-жи Кампъ: «Несмотря на общую испорченность нравовъ, невинность и добродѣтель еще имѣютъ приверженцевъ... умилительная прелесть матери, зарождающаяся красота ребенка дали возможность ихъ покровителямъ, т. е. всей Франціи радоваться столь удачному помѣщенію симпатій... Захотите-ли вы, чтобы когда-нибудь сказали: весь народъ просилъ за нихъ, и первый судъ народа осудилъ ихъ?» Парламентъ, поставленный въ необходимость выполнить законъ, не рѣшился признать бракъ дѣйствительнымъ; онъ выбралъ средній путь, никого не удовлетворившій. Бракъ былъ расторгнутъ, но де-Бомбель присужденъ къ уплатѣ 12.000 франковъ на воспитаніе дочери.

Сентиментализмъ, однако, не составляетъ принадлежности всѣхъ рѣчей Лэнге, въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ довольствуется одной аргументаціей, не прибѣгая къ чувству, если не было надежды воспользоваться имъ въ своихъ интересахъ, и общественное мнѣніе было на сторонѣ его противниковъ. Въ этихъ рѣчахъ всего лучше проявляется основное свойство таланта Лэнге—умѣнье обращать въ свою пользу малѣйшія детали, безжалостно уничтожать сколько-нибудь слабые доводы противника, не щадить его личности. Сомнѣніе и иронія — главное оружіе Лэнге. Такова, напр., рѣчь по дѣлу графа Моранжіе, обвиняемаго въ попыткѣ присвоить себѣ взятую въ долгъ сумму въ 300.000 ливровъ. Дѣло это навлекло на Лэнге не мало

нареканій какъ со стороны адвокатовъ, такъ и лицъ интересовавшихся процессомъ, сущность котораго состояла въ томъ, что графъ Моранжіе, богатый аристократъ, успѣвшій сильно разстроить и запутать свои дѣла, отказался платить по предъявленнымъ къ нему роспискамъ г-жи Веронъ, вдовы банкира, утверждая, что получилъ отъ нея только 1.200 ливровъ и объявляя, что документы подложны. Лэнге старался доказать въ своей рѣчи, что у Веронъ не могло быть такой суммы, что она была мелкой ростовщицей, располагавшей незначительнымъ капиталомъ. Съ этою цѣлью онъ опровергалъ показанія потерпѣвшей о происхожденіи ея состоянія. «Вы помните, говоритъ онъ судьямъ, оцѣнивая заявленія противной стороны, что показаніе г-жи Веронъ наполнено діалогами и даже монологами, съ которыми собесѣдники обращаются другъ къ другу. Вамъ передаютъ слова (участниковъ въ дѣлѣ), съ точностью воспроизводя построеніе фразъ, употребленныхъ ими даже въ разговорахъ наединѣ, это доказываетъ какъ проницательность, такъ и память обвиняемыхъ». Ораторъ указываетъ потомъ, что противная сторона не представляетъ доказательствъ, ссылаясь на уже умершихъ свидѣтелей. «Скромный нотаріусъ (у котораго были помѣщены сначала деньги Веронъ), благородный финансистъ (передавшій Веронъ наслѣдство мужа), ихъ клерки, служащіе и, конечно, также всѣ ихъ книги, все исчезло... Адвокаты, съ которыми совѣтовались въ 1740 г.... безъ сомнѣнія, также умерли. Это были, навѣрное, самые опытные, слѣдовательно самые старые. Ихъ нѣтъ болѣе. Вдова Веронъ позабыла ихъ назвать, она, вѣроятно, исправитъ ошибку въ репликѣ. Ей не будетъ трудно выбрать имена... Наши противники... хотѣли, безъ сомнѣнія, сдѣлать опытъ съ ихъ талантами, и посмотрѣть до какой степени обаяніемъ слова можно смягчить возмутительную нелѣпость». Приведенный отрывокъ даетъ понятіе о тонѣ Лэнге, когда онъ остается самимъ собою и не слѣдуетъ за модой; разница между рѣчами въ томъ и другомъ случаѣ очень значительная.

IV.

Къ семидесятымъ годамъ XVIII столѣтія побѣда сентиментализма стала несомнѣнной; всѣ адвокаты считали своимъ долгомъ прежде всего остановиться на чувствѣ, изложить дѣло такъ, чтобы вызвать умиленіе, растрогать нѣжныя души и обезпечить себѣ ихъ сочувствіе. Остановимся на нѣсколькихъ адвокатахъ, въ рѣчахъ которыхъ сентиментальное направленіе получило не только полное выраженіе, но стало уже впадать въ крайность, переходить иногда за предѣлы, допускать чрезмѣрныя преувеличенія и злоупотребленія въ этомъ смыслѣ.

Типичнымъ процессомъ этой эпохи былъ процессъ о порядкѣ увѣнчанія розовымъ вѣнкомъ достойнѣйшей изъ дѣвушекъ деревни Саленси (въ 1774 г. La rosière de Salency); интересы жителей этой деревни защищалъ Тарже, адвокатъ переживщій французскую революцію и мирно окончившій свое существованіе въ 1806 г., уже въ царствованіе Наполеона I. Процессъ былъ вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Данре, пріобрѣвшій помѣстье Саленси (въ Пикардіи), рѣшилъ измѣнить старый, установленный въ первые вѣка христіанства во Франціи св. Медаромъ (въ V вѣкѣ), церемоніалъ увѣнчанія достойнѣйшей изъ саленсійскихъ дѣвушекъ розовымъ вѣнкомъ. Саленсійцы начали дѣло и довели его до Парижскаго парламента. По существу споръ о подробностяхъ мѣстнаго праздника не представлялъ никакого интереса, въ наше время онъ прошелъ бы совершенно незамѣченнымъ, но, благодаря настроенію эпохи, онъ пріобрѣлъ необычайное значеніе, далъ поводъ къ громкому процессу. Рѣчь Тарже была признана шедевромъ ораторскаго искусства, оказала не малое содѣйствіе ея автору при полученіи имъ кресла въ академіи; Данре вызвалъ противъ себя негодованіе общества, отъ него торжественно отказались его ближайшіе родственники (прочитавъ письмо этихъ родственниковъ въ судебномъ засѣданіи, Тарже «передалъ его и вызванныя имъ слезы прокурору»); всѣ наперерывъ старались поддерживать матеріально и нравственно саленсійцевъ и ихъ адвоката, оправдавшаго возложенныя на него надежды.

Вступленіе рѣчи Тарже даетъ уже понятіе объ ея дальнѣйшемъ развитіи: «Есть мѣсто на землѣ, говоритъ адвокатъ, гдѣ наивная и простая добродѣтель получаетъ еще публичныя почести... тамъ удержалась, не смотря на двѣнадцать вѣковъ, трогательная церемонія, заставляющая проливать слезы... тамъ чистый блескъ цвѣтовъ, увѣнчивающихъ ежегодно невинность, составляетъ ея награду, поощреніе, эмблему... Если добродѣтель есть самое полезное и дорогое для общества преимущество, то это установленіе составляетъ общественное, національное достояніе, оно принадлежитъ Франціи, а не владѣльцу Саленсійскаго помѣстья». Затѣмъ ораторъ въ подробностяхъ описываетъ церемонію праздника, шествіе для увѣнчанія избранницы, права, которыми пользовался при этомъ землевладѣлецъ, и, затѣмъ, тѣ измѣненія, которыя произвелъ Дапре и которыя грозили самому существованію стараго обычая. Въ заключеніе Тарже обращается къ жителямъ Саленси: «Мудрые обитатели мирной земли, которую ваши добродѣтели дѣлали плодородной въ теченіе столькихъ вѣковъ, утѣшьтесь: ваши кроткія души были огорчены необходимостью борьбы... судъ, дорогой для народа, произнесетъ приговоръ, согласный съ желаніями народа и вашими... Можете-ли вы еще жаловаться... если вашъ примѣръ вызоветъ подражаніе, если искра... упавъ на чувствительныя души, воспламенитъ въ нихъ святое соревнованіе въ мудрости... Добродѣтель не знаетъ зависти; она предлагаетъ всѣмъ удовольствія, которыми пользуется... Со ступеней трона, опирающагося на добрые нравы, вельможи спустились къ вамъ; они сѣли вмѣстѣ съ служителями закона, чтобы васъ выслушать... Счастливое предзнаменованіе общественнаго согласія и почестей, которыя получаетъ въ благонравное царствованіе добродѣтель». Нужно замѣтить, что такая рѣчь была произнесена адвокатомъ, бывшимъ очень практичнымъ и спокойнымъ человѣкомъ, чуждымъ склонности къ излишнему увлеченію, въ личности котораго было немного поэтическаго и чувствительнаго.

Въ 1774 г., въ годъ саленсійскаго процесса, началъ свою дѣятельность Деламаль, по опредѣленію его біографовъ, «ученикъ и счастливый подражатель Жербье»; какъ и послѣдній,

онъ былъ силенъ, главнымъ образомъ, въ произнесенiи рѣчи, умѣлъ поддерживать вниманiе и овладѣвать слушателями. Подражая своему учителю, Деламаль тѣмъ не менѣе не прибѣгалъ къ пышной реторикѣ Жербье; всѣ его рѣчи проникнуты утрированной сентиментальностью, примѣромъ которой можетъ служить описанiе счастливаго брака, данное имъ въ дѣлѣ Ракле: «Взгляните на этого отца, обращается ораторъ къ судьямъ, выдающаго замужъ свою единственную дочь. Ахъ, далекiй отъ того, чтобы скрываться, прятать ее отъ глазъ всѣхъ... онъ будетъ говорить всѣмъ, кто хочетъ его слушать... Пойдетъ ко всѣмъ родственникамъ, друзьямъ; онъ ихъ соберетъ, онъ имъ скажетъ: «я выдаю мою дочь замужъ, придите взглянуть на нее, родные и друзья. Она прекрасна; вы увидите человѣка, которому я ее назначаю, супруга, котораго я ей даю»... Наступаетъ торжественный день: зажженные факелы предупреждаютъ зарю... идутъ въ храмъ... тамъ дадутъ мать—природѣ, отца—государству, дѣтей—отечеству. Вотъ чувствительная и истинная картина свободно заключеннаго брака». Разница между прежней реторикой и реторикой Деламаля ясно замѣтна: громкiя фразы замѣнились у него преувеличенными сентиментальными картинами, ораторъ довольствуется исключительно чувствами и ощущенiями, переживаемыми его клiентами или слушателями и на этомъ строитъ свою защиту.

Къ такому же типу адвокатовъ принадлежитъ и Тронсонъ дю-Кудрэ, участвовавшiй во многихъ крупныхъ процессахъ 80 годовъ XVIII вѣка. Онъ дебютировалъ защитой Казо (въ 1778 г.), обвиненнаго аббатомъ де-л'Эпе, знаменитымъ учителемъ глухонѣмыхъ, въ преступномъ лишенiи ребенка графа Солара принадлежащихъ ему правъ. Обвиненiе было вызвано тѣмъ, что настоящiй графъ Соларъ, ввѣренный попеченiямъ Казо, умеръ отъ оспы, а аббатъ, прiютившiй у себя найденнаго въ лѣсу глухонѣмаго мальчика и введенный въ заблужденiе его сходствомъ съ покойнымъ и свидѣтельскими показанiями, принялъ его за графа Солара. Тронсонъ-дю-Кудрэ не долженъ былъ приложить большiя усилiя, чтобы доказать невиновность своего клiента, такъ какъ репутацiя обвинителя была безупречной, и общественное мнѣнiе, заинтересованное,

вдобавокъ, романической стороной дѣла, было враждебно къ Казо и поддерживало противную сторону. Не останавливаясь на деталяхъ дѣла, я приведу изъ рѣчи Тронсона отрывки, характеризующіе его краснорѣчіе. Во вступленіи ораторъ излагаетъ особенности процесса: «Въ немъ участвуетъ съ одной стороны одинъ изъ несчастныхъ, которыхъ природа какъ бы отдѣлила отъ остальныхъ людей, лишивъ ихъ чувствъ, необходимыхъ для общенія; сначала онъ блуждалъ въ лѣсахъ въ положеніи животнаго... затѣмъ былъ найденъ человѣчностью, принятъ благотворительностью и возстановленъ съ помощью изобрѣтательнаго искусства въ способностяхъ, въ которыхъ отказала ему природа... Въ немъ участвуетъ невинный, арестованный въ силу неопредѣленныхъ предположеній и ребяческихъ предразсудковъ, вырванный изъ объятій 80-лѣтняго отца»... Затѣмъ интересно также мѣсто, въ которомъ ораторъ обращается къ обвинителю и упрекаетъ его за неосторожный образъ дѣйствій: «Вы знаменитый человѣкъ, чей авторитетъ имѣетъ такое вліяніе въ этомъ дѣлѣ и чье неблагоразуміе имѣетъ такія печальныя послѣдствія... Вы такъ дороги человѣчеству, отчего вы сдѣлались столь роковымъ для невинности?... Почему чистота вашихъ намѣреній не сохранила васъ отъ ошибки, стоившей столько слезъ добродѣтельному гражданину?... Если первые вздохи несчастнаго, повидимому, обвиняютъ васъ, то скоро вы сами будете скорбѣть вмѣстѣ съ нимъ о вашей ошибкѣ».

За болѣе извѣстными адвокатами шли средніе, старавшіеся выражать въ своихъ рѣчахъ возвышенныя и глубокія чувства, прибѣгавшіе постоянно къ употребленію вошедшихъ въ моду словъ и оборотовъ. Напр., провинціальный адвокатъ Фрудьеръ, защищаясь отъ обвиненій въ оскорбленіи богатаго руанскаго купца Тибо, противъ котораго онъ защищалъ служанку, подозрѣваемую въ кражѣ, такъ началъ свою рѣчь: «Вотъ дѣло, которое я буду защищать: это человѣчность, господа, это человѣчность! Она интересуетъ всѣхъ васъ, и вы отомстите за нее. Если преступленіе защищать несчастнаго, если преступленіе чувствительность, состраданіе къ нуждающимся, слабымъ и угнетеннымъ, то нужно будетъ изгнать ихъ изъ сердца доб-

раго человѣка; они несовмѣстимы съ его отдыхомъ и спокойствіемъ! Ахъ, отбросимъ эту мучительную мысль»...

Свобода въ изложеніи предмета, стремленіе заинтересовать слушателей или читателей, доставить рѣчи или запискѣ возможно широкую популярность и распространеніе, привело къ значительному ограниченію собственно юридическаго матеріала и придавало въ нѣкоторыхъ случаяхъ этимъ произведеніямъ адвокатовъ характеръ сентиментальнаго разсказа, тема котораго черпалась изъ дѣйствительной жизни. Подобная записка была составлена, напр., адвокатомъ Лакретелемъ въ защиту одного состоятельнаго человѣка, признаннаго по проискамъ семьи душевно-больнымъ и съ трудомъ спасшагося отъ заключенія въ сумасшедшемъ домѣ. Лакретель, желая, по его словамъ, заставить читателя послѣдовательно пережить тѣ же впечатлѣнія, которыя пережилъ и онъ, знакомясь со своимъ кліентомъ, даетъ съ этой цѣлью подробный отчетъ объ ихъ первомъ свиданіи, извиняясь, однако, за несовсѣмъ обычную форму защитительной записки. «Около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ въ мой кабинетъ вошелъ человѣкъ, не пожелавшій назвать своего имени, съ наружностью, свидѣтельствующей не столько о старости, сколько о глубокой печали и долгихъ болѣзняхъ; въ его одеждѣ сказывались заботы о приличіи и явные признаки бѣдности. Мое вниманіе привлекалось къ нему еще больше его внѣшнимъ видомъ честнаго и хорошо воспитаннаго человѣка и лентой ордена св. Людовика... я почувствовалъ расположеніе въ его пользу. «Милостивый государь, сказалъ онъ мнѣ, желаете и можете-ли вы удѣлить мнѣ часъ для разговора?»—Милостивый государь, вы можете располагать мною, но прежде всего позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?» Передавъ разговоръ, адвокатъ переходитъ къ обсужденію фактовъ и обстоятельствъ дѣла и къ доказательствамъ правоты своего кліента.

Сентиментализмъ сдѣлалъ возможнымъ появленіе нѣкоторыхъ процессовъ въ формѣ, немыслимой прежде. Благодаря исключительному преобладанію чувства предметомъ судебныхъ рѣчей стали избираться въ нѣкоторыхъ случаяхъ и такіе интересы и обстоятельства, которые не обратили бы на себя вни-

маніе въ прежнее время Примѣромъ этого можетъ служить дѣло жителей Саленси съ Данре. Еще болѣе любопытное доказательство сказаннаго представляетъ процессъ о вознагражденіи за убитую обезьянку, принадлежавшую монахинѣ Брюне, по которому участвующіе обмѣнивались печатными брошюрами, стараясь привлечь на свою сторону общественное мнѣніе. Если бы старымъ адвокатамъ пришлось вести такое дѣло, они не придали бы ему никакого значенія, ограничились бы приведеніемъ соотвѣтствующихъ законовъ и текстовъ римскихъ юристовъ и не сочли бы нужнымъ долго останавливаться на такой мелочи. Иначе поступилъ защитникъ сестры Брюне Генріонъ де Сентъ-Амандъ, сдѣлавшій изъ своей рѣчи трогательный разсказъ въ стилѣ эпохи. Его записка начинается разсужденіями общаго характера объ участи добродѣтельныхъ душъ на землѣ: «Какова участь сострадательныхъ и благородныхъ душъ! восклицаетъ де Сентъ-Амандъ. Увлеченные благороднѣйшимъ чувствомъ онѣ слишкомъ часто становятся его жертвой. Сестра Брюне испытала это самымъ жестокимъ образомъ». Потомъ Генріонъ разсказываетъ, какъ виновная въ убійствѣ обезьянки, служанка Жанна Пюсе и другая дама, подстрекавшая ее, старались всячески причинить непріятности истицѣ; такъ какъ Брюне очень дорожила обезьянкой, то онѣ рѣшили извести послѣднюю. «Сестра Брюне имѣла обезьянку очень рѣдкой породы, послушную, которая совмѣстно съ большою кротостью обладала всѣми качествами, нравящимися въ этихъ животныхъ. . Она забавляла весь домъ своими шалостями, и никто не жаловался на ея злость. Уступая желаніямъ выздоровливающихъ, Брюне оставляла ее на цѣлый день въ палатѣ (Дѣло присходило въ госпиталѣ въ Шалонѣ)... На нее ненависть направила свои первые удары... Жанна Пюсе... входя въ залу, въ которой обезьянка была привязана, напрасно старалась раздразнить ее... Наконецъ желаемый моментъ наступилъ: обезьянка ѣла пирожное, Жанна Пюсе, начала вырывать его, животное бросилось защищать свое достояніе и поцарапало слегка преслѣдовательницу. Та тотчасъ же побѣжала въ другой конецъ залы, схватила палку, вернулась и стала бить свою жертву, пока она не упала къ ея ногамъ.

Напрасно старались вылѣчить ее, она отказывалась отъ пищи и черезъ нѣсколько дней умерла». Чувствительное изложеніе гибели бѣднаго звѣрька несомнѣнно понравилось и читателямъ и судьямъ. Добродѣтельныя, нѣжныя чувства восторжествовали: Жанна Пюсе была приговорена къ 75 ливрамъ вознагражденія, а рѣчь Генріона навсегда осталась доказательствомъ чрезвычайной чувствительности его современниковъ и ихъ способности распространять ее на все живущее, не ограничиваясь людскими страданіями и бѣдствіями.

V.

Признаки измѣненій въ ораторскомъ искусствѣ, (проявленіе чувства, введеніе въ рѣчи разсужденій, болѣе свободная разработка темы) были замѣтны уже въ XVII вѣкѣ. Въ первой половинѣ XVIII в. философскій элементъ въ рѣчахъ получилъ рѣшительный перевѣсъ и заслонилъ собою все остальное, съ 50-хъ годовъ столѣтія, наоборотъ, въ рѣчахъ стало преобладать чувство, сентиментальное направленіе сдѣлалось общимъ для ораторовъ и писателей. Но сентиментализмъ не препятствовалъ и развитію въ рѣчахъ началъ новой просвѣтительной философіи, напротивъ чувствительность поддерживалась модными философскими ученіями того времени о человѣкѣ и государствѣ. Ораторы не подчинялись прежнимъ авторитетамъ, подвергали ихъ критикѣ, выше всего ставили основныя идеи и принципы. Трактуя частные вопросы, они исходили изъ понятія о человѣчествѣ, о вселенной, изъ признанія правъ личности и начала справедливости. Такъ, графъ Лалли Толендаль, защищая память своего отца, бывшаго губернатора Пондишери, невинно осужденнаго за тяжкія преступленія по должности, говоритъ въ началѣ своей запискѣ: «Дѣло несчастнаго — дѣло всѣхъ людей, дѣло невиннаго — дѣло всѣхъ вѣковъ. Я представляю теперь и то и другое на судъ вселенной. Гражданинъ міра, вынужденный называть отечествомъ страну, дающую мнѣ убѣжище... я обращаю разсказъ о моихъ несчастіяхъ ко всему человѣчеству, но особенно къ Европѣ, которая о нихъ сожалѣла, ко Франціи, которыя ихъ причи-

нила, къ ея королю, который долженъ вознаградить за нихъ, къ потомству, которое будетъ о нихъ судить». Другой адвокатъ Лакретель, во вступленіи одной своей записки указываетъ, что онъ «говоритъ за права человѣка, за права гражданина, говоритъ во имя законовъ, передъ судьями, въ присутствіи народа и что... онъ воспользуется свободой своей профессіи».

Философскія ученія о равенствѣ и свободѣ, увлеченіе древними республиканскими учрежденіями Греціи и Рима, стремленіе видѣть во Франціи гражданъ, напоминающихъ собой типы, изображенные краснорѣчивымъ историкомъ Титомъ Ливіемъ, заставляли особенно подчеркивать въ рѣчахъ слово «гражданинъ», но если это слово и было заимствовано изъ античныхъ воспоминаній, то содержаніе ему придавалось болѣе широкое. Въ цитированныхъ отрывкахъ говорилось о «гражданинѣ міра», о правахъ человѣка и гражданина Въ рѣчи Тилорье въ защиту извѣстнаго графа Каліостро, замѣшаннаго въ такъ называемомъ процессѣ объ ожерельѣ королевы, званіе гражданина отдѣлено отъ законовъ, устанавливающихъ сословныя различія. Ораторъ ограничился тѣмъ, что описалъ качества ума и сердца Каліостро: «Вы прочли это, судьи и граждане! Таковъ человѣкъ .. Развѣ вы скажите, что этого недостаточно? Будете вы настаивать, чтобы узнать точнѣе отечество, имя, мотивы, средства этого незнакомца?... Его отечество для васъ первое мѣсто (во Франціи)... гдѣ онъ подчинился вашимъ законамъ; его имя—то, которое сдѣлалось почетнымъ между вами; его побужденіе — Богъ, его средства — тайна». Такимъ образомъ постепенно подготовлялась слѣдующая эпоха, въ которой культъ политическихъ учрежденій древняго міра тѣсно слился съ культомъ философскихъ теорій, проповѣдывавшихся въ XVIII стол. Сторонники новыхъ ученій болѣе и болѣе завладѣвали умами современниковъ, и противорѣчіе между ихъ взглядами и существующими порядками становилось все яснѣе и яснѣе.

Мы видѣли, какое значеніе въ рѣчахъ предшествовавшихъ періодовъ имѣли классическіе авторы, римское право и его многочисленные комментаторы и изслѣдователи. Въ разсматриваемую эпоху вліяніе новыхъ направленій ослабило клас-

сическіе и римско-правовые авторитеты, но все-таки ораторы иногда возвращались къ привычному и испытанному оружію. По прежнему громаднымъ авторитетомъ пользовались сочиненія Цицерона, слѣды тщательнаго изученія котораго были отмѣчены въ рѣчахъ Лоазо-де-Молеона. Лалли Толендаль въ заключеніи цитированной выше рѣчи перефразировалъ вступленіе Цицерона по дѣлу Верреса; онъ уговаривалъ судей «подражать королю, дать поученіе вселенной», воспользовавшись случаемъ, посланнымъ небомъ, чтобы освободить суды отъ нареканій въ неправосудіи. Дюпати, выступая противъ судебныхъ порядковъ XVIII вѣка, рекомендовалъ судьямъ прислушиваться къ словамъ лучшихъ римскихъ императоровъ, Траяна и Антонина, слѣдовать правиламъ римской юриспруденціи. Сохранились въ рѣчахъ и примѣры изъ древней исторіи; повторялись имена Миноса, Ликурга, Солона, Мильтіада, Эпаминонда и другихъ греческихъ и римскихъ героевъ. Немаловажное мѣсто продолжала занимать въ рѣчахъ и реторика, какъ это видно изъ приведенныхъ выше рѣчей и записокъ: она доходила въ нѣкоторыхъ случаяхъ до крайнихъ предѣловъ, такъ напр., въ похвальномъ словѣ Моле, Генріонъ-де-Пансэ... слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ религію: «Религія — очагъ всѣхъ добродѣтелей, философія всѣхъ возрастовъ, самое могущественное политическое средство, болѣе сильное чѣмъ личный интересъ, болѣе дѣятельное, чѣмъ любовь къ отечеству, самая вѣрная гарантія преданности народовъ королямъ и справедливости королей къ народамъ». Эта масса эпитетовъ, напоминающая худшія мѣста въ рѣчахъ Цицерона, должна была, по мнѣнію оратора, содѣйствовать возвышенному изложенію предмета въ торжественной рѣчи.

Характерная особенность ораторскаго искусства въ XVIII стол. состояла въ господствѣ письменности. Ораторы не только письменно подготовляли свою рѣчь, но, за немногими исключеніями, они читали ихъ, а не говорили. Поэтому вполнѣ законнымъ представляется сопоставленіе съ рѣчами различныхъ записокъ и мемуаровъ, печатавшихся по поводу процессовъ: они ничѣмъ не отличались отъ рѣчей, произносимыхъ въ присутствіи судей. Стиль, пріемы, размѣръ, все оставалось

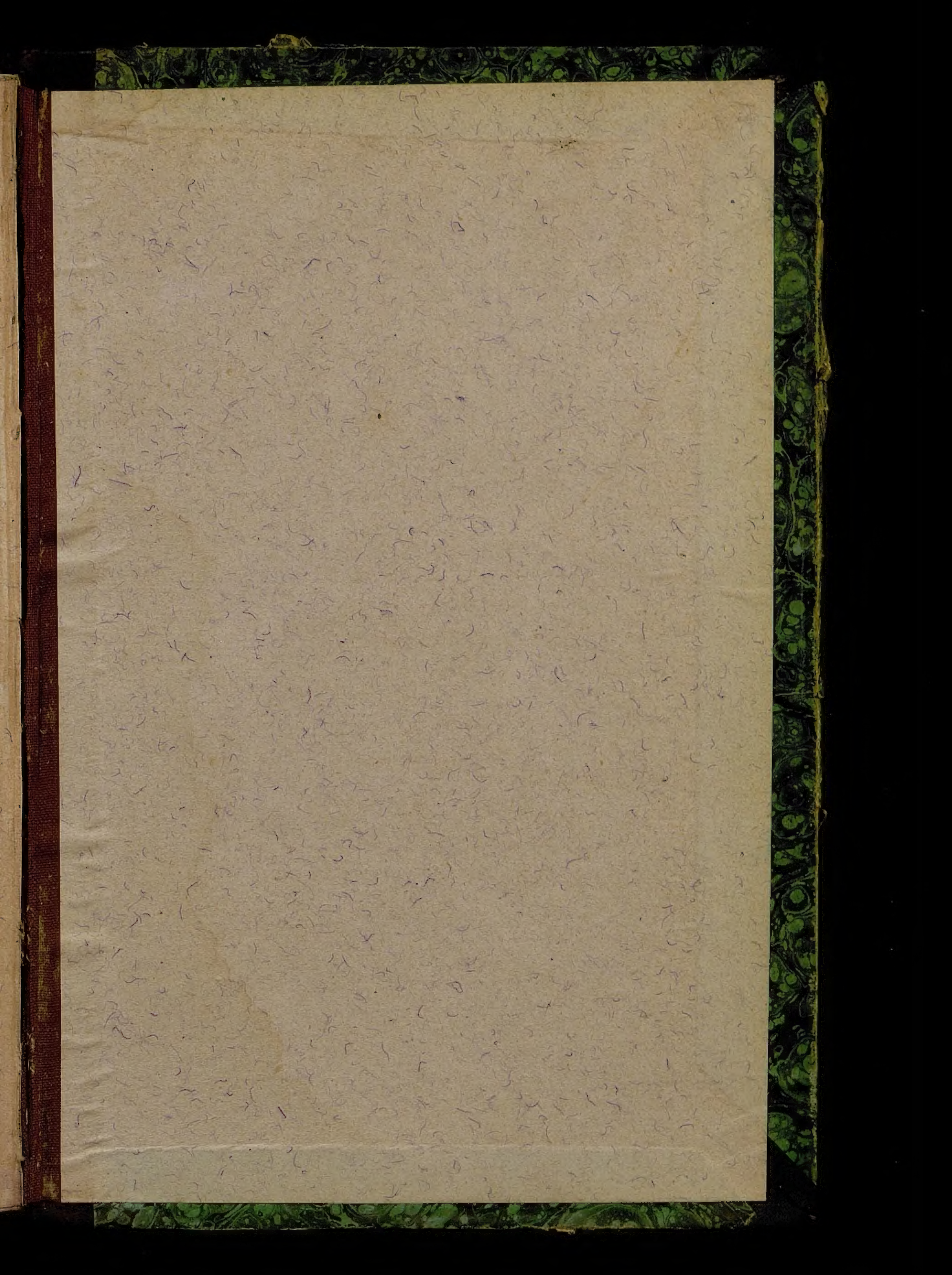
тѣмъ же самымъ. Измѣненіе въ этомъ смыслѣ произошло уже въ революціонную эпоху, положившую начало современному краснорѣчію, въ которомъ произнесеніе рѣчи наизусть, а не чтеніе ея признается общимъ правиломъ *).





*) Обзоръ литературы будетъ приложенъ къ очеркамъ, заканчивающимъ исторію судебнаго краснорѣчія во Франціи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.




Тимофеевъ
Оч. по Ист.
Краснор.